

Том 3, № 1
2006

Учредитель

Государственный университет
Высшая школа экономики

Главный редактор

Т.Н. Ушакова

Редакционная коллегия

К.А. Абульханова-Славская

Н.А. Алмаев

Т.Ю. Базаров

В.А. Барабанщиков

А.К. Болотова

А.Н. Гусев

А.Л. Журавлев

Г.В. Иванченко

А.В. Карпов

Е.А. Климов

А.Н. Лебедев

Д.А. Леонтьев

Д.В. Люсин

А. Лэнгле

Н.Б. Михайлова

В.Ф. Петренко

А.Н. Подьяков

В.А. Пономаренко

И.Н. Семенов

Е.А. Сергиенко

Е.Н. Соколов

Д.В. Ушаков (зам. глав. ред.)

А.М. Черноризов

В.Д. Шадриков (зам. глав. ред.)

А.Г. Шмелев

Отв. секретарь *М.Л. Лаптева*

Редактор *О.В. Шапошникова*

Переводы *И.Е. Сироткиной*

Корректурa *О.В. Гаврильченко*

Компьютерная верстка

Е.А. Валуевой

Адрес издателя

и распространителя:

249038, г. Обнинск, ул. Комарова, 6.

Тел. (48439) 7-41-26

E-mail: ig_socin@mail.ru

Перепечатка материалов только

по согласованию с редакцией

© ГУ ВШЭ, 2006 г.

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

СОДЕРЖАНИЕ

Философско-методологические проблемы

И.Т. Касавин. Дискурс и хаос. Проблема
титularного советника Голядкина3

Теоретико-эмпирические исследования

Н.А. Алмаев, Г.Ю. Малкова.

Контент-аналитическое исследование личности . .19

Специальная тема выпуска:

Психотерапия как наука

Д.В. Ушаков. Вступительное слово43

А.И. Сосланд. Психотерапия в сети
противоречий46

Выступления участников дискуссии

А.Ф. Бондаренко. Психотерапия:

тип социальности и сетевой маркетинг68

Е.Л. Михайлова. Напряжение в сети нормальное
(Некоторые аспекты психотерапии как
социокультурной практики)77

А.Б Орлов. Психотерапия в процессе
рождения82

В.П. Руднев. Миф психотерапии97

А.Ш. Тхостов. Психотерапевт и его магия103

Заключительное слово

А.И. Сосланд. Нас спасет клиент110

Короткие сообщения

А.Ф. Ануфриев. Психодиагностика как
научная основа деятельности практического
психолога120

В.А. Барабанщиков, А.О. Болдырев. Тенденции
восприятия индивидуально-психологических
особенностей человека по частично
открытому лицу127

Ю.В. Ковалева. Регуляция поведения в
супружеской паре в период ожидания ребенка . .135

Научная жизнь

В.М. Петров. Исследования художественного
творчества: два облика междисциплинарности
(Размышления по итогам Международного
конгресса по креативности и психологии
искусства, Пермь, 2005, июнь)143

Резюме выпуска на европейских языках153

**Vol. 3, № 1
2006**

Publisher

State University
Higher School of Economics

Editor

T.N. Ushakova

Editorial Board

K.A. Abulkhanova-Slavskaja

N.A. Almaev

T.Yu. Bazarov

V.A. Barabanshchikov

A.K. Bolotova

A.N. Goussev

A.M. Chernorisov

G.V. Ivanchenko

A.V. Karpov

E.A. Klimov

A. Längle

A.N. Lebedev

D.A. Leontjev

D.V. Lyusin

N.B. Michailova

V.F. Petrenko

A.N. Poddiakov

V.A. Ponomarenko

I.N. Semenov

E.A. Sergienko

V.D. Shadrikov (Vice Editor)

A.G. Shmelev

E.N. Sokolov

D.V. Ushakov (Vice Editor)

A.L. Zhuravlev

Managing Editor *M.L. Lapteva*

Translation *I.E. Sirotkina*

Copy editing

O.V. Shaposhnikova,

O.V. Gavrilchenko

Page settings *E.A. Valueva*

Publisher and Distributor's Address:

ul. Komarova, 6, 249038, Obninsk,
Russia.

Tel. (48439) 7-41-26

E-mail: ig_socin@mail.ru

No part of this publication may be reproduced without the prior permission of the copyright owner

© SU HSE, 2006

PSYCHOLOGY

the Journal of the Higher School of Economics

CONTENTS

Theory and Philosophy of Psychology

I.T. Kasavin. Discourse and Chaos: the Problem of the Titular Councillor Golyadkin3

Theoretical and Empirical Research

N.A. Almaev, G.Iu. Malkova. The Content Analysis of Personality: a Study19

Special Theme of the Issue.

Psychotherapy as a Research Field

D.V. Ushakov. Introduction43

A.I. Sosland. Psychotherapy in the Circuit of Contradictions46

Interventions of the Participants of the Discussion

A.F. Bondarenko. Psychotherapy:

Type of Sociality and Network Marketing68

E.L. Mikhailova. The Tension in the Circuit

is High: Some Aspects of Psychotherapy as a Cultural Practice77

A.B. Orlov. The Nascent Psychotherapy82

V.P. Rudnev. The Myth of Psychotherapy97

A.Sh. Tkhostov. The Psychotherapist and

His/Her Magic103

Final Comments

A.I. Sosland. The Client Will Save Us110

Work in Progress

A.F. Anufriev. Psychodiagnostics as a Scientific

Basis of Psychological Practice120

V.A. Barabanshchikov, A.O. Boldyrev. Reading

Individual Psychological Features on a Partly Exposed Face127

Iu.V. Kovaleva. Behaviour Management of a Married Couple During Expectancy Period135

Scientific Life

V.M. Petrov. Studies of Artistic Creativity:

Two Faces of Interdisciplinarity (Reflections

on the Results of the International Congress on

Aesthetics, Creativity, and Psychology of the

Arts, Perm, June 2005)143

Summary of the Issue153

Философско-методологические проблемы

ДИСКУРС И ХАОС. ПРОБЛЕМА ТИТУЛЯРНОГО СОВЕТНИКА ГОЛЯДКИНА

И. Т. КАСАВИН

Касавин Илья Теодорович — заведующий сектором социальной эпистемологии Института философии РАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук. Главный редактор журнала «Эпистемология и философия науки».
Контакты: journal@iph.ras.ru

Резюме

Задача данной статьи в том, чтобы проанализировать на конкретном примере повести Ф.М. Достоевского «Двойник» связь тех популярных сегодня понятий, которые обозначаются терминами «дискурс» и «хаос». Понимание дискурса обременено многочисленными постмодернистскими интерпретациями, мало способствующими реальному использованию данного понятия в философии и гуманитарных науках. Понятие хаоса возведено в очередной абсолют трудами современных апологетов синергетики.

Причудливая концептуальная констелляция этих терминов выступает продуктом современной теоретической ментальности, в которой, с одной стороны, проявляются вечные свойства человеческого мышления, а с другой — наличная культурная мода. Напоминание о том, что здесь идет речь о неизбывной и болезненной конфронтации языка и мира, бывает полезно всякий раз, когда мир оказывается непонятным, а язык — непослушным.

На пути к теории дискурса

Начало истории термина «дискурс» можно отнести к эпохе Воз-

рождения, ее анализ позволяет более глубоко понять современные контроверзы (см.: Diskurs, 2000). Так, в XX в. возникают многочисленные теории

дискурса, которые разветвляются на два направления. Это, во-первых, немецкая школа, которая, опираясь на Канта и англо-американские теории языковых актов, формулировала этические принципы дискурса в рамках теории коммуникативного действия (см.: Хабермас, 2000). Во-вторых, речь идет о французской школе дискурс-анализа (см.: Фуко, 1996), которая объединяет критику рациональности Ницше и Хайдеггера с постмодернистски понятым неструктурализмом и отождествляет дискурс с феноменом власти. Вместе с тем понятие дискурса проникает в психологию, этнографию, социологию и другие социально-гуманитарные науки (см., например: Harre, 2005; Potter, Wetherell, 1987; Gilbert, Mulcaу, 1984), а также в теологию, фактически претендуя на статус *междисциплинарной методологической программы* (см.: Касавин, 2005).

Сегодня понятие дискурса индексирует собой двуединый сдвиг в центральной проблеме философии — проблеме обоснования знания: дискурс противопоставляется трактату, неспециализированное повседневное мнение — профессиональному экспертному суждению, в особенности при обсуждении проблем общественной значимости. Это понятие соответствует новой реалистической картине мира, которая отказывается от монотеоретизма и от наукоцентризма. Отныне задача не исчерпывается тем, чтобы поставить в центр одну из научных моделей мира; важно оценить их преимущества и недостатки¹. Кроме того, данное сопостав-

ление служит не только цели достижения научной истины, но и построения модели мира повседневности относительно простого человека с его интересами и потребностями.

Быстрое и широкое распространение термина «дискурс» в гуманитарных науках уже вывело его за пределы лингвистической определенности, но еще не дало его философского осмысления. Поэтому нередко такие мнения: «Понятие дискурса претерпевает, без сомнения, инфляцию, и ему не удастся приписать однозначного применения» (Brunner, 2000, S. 141).

Как же можно сузить и уточнить понятие дискурса?

Теория дискурса как прагматически ориентированного текста восходит к работам Э. Бенвениста. Он различал текст как безлично-объективистское повествование и дискурс как живую речь, предполагающую коммуникативные контексты (говорящего, слушающего, намерение, место, время речи). Их различие, по мысли Бенвениста, не совпадает с различием письменного и устного текста (Бенвенист, 1974, с. 276). Этот подход мне представляется оправданным. Вместе с тем в современной лингвистической прагматике понятие текста включает понятие дискурса как свою частную форму. От этой традиции я вынужден отойти: в моем понимании текст и дискурс являются лишь частично пересекающимися понятиями. Я буду понимать дискурс как неоконченный живой текст, взятый в момент его непосредственной включенности в акт коммуникации, в ходе его взаимодействия

¹«Дискурс можно было бы определить как такую инстанцию, с помощью которой модели соотносятся между собой» (Kohlhaas, 2000, S. 32).

с контекстом. От дискурса отличается текст, который уже отчужден от автора пространственными, временными и иными индексикальными (Montague, 1968) параметрами. Чтобы понять дискурс, можно задать вопрос говорящему, понимание же текста требует «вопрошания контекста», контекстуализации письма, возможной лишь в процессе социокультурной реконструкции. В этом смысле *нет устных текстов*, поскольку доступ к любому тексту возможен лишь через его объективированный носитель, в анализе которого можно применить научный принцип воспроизводимости. Устным же в буквальном смысле, *связанным с устами*, т. е. незавершенным, живым, может быть лишь дискурс («прямой эфир»), пусть даже он реализуем не только аудио-, но и визуальными способами, с помощью жестов, знаков, элементов письменного текста. И сам процесс письма является дискурсом постольку, поскольку еще не завершен и связан с автором: к примеру, это процесс рисования или письма учителя на школьной доске перед учениками, следящими за его деятельностью и готовыми задать вопросы.

Итак, различие дискурса и текста я уподобляю различию динамического и статического элементов языка, неоконченной и оконченной речи. Первая для своего понимания требует диалога с другим, вторая — диалога с самим собой (интерпретации). Сама же деятельность по интерпретации может быть понята как дискурс по поводу текста. Тогда динамика дискурса будет перемещением с одного уровня языка на другой путем обмена содержанием между син-

таксисом, семантикой и прагматикой, между текстом и контекстом. Дискурс — посредствующее звено между текстом и контекстом, позволяющее сделать один текст контекстом другого, вовлечь контекст в текст, внести элементы текста в языковые контексты.

То, что отличает дискурс вообще от текста вообще, отличает и философское мышление от обыденного и научного.

Философская рефлексия, часто представляя перед нами в форме законченного текста, все же отличается своей принципиальной незавершенностью. Эта незавершенность, в сущности, не есть недоработанность, которая будет когда-то преодолена. Напротив, *это форма открытости, которая точке предпочитает вопрос, которая намеренно преобразует точку в вопрос, расширяя границы всякого текста до контуров культурного объекта, а культурный объект — до возможного мира вообще.*

Дискурс как квазисинергетика

Современная научная онтология характеризуется тем, что в ней постоянно происходят существенные трансформации, связанные с возникновением новых фундаментальных теорий. Онтология вообще представляет собой концептуальное расширение специально-научной теоретической схемы до учения о некотором фрагменте бытия или даже до учения о бытии в целом. В этом смысле она оказывается своеобразной научной метафизикой, составляющей наряду с другими элементами научную картину мира и через нее сообщающейся с интегральными мировоззренческими

структурами. Последние 30 лет в современной научной онтологии сливаются воедино две тенденции, идущие как от самой науки, так и от систем массового сознания, и они обе связаны с принципиальным переосмыслением понятий порядка и хаоса. Со стороны науки (см.: Poser, 2005) оно инспирируется квантовой физикой, неравновесной термодинамикой, теориями самоорганизации, глобальным эволюционизмом, топологией и теорией фрактала, историческим и экономическим индетерминизмом. Законосообразность мира, устанавливаемая классической наукой, объявляется иллюзией. В реальном мире царствует хаос, в котором все время происходят непредсказуемые изменения и правят не законы, а лишь тенденции, способные внезапно измениться в силу таинственных процессов самоорганизации. Со стороны вненаучного сознания критика порядка и одобрение хаоса отчасти обязаны антиглобалистским, контркультурным движениям, массовой молодежной культуре, некоторым направлениям в искусстве, социальным революциям и переворотам, войнам, экономическим кризисам.

Все это вносит новые идеи в философию и гуманитарные науки, акцентируя внимание на сложности, многофакторности, непредсказуемости процесса порождения нового знания, формирования сознания и возникновения культурных объектов. Переосмысливается сама идея логики мышления; логика смыкается с феноменологией (см.: Касавин, 2003), с аргументацией, со стихийно развора-

чивающимся дискурсом². И здесь вновь обнаруживается известная двойственность дискурса вообще, который выступает как последовательное, систематическое, логическое рассуждение и одновременно как хаотическое метание-движение в разные стороны. Современные лингвисты и философы языка, воспринявшие идеи аутопойезиса и самоорганизации, уже готовы объявить дискурс синергетическим феноменом. Это, впрочем, не может заменить конкретного изучения сложности человеческой речи, а в этом изучении художественная литература ушла далеко вперед по сравнению с наукой и философией. И творчество Ф.М. Достоевского является тому убедительным примером.

Одна из особенностей художественного метода Достоевского заключается в следующем. Он не просто вслед за Гоголем избирает в качестве своего анализа «маленького человека», по его собственному выражению, «человека русского большинства» (Достоевский, 1976, с. 329), и не только привлекает внимание к его комической неустроенности, нелепости существования. Достоевский обнаруживает, что противоречивое лицемерие социального бытия соответствует разорванной личности человека, обреченного вести двойную жизнь. Внешнее существование характеризуется общественным унижением, тупой повседневной рутинной, слухами и сплетнями, завистью и предательством; и напротив, внутреннее бытие мечтательно расцветивается, фантастически преображается,

²В современных логических теориях это проявляется в создании систем неклассической логики (см.: Карпенко, 2005), что также оказывает влияние на эпистемологию.

мифологизируется до болезненности. Спокойный и благомыслящий чиновник Прохарчин все время подчеркивает свою бедность, но оказывается «скрытым капиталистом». В страхе по поводу возможного закрытия канцелярии, где он служит, он тайком копит деньги, отказывая себе во всем необходимом. В итоге он доводит себя до умопомешательства и голодной смерти («Господин Прохарчин»). Подлинная жизнь героев романа «Бедные люди» Макара Деушкина и Вари Доброселовой контрастирует с окружающим их скудным существованием. Она насквозь пронизана и даже определена *литературным контекстом*. Ведь она, по сути, разворачивается в книгах, которые они читают, и в письмах, которые они пишут друг другу. Титулярный советник Голядкин («Двойник»), будучи удручен одиночеством, стесненным материальным положением, отсутствием социального признания, остро переживает неприятную ситуацию, в которую он попадает по причине утраты чувства социальной дистанции. Обида и страх актуализируют в нем глубокий личностный конфликт, переходящий в тяжелое раздвоение личности и манию преследования.

Для выражения контраста внешнего существования и внутреннего бытия своих героев Ф.М. Достоевский демонстративно использует различные языковые средства. Внешнее существование подчинено установленному социальному порядку и нуждается в канонически-запрограммированной прямой речи, отвечающей социально санкционированной роли. Эта речь представляет собой набор достаточно простых и

заранее готовых текстов, которые озвучиваются строго в соответствии с необходимостью. Во всех остальных, пусть незначительно отклоняющихся от правила ситуациях следует молчать, поскольку риск использования формулы не по назначению подлечит наказанию.

И напротив, приватное, внутреннее бытие героя гарантирует ему относительную свободу в выборе стиля речи. Здесь формулы отбираются и перебираются в соответствии со всем наличным кругом культурных ресурсов. Готовые тексты трансформируются в бесконечно развертывающиеся цепочки ассоциаций, намеков, догадок, фантазий и иллюзий, призванных выразить все многообразие личности. Если же личность не отличается особым богатством (а в указанных произведениях Достоевского это в основном так и есть), то свобода речи приводит к хаотическому нагромождению нелепых словечек, междометий, жаргонизмов, не к месту используемых выражений. Однако и в этом проявляется творческая свобода индивида, его способность к спонтанному дискурсу.

Два типа речи, которыми пользуются герои Достоевского, совпадают, по сути, с двумя ипостасями дискурса, как он понимается, к примеру, в работе В.В. Мароши (см.: Мароши, 1996). С одной стороны, это регламентированное правилами рассуждение, дискурсивно выстраиваемый текст, с другой же — свободно разворачивающаяся артикуляция духовной жизни. Эти типы речи весьма напоминают лингвистические коды (социально ограниченный и разработанный, в терминологии Б. Бернштейна, см.: Bernstein, 1962; Касавин,

1998). Различные характеристики дискурса являются предметом специального исследования, которое разворачивает М.М. Бахтин на материале творчества Ф.М. Достоевского. Главное у Достоевского М.М. Бахтин обозначает двумя терминами, которым была суждена долгая история и многообразное использование в целом ряде гуманитарных наук — «полифонический роман» и «диалогичность». Показательно, что даже в англоязычной — наиболее представительной — литературе по дискурс-анализу сегодня признается значение работ М.М. Бахтина. Так, по мнению С. Хениша (см.: Hoenisch, 2004), вклад Бахтина в теорию и практику дискурс-анализа способен существенно обогатить почти исчерпанное наследие Л. Витгенштейна, и, кстати, не в последнюю очередь это касается его анализа творчества Достоевского.

Для нашего анализа также значимы размышления М.М. Бахтина о Достоевском, в частности, его замечания о работах С. Аскольдова и Л. Гроссмана, посвященных анализу произведений этого писателя. Так, Аскольдов замечает, что у Достоевского личность неизбежно приходит в столкновение с внешней средой, прежде всего — во внешнее столкновение со всякого рода общепринятостью. Отсюда «скандал» — это первое и наиболее внешнее обнаружение пафоса личности — играет громадную роль в произведениях Достоевского. В основе композиции каждого романа Достоевского, по Гроссману, лежит принцип двух или нескольких встречающихся повестей, которые контрастно дополняют друг друга и связаны по музыкальному принципу полифонии. М.М. Бах-

тин цитирует вывод Л. Гроссмана: «Это и было осуществлением открытого романистом закона "какой-то другой повести", трагической и страшной, врывающейся в протокольное описание действительной жизни. Согласно его поэтике, такие две фабулы могут восполняться сюжетно и другими, что нередко создает известную многоплановость романов Достоевского. Но принцип двухстороннего освещения главной темы остается господствующим. С ним связано не раз изучавшееся у Достоевского явление "двойников", несущих в его концепциях функцию, важную не только идейно и психологически, но и композиционно» (Гроссман, 1959, с. 342).

«Двойник».

Case study одного эпизода

Обратимся к повести Ф.М. Достоевского «Двойник», точнее, к одному из ее ключевых и наиболее загадочных эпизодов, в котором герой, Яков Петрович Голядкин, посещает врача и ведет с ним диалог. Роль Голядкина может служить иллюстрацией спонтанности и самодостаточности речи, лишенной в момент своего проговаривания очевидной и доступной для слушателя связи с каким-либо контекстом. Более того, сама эта речь содержит в себе элементы будущих контекстов, которые автор собирается ввести по ходу повествования. Данный дискурс представляет собой как бы первый этап замысла повести, головоломку, которую читателю предстоит разгадывать до самого конца предложенного текста.

Напомним, однако, с чего начинается все повествование.

В самом начале первой главы повести стоящий как раз посередине служебной лестницы чиновник Голядкин просыпается в хмурое петербургское утро в своей обшарпанной квартирке с рассеянными, не приведенными в надлежащий порядок мыслями. Из этого состояния его выводит некая идея, которой надлежит сегодня осуществиться. Голядкин начинает судорожную деятельность: зовет своего слугу Петрушку, заставляет того надеть арендованную для случая подержанную ливрею, требует чаю, бриться и мыться. Оказывается, что во дворе Голядкина уже ожидает нанятая на весь день за двадцать пять целковых карета (неслышанное дело!), и ему предстоит чрезвычайное, важное и торжественное дело — он приглашен на обед. И это отнюдь не обычный обед, это событие из тех, что изменяют всю жизнь человека, и сей факт побуждает нашего героя к радости и страху одновременно. Катаясь в карете по городу, Голядкин вовсе не чувствует себя на своем месте. Встреча с сослуживцами вызывает в нем раздражение, а когда вдруг щегольские дрожки начальника отделения обгоняют его карету, Голядкин вообще готов провалиться сквозь землю и даже не способен поздороваться. Это наводит на мысль о том, что вся внешняя канва бытия, которую выстраивает Голядкин неким судьбоносным утром, резко контрастирует с его обычным, рутинным существованием. Это скачок из царства повседневности во что-то вроде сказки или героического мифа, что не только не добавляет уверенности, но, напротив, решительно расстраивает и так не слишком устойчивую психику героя. Хочется испепелить

всех врагов своих, а по минимуму — привести себя в форму. И здесь, как пишет Достоевский, «господину Голядкину немедленно понадобилось, для собственного же спокойствия, вероятно, сказать что-то самое интересное доктору его, Крестьяну Ивановичу» (Достоевский, 1988, с. 152). Типичное посещение психотерапевта, как выразились бы мы сегодня, и посещение оправданное, ибо тому соответствует состояние его психики. «Так ли, впрочем, будет все это,— продолжал наш герой, выходя из кареты <...>,— так ли будет все это? Прилично ли будет? Кстати ли будет? Впрочем, ведь что же,— продолжал он, подымаясь на лестницу, переводя дух и сдерживая биение сердца, имевшего у него привычку биться на всех чужих лестницах,— что же? Ведь я про свое и предосудительного здесь ничего не имеется... Скрываться было бы глупо. Я вот таким-то образом и сделаю вид, что я ничего, а что так, мимоездом... Он и увидит, что так тому и следует быть» (там же). У двери доктора Голядкин дважды меняет свое решение, но, услышав шаги на лестнице, все-таки звонит в дверь.

И тут Достоевский начинает вторую главу — десять страниц диалога, в процессе которого «доктор медицины и хирургии» Крестьян Иванович Рутеншпиц, солидный и значительный мужчина, в основном недоволенно крикает и хмыкает, недоуменно поглядывая на странного посетителя. Голядкин же, пытаясь поделиться с доктором некоей жизненной проблемой и наталкиваясь на его отчужденное непонимание, не рискует говорить открытым текстом. Не будучи вообще одарен способностью внятно выражать свои мысли («я не мастер

красно говорить»), герой теряется, путается, мямлит и все ходит вокруг да около беспокоящей его проблемы. И неудивительно, ибо условием диалога выступает резкий диссонанс уверенного в себе доктора, привыкшего безапелляционно объявлять диагноз и назначать лечение, и чиновника, вся жизнь которого построена на намеках и догадках, лицемерии и лизоблюдстве, служебной иерархии и бессмысленных пунктах инструкций.

Поэтому и сам дискурс, артикулируемый Голядкиным, состоит как бы из трех частей, единство которых иллюстрирует многослойность всякого дискурса вообще. В его первой части Достоевский всячески подчеркивает то, как трудно его герою изложить суть своей проблемы. «Я, Крестьян Иванович, — начал господин Голядкин с улыбкой, — пришел вас беспокоить вторично и теперь вторично осмеливаюсь просить вашего снисхождения... — Господин Голядкин, очевидно, затруднялся в словах» (Достоевский, 1988, с. 154). Однако причина его затруднений лежит глубже. Как выяснится позже, она состоит в некоей непростой социальной коллизии, в которую герой ввязался и из которой объективно почти невозможно изыскать достойный выход.

Впрочем, Голядкин на уровне подсознания ощущает, что не только и не столько социальная действительность представляет собой область его подлинных затруднений. Ноги ведут его к врачу как раз потому, что решением проблемы может быть лишь лечение его душевных недугов и даже больше — изменение структуры личности. Но доктор, пользующий ге-

роя, представляет собой не более чем очередного «немца», инородца, за силые которых раздражает Голядкина почти с той же силой, что и самого Достоевского. Это вполне традиционный медик, чуждый всякого будущего психоанализа, материалист, убежденный в том, что бытие определяет сознание. Он не сомневается в том, что психические проблемы его пациента требуют социальных рецептов, и здесь он мыслит точно так же, как марксистские интерпретаторы творчества Достоевского, доказывающие, что ущербные личности его героев суть продукты гнусной социальной реальности, живописуемой самим писателем.

«Гм... да! — проговорил Крестьян Иванович, выпустив изо рта струю дыма и кладя сигару на стол, — но вам нужно предписаний держаться; я ведь вам объяснял, что пользование ваше должно состоять в изменении привычек... Ну, развлечения; ну, там, друзей и знакомых должно посещать, а вместе с тем и бутылки врагом не бывать; равномерно держаться веселой компании... вам нужно *коренное преобразование всей вашей жизни иметь и в некотором смысле переломить свой характер*» (курсив мой. — И.К.) (Достоевский, 1988, с. 154–155).

Переход ко второй части дискурса происходит именно в этот момент. Ведь Голядкина не интересует насильственное изменение его личности, он как раз убежден в ее самоценности и даже пытается в меру слабых сил описать перед лицом бесстрастного врача особенности своего характера. И подобно тому, как он не в состоянии изложить суть своих затруднений, он и самого себя описывает

столь же бессвязно. Такое впечатление, что местоимение «я» дезориентирует его, вносит сумятицу в ум, приводит к заиканию, нарушает грамматический строй речи.

«Господин Голядкин, все еще улыбаясь, поспешил заметить, что он, как и все, что он у себя, что развлечения у него, как и у всех... что, он, конечно, может ездить в театр, ибо тоже, как и все, средства имеет, что днем он в должности, а вечером у себя, что он совсем ничего; даже заметил тут же мимоходом, что он, сколько ему кажется, не хуже других, что он живет дома, у себя на квартире, и что, наконец, у него есть Петрушка. Тут господин Голядкин запнулся» (Достоевский, 1988, с. 154).

Он запинаяется потому, что трудности самоописания заводят его в тупик: отвечая на упрек доктора в асоциальности, Голядкин настойчиво подчеркивает причастность к некоторому целому, сходство и даже единство с ним, но вместе с тем понимает, что отнюдь не в этом лелеемая им особенность его характера. И здесь герой уже отвечает отказом на радикальное вмешательство в структуру его личности. Он идет на риск, пытаясь открыться и изложить свое жизненное кредо, изобразить свое подлинное, внутреннее «я», дистанцированное от наличной социальности и задающее контуры индивидуального жизненного мира. При этом он смущается, извиняется, путается, подыскивает подходящие слова, сбивается и раздражается от всего этого, видя, что все его усилия не оказывают должного воздействия на собеседника.

«Я хочу сказать, Крестьян Иванович, что я иду своей дорогой, особой

дорогой, Крестьян Иванович. Я себе особо и, сколько мне кажется, ни от кого не завишу (заявляет Голядкин и добавляет невпопад.— И.К.). — Я, Крестьян Иванович, тоже гулять выхожу». И здесь же: «Я, Крестьян Иванович, хоть и смирный человек, как я уже вам, кажется, имел честь объяснить, но дорога моя отдельно идет, Крестьян Иванович. Путь жизни широк... Я хочу.. я хочу, Крестьян Иванович, сказать этим... Извините меня, Крестьян Иванович, я не мастер красно говорить» (Достоевский, 1988, с. 155).

Специфическая лексика Голядкина четко служит цели автора. Постоянные ссылки героя на уже якобы сказанное призваны подчеркнуть наличие общего лингвистического контекста и, тем самым, возможность понимания. Аналогичная нарочито вежливая апелляция к собеседнику через избыточное повторение его имени выражает собой стремление его убедить, внушить ему определенную мысль. Так же заполняются разрывы в аргументации и создается видимость упорядоченного дискурса.

Достижение некоторой языковой упорядоченности с этого момента (т. е. на этом этапе разворачивания дискурса) может компенсировать недостаточную органическую включенность в социальный порядок. Поэтому самоописанию личности Голядкина служит теперь уже не отождествление его с другими, но противопоставление им, противопоставление всей внешней социальности вообще. Он признается, что «придавать слогу красоту не учился», искусством «лощить паркетные сапогами» не обладает, каламбуры и «комплимент раздушенный» составлять не

умеет. «Я человек простой, незатейливый, и блеска наружного нет во мне. В этом, Крестьян Иванович, я полагаю оружие; я кладу его, говоря в этом смысле. — Все это господин Голядкин проговорил, разумеется, с таким видом, который ясно давал знать, что герой наш вовсе не жалеет о том, что кладет, в этом смысле оружие и что он хитростям не учился, но что даже совершенно напротив» (Достоевский, 1988, с. 156).

Поскольку эти откровения Голядкина доктор встречает «с весьма неприятной grimасой в лице», не желая его понять и, в сущности, презирая этого чиновника средней руки с его мелкими проблемами, то возбуждение героя нарастает. Он пытается сделать свою речь еще более внушительной, многозначительной и торжественной, снижает темп, воодушевляется и бросает на собеседника вызывающие взгляды. «Мне, Крестьян Иванович, от вас скрывать нечего. Человек я маленький, сами вы знаете; но, к счастью моему, не жалею о том, что я маленький человек. Даже напротив, Крестьян Иванович; и, чтоб все сказать, я даже горжусь тем, что не большой человек, а маленький. Не интригант — и этим тоже горжусь. Действую не втихомолку, а открыто, без хитростей, и хотя бы мог вредить в свою очередь, и очень бы мог, и даже знаю, над кем и как это сделать, Крестьян Иванович, но не хочу замазать себя и в этом смысле умываю руки. В этом смысле, говорю, я их умываю, Крестьян Иванович!»

Еще одна находка Достоевского — идущее рефреном выражение «в этом смысле»; это еще один, уже почти герменевтический способ апелляции к пониманию как подчеркивание

скрытого, неочевидного смысла слов, их подтекста. Голядкин использует его в преддверии перехода к самому болезненному, к тому, от чего он жаждет дистанцироваться, но что постоянно мучает его, — к людям, которых он считает своими недоброжелателями и даже врагами.

«Иду я, Крестьян Иванович, — стал продолжать наш герой, — прямо, открыто и без окольных путей, потому что их презираю и предоставляю это другим. Не стараюсь унижить тех, которые, может быть, нас с вами почище... то есть, я хочу сказать, нас с ними, Крестьян Иванович, я не хотел сказать с вами. Полуслов не люблю; мизерных двуличностей не жалею; клеветой и сплетней гнушаюсь. Маску надеваю лишь в маскарад, а не хожу с нею перед людьми каждодневно». И здесь Голядкин доходит до предела возбуждения и почти взрывается: «Спрошу я вас только, Крестьян Иванович, как бы стали вы мстить врагу своему, злейшему врагу своему, — тому, кого бы вы считали таким? — заключил господин Голядкин, бросив вызывающий взгляд на Крестьяна Ивановича».

Все этого герой проговаривает довольно отчетливо, ясно, с уверенностью, взвешивая слова и рассчитывая на соответствующий эффект, но его взгляд выдает крайнее беспокойство, робкое, тоскливое, досадное, нетерпеливое ожидание категорического непонимания со стороны собеседника. И оно превосходит все его ожидания. Доктор учтиво, но сухо объявляет ему, что он его не понимает, что ему время дорого, что все это его не касается; в его силах, дескать, только прописать ему, что следует. И он берется за перо.

Голядкин выходит из себя, протестует и даже хватается за руку, готовую выписать рецепт успокоительного. Тот, в свою очередь, встает и берет его за лацкан вицмундира, и они стоят друг напротив друга, словно готовые к драке. Тут Голядкин бросается в слезы, это напоминает катарсис или психоаналитическое повторное отреагирование. Голядкин рыдает, поминая своих врагов и рассыпаясь в благодарностях доктору. И, пораженный неожиданной выходкой, тот уже готов выслушать его по существу.

И здесь начинается третья часть разговора, где герой излагает неприятную коллизию, в которую он попал. При этом для самообозначения он пользуется принятым эвфемизмом «мой близкий знакомый». Итак, будучи приглашен на обед к своему благодетелю и испытывая нежные чувства к его дочери, Голядкин ревниво наблюдает за племянником своего начальника и одновременно своим молодым коллегой. Последний недавно получил повышение до коллежского асессора (восьмой чин Российской табели о рангах) и собирается жениться как раз на даме его сердца. Вообще-то говоря, будучи титулярным советником (девятый чин), Голядкин не должен завидовать коллеге, который стоит чуть ниже его на бюрократической лестнице. И все же — тот еще совсем мальчишка, а уже как преуспел! Поэтому герой, забыв приличия, говорит ему обидные слова, пытается открыть глаза хозяину дома на скрытые мотивы поведения конкурента, дерзит его дочери. И все это Голядкин проделывает в отместку за злые сплетни, которые гости распускают про него и которые, вероятно, не лишены осно-

ваний. Якобы он задолжал гадкой немке-кухмистерше, у которой брал обеда, и вместо возврата долга предлагает ей руку!

Короче говоря, в третьей части разговора задается социальный контекст существования главного героя, контекст враждебный и, помимо всего, превратно оцениваемый им самим. Этот контекст на данном этапе развертывания дискурса можно отчасти артикулировать в языке и тем самым обрести определенную независимость от него, что и делает Голядкин, используя почти бессловесного доктора как слушателя.

Однако данная реконструкция разговора Голядкина и Рутеншица становится возможна лишь по прочтении всей повести. Разговор дает лишь первый и загадочный набросок ее контекста, не столько объективно проясняя ситуацию, сколько ставя читателя в положение доктора, выслушивающего бредовые откровения пациента. Своеобразная логика начинает просвечивать в хаотическом дискурсе Голядкина лишь с высоты последних страниц повести, когда герой окончательно сходит с ума и доктор увозит его в психиатрическую лечебницу. Этот заключительный штрих обладает мощным объяснительным потенциалом, пусть даже его достоинство с точки зрения авторов современной прозы и не безусловно (объяснение основной коллизии ссылкой на сумасшествие героя теперь говорит о недостатке изобретательности). В современном безумном и одновременно психоаналитическом мире сумасшествие его персонажей представляет собой слишком очевидный факт, чтобы апелляция к нему давала интересное объяснение

наличного хаоса. Идеи синергетики как раз потому вызывают столь бурный интерес, что они граничат с тривиальностью. Это тот редкий случай, когда математические формулы легко переводятся на язык повседневности, пусть даже и со значительной потерей содержания. Но Достоевский нащупывает своеобразную логику хаоса задолго до Пригожина и Хакена благодаря проникновению в душевный мир своих персонажей. В чем же она состоит?

Казалось бы, дискурс Голядкина разворачивается поэтапно, причем один этап естественным образом сменяет другой. Такова его поверхностная линейная интерпретация, которой мы коснулись в предшествующем изложении. При более подробном вчитывании в текст возникает ощущение, что все повествование направляется какой-то внешней объективной силой, столь же могучей, сколь и стихийно-иррациональной. С этой точки зрения каждая из частей диалога Голядкина с врачом есть самостоятельная линия, осуществляющаяся наряду с другими, виртуально или реально, в качестве замысла и подведения итога, развернутого нарратива и загадочного подтекста, самоанализа и социальной критики, бытовой драмы и мифологического сюжета, а также иных смысловых и стилистических вариаций. Все три линии расходятся и ветвятся по типу злополучной ризомы, неожиданно выпуская все новые отростки, сплетаются друг с другом, чтобы в конце концов слиться воедино. Локальный эпизод с врачом оказывается моделью всего будущего повествования, но моделью такой, которая задает лишь некоторые контуры и не

в состоянии предусмотреть другие. И в дальнейшем повесть напоминает рост органического существа из первоначальной аморфной массы в соответствии с генетическим кодом, причем каждый новый шаг в его развитии есть одновременно и результат обратной связи со средой обитания, взаимодействия, которое приводит к радикальным изменениям всего исходного проекта.

Вернемся к завязке сюжета. Запланировано ли Голядкиным посещение врача изначально или нет? С одной стороны, нет, ибо, как свидетельствует Достоевский, его герой долго сомневается, приличен и своевременен ли данный визит. Однако в определенном отношении этот визит запрограммирован и даже обусловлен, хотя и не в смысле однозначно причинного детерминизма. Заказав карету на весь день и отправляясь, так сказать, в свободный полет, Голядкин решается на отчаянное предприятие, своеобразный героический акт. Как он проведет время до пяти часов, когда предстоит пожаловать на обед? Потребность в канализации возбуждения и эмоциональной подпитке побуждают его совершать самые различные активные действия, которые контрастируют с его повседневным существованием. Во многом это именно вербальные, дискурсивные акты, назначение которых в том, чтобы снять обычную зажатость, добавить моторики, расковать сознание и язык. Врач обязан выслушивать пациента, а новый, малоизвестный врач — чем не подходящий слушатель и собеседник? В этом смысле посещение Крестьяна Ивановича в это утро оказывается высоко вероятным.

С чего же начать разговор? Нужно обеспечить условия понимания, а именно завоевать доверие, найти общий язык. Этому служат апелляции к социальной принадлежности героя: я, дескать, такой же, как и все. Но конечный смысл данного приглашения к диалогу лежит далеко за его пределами. Вскоре оказывается, что такого рода ритуальные фразы — не более чем формальный акт, социальный ритуал, элемент этикета. Они призваны исподволь, по контрасту подготовить доктора к пониманию прямо противоположного тезиса — к тому, что перед ним совершенно необычная личность с уникальным внутренним миром и особой линией поведения. Но и это лишь часть прелюдии, без которой не понять социальной коллизии, о которой Голядкин хочет и одновременно не хочет рассказать Рутеншицу.

В чем же цель разворачивающегося рассказа? Информация о положении дел в канцелярии и в личной жизни чиновников? Вовсе нет, Голядкин не сообщает, а доктор не запрашивает у него информацию. Демонстрация искусства рассказчика? Но герой и сам признается, что не обучен «красно говорить». Сплетня? Только в небольшой степени, поскольку это служит иной, основной цели. Убеждение слушателя в собственной правоте? Скорее Голядкин убеждает не доктора, а самого себя. Самоанализ? Это ближе к истине, но еще не вся истина. Построение картины мира и ее артикуляция? Вот она, подлинная цель дискурса. Рассказчику жизненно необходима стройная онтология, впрочем, отнюдь не научная, а просто позволяющая организовать свою деятельность. Голядкин должен по-

строить локальный миф о герое и врагах, с которыми он борется, о заколдованной злым волшебником прекрасной даме, любви которой он взыскует. Как только набросок такой онтологии измыслен, пережит и проговорен, Голядкин испытывает воодушевление и радость.

Чем же заканчивается дискурс? Он не заканчивается никогда, он всегда выходит за свои пределы. Стоит лишь Голядкину покинуть приемную врача, как социальная реальность вновь вступает в свои права. И герой опять превращается в неуверенного, слабого, раздваивающегося, маленького человечка. И он снова надевает маску, садясь в карету, понукая слугу, посещая рестораны и магазины. Его нужда в практических и языковых действиях, воспроизводящих вымышленный мир, подобна наркотической зависимости. По всей ткани повести разбросаны резкие, импульсивные действия Голядкина, его невольные сказанные фразы, мучительные движения его души. Они подобны знаменитому мюнхгаузенскому вытаскиванию себя самого за волосы из болота, в данном случае из болота социальной рутины, роковой предопределенности, злосчастной повседневности.

Образ двойника, возникающий в конце концов в его воспаленном сознании, представляет собой образ трикстера, мастера превращений; мага, который повелевает стихиями; тени из одноименной пьесы Е. Шварца. Появление двойника — своеобразная точка бифуркации, означающая рождение нового мира, где отныне все по-другому, все приобретает новое значение: люди, отношения, слова. Голядкину-двойнику удастся все то,

что не под силу Голядкину-оригиналу: завоевать благоволение начальства, любовь красавицы, дружбу коллег, преуспеть в карьере. Двойник — мечта, материализованная измученным мозгом Голядкина, его тайная зависть к успешности других и неизбежная ненависть к самому себе, такому жалкому и ничтожному. Голядкин любит и ненавидит свою мечту одновременно, это его самость, возставшая против своего господина и погубившая его.

Сравнение «Двойника» Достоевского и пьесы-сказки Е. Шварца «Тень» способно многое прояснить в поведении Голядкина. В образе тени рельефно, с мощной силой предвидения выписана та самая ипостась ученого человека, которая проявилась в эпоху перестройки. Обидная фраза: «Если ты такой умный, то почему такой бедный?» — побудила многих научных работников бросить науку ради бизнеса и политики. Жажда успеха заставила их переосмыслить прежние ценности, и на этом пути не обошлось без потерь. На место поиска истины пришел поиск власти, успеха и благополучия, потому что истина всего этого не гарантирует.

Справедливости ради заметим, что и до перестройки и вообще в любую эпоху ученый стоит перед дилеммой: служить истине или быть рабом суеты, пусть даже в рамках самой науки. Так что современная эпоха просто обнажила и заострила тот вечный моральный выбор, который так ярко проиллюстрировал Шварц. Отношения между его героями порой близки, порой зеркально противоположны отношениям Голядкина и его двойника. Тень любит и одновременно ненавидит ученого, он ее

господин и конкурент. Чем выше солнце над головой человека, чем больше его социальное признание, тем короче его тень, меньше его неудовлетворенность жизнью, зависть и закомплексованность. И напротив, тень вырастает в туманную эпоху перемен, когда человек лишается социальной поддержки и оказывается во власти звериных отношений, войны всех против всех. В сказке Шварца ученому путем героического напряжения сил удается оставить ложную стезю и вернуться к высоким ценностям истины, любви, духовной красоты. Читатель приобщается к архетипу, проясняет свое сознание и получает положительный эмоционально-нравственный заряд. Голядкин же только мечтает о героизме, он слишком человечен и потому сам становится тенью своего двойника, который поработает и в конце концов уничтожает его. Поэтому, переворачивая последнюю страницу повести, мы наполняемся мучительным недоумением, ужасом перед бездной человеческого подсознания, страхом перед самими собой.

«Тень, знай свое место!» — вот аксиома логики Е. Шварца, в которой изначально доминируют полярные противоположности (истина — ложь, любовь — вражда, честь — бесчестие). Тень не может стать человеком, человек не должен стать тенью. Х.Л. Борхес переводит моральную дилемму в онтологическую плоскость: две одинаковые вещи не существуют в мире. Совершенное стихотворение о дворце китайского императора уничтожает дворец, поэтому император казнит поэта. Двойники невозможны; их одновременное существование есть иллюзия или онтологическая катастрофа.

Заключение

Полифоничность и внутренняя диалогичность дискурса и есть те его качества, которые отличают его от текста. Ф.М. Достоевский потому и не любил заканчивать свои рукописи (как свидетельствует М.М. Бахтин), что тем самым он обрывал принципиально не заканчиваемое повествование, живую, непосредственную речь. Обычный текст самотождествен, а Достоевский анализирует как раз невозможность существования тождественного, или, иными словами, проблему самоидентификации личности в пограничной ситуации. Одновременно он испытывает на прочность самосознание читателя и его способность понимания текста и человеческих отношений. У Достоевского отношения человека с другими людьми и самим собой запутаны ровно настолько, насколько нам позволяет это понять наш собственный ум. Данным отношениям соответствует стихийная логика речи Голядкина, когда она в наименьшей мере является предметом его рефлексии. Тогда она оказывается подобна китайским ящичкам,

матрешке с множеством вкладышей, каждый из которых соответствует очередному акту деконструкции и одновременно новому реконструирующему шагу интерпретатора. В десятистраничном диалоге Голядкина и Рутеншица вся матрешка дана как бы в спрессованном, хотя и не окончательном виде. Этот (как и почти всякий) напечатанный текст, понятый нами уже как всамделишный, непосредственный дискурс, утрачивает статическую, объективную логику аксиом и правил и становится проявлением жизни духа — литературного героя и самого читателя.

Логика дискурса Голядкина, таким образом, есть подлинная — хаотичная и творческая — логика нашего сознания вообще; но и сам образ этого литературного героя есть во многом продукт нашей логики. С ее помощью, если мы хотя бы отчасти контролируем собственное безумие, мы можем попытаться осуществить многофакторную нелинейную интерпретацию данного нам в определенный момент текста, контекст и подтекст которого тонут в неизмеримых глубинах литературы и жизни.

Литература

- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
- Гроссман Л.П.* Достоевский-художник // Творчество Ф.М. Достоевского. М., 1959.
- Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. в 30 т. Л., 1976. Т. 16.
- Достоевский Ф.М.* Собр. соч. в 15 т. Л., 1988.
- Карпенко А.С.* Неклассические логики versus классической // Логико-филологические штудии. СПб., 2005. Вып. 3.
- Касавин И.Т.* Контекстуализм как методологическая программа // Эпистемология и философия науки. 2005. № 4.
- Касавин И.Т.* Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. М., 1998. Приложение 1.
- Касавин И.Т.* Язык повседневности: между логикой и феноменологией // Вопросы философии. 2003. № 5.
- Мароши В.В.* Что есть дискурс? // Дискурс. 1996. № 2 (сетевая версия).

Фуко М. Порядок дискурса: инаугурационная лекция в Коллеж де Франс 2.12.70 // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистернум, 1996. С. 49–96.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.

Bernstein B. Linguistic Codes, Hesitation Phenomena and Intelligence // Language & Speech. 1962. V. 5, № 1. P. 31–46.

Brunner R. Praxis und Diskurs // Diskurs: Begriff und Realisierung. H.-U. Nennen (Hg.). Würzburg, 2000.

Diskurs: Begriff und Realisierung. H.-U. Nennen (Hg.). Würzburg, 2000.

Gilbert G.N., Mulkey M. Opening Pandora's Box: a sociological analysis of scientists' discourse. Cambridge, 1984.

Harre R. Hybrid Psychology: The marriage of discourse analysis with neuroscience // I. Kasavin (ed.). Knowledge and Society. Papers of international symposium. Moscow, 2005.

Hoenisch S. A Wittgensteinian Approach to Discourse Analysis. Last updated on July 19, 2004 (<http://www.criticism.com/da/section-Approaches-to-Discourse#section-Approaches-to-Discourse>).

Kohlhaas P. Diskurs und Modell. Historische und systematische Aspekte des Diskursbegriffs und ihr Verhältnis zu einer anwendungsorientierten Diskurstheorie // Diskurs: Begriff und Realisierung. H.-U. Nennen (Hg.). Würzburg, 2000.

Montague R. Pragmatics // Contemporary philosophy. La philosophie contemporaine. Florence, 1968. V. I. P. 102–122.

Poser H. Chaotic autopoiesis and the self organisation of catastrophes? New scientific models and their consequences // I. Kasavin (ed.). Knowledge and Society. Papers of international symposium. Moscow, 2005.

Potter J., Wetherell M. Discourse and Social Psychology: Beyond Attitudes and Behaviour. London, 1987.

Теоретико-эмпирические исследования

КОНТЕНТ-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ¹

Н.А. АЛМАЕВ, Г.Ю. МАЛКОВА

Алмаев Николай Альбертович — старший научный сотрудник Института психологии РАН, кандидат психологических наук. Автор монографии «Элементы психологической теории значения» (2006). Область научных интересов — проявление психических состояний в речи, разработка методов и шкал контент-анализа.
Контакты: almaev@mail.ru

Малкова Галина Юрьевна — ассистент Государственного университета гуманитарных наук, кандидат психологических наук. Область научных интересов: разработка шкал контент-анализа, ассоциативные тесты.
Контакты: 26may@mail.ru

¹Исследование выполнено при содействии гранта Президента РФ поддержки ведущих научных школ № 1870.2003.6, а также гранта РГНФ № 04-06-00273а.

Резюме

В статье обсуждаются вопросы совместного применения личностных опросниковых тестов и контент-анализа автобиографических рассказов.

Особенностью методики явилась разработка шкал контент-анализа, максимально приближенных по своему содержанию к шкалам опросникового теста (ТСІ) Клонинджера. Обнаружено, что связь между результатами тестов и контент-анализа текстов существует, но опосредуется большим количеством промежуточных переменных, таких, как пристрастность субъекта при заполнении опросника, его представления о себе, готовность поделиться информацией с психологом и т. д. Указанные факторы выходят далеко за пределы обычной социальной желательности. В статье делается вывод о необходимости реформирования практики разработки опросниковых тестов, включения в нее новых «шкал-провокаций» и «шкал-ловушек».

В настоящее время психодиагностика личности опирается на два основных подхода — формализованные личностные опросники и содержательный анализ вербальной продукции. Осуществление каждого из них характеризуется особой гносеологической ситуацией. Заполняя опросник, субъект должен делать выбор из предложенных ему утверждений, зачастую малоподходящих. Таким образом, получается, что субъект выбирает *наименее не подходящее*, однако при этом исследователь может быть уверен, что формально получит ответы по всем содержащимся в опроснике темам.

Контент-аналитическое исследование личности базируется на свободно порожденном тексте, т. е. субъект при его создании выбирает *наиболее подходящие* слова для описания психологического содержания. Однако при этом нет гарантии, что интересующие исследователя темы будут затронуты. Соответственно, можно констатировать взаимную дополнительность обоих подходов и перспективность исследований, их сочетающих.

Обращение к методу контент-анализа часто происходит в тех случаях, когда изучаются феномены, которые затруднительно измерить с помощью существующих опросниковых методик. Это обусловлено не только тем, что текст является одним из основных носителей информации о личности, но и особенностями осуществления техники контент-анализа. Этот метод дает возможность операционализации различных категорий, зачастую абсолютно новых, в зависимости от целей исследования.

Например, в работе А.В. Визгиной и В.В. Столина для определения паттернов диалогового взаимодействия была разработана система категорий, фиксирующая различные аспекты отношений персонажа к партнеру и к самому себе (Визгина, Столин, 1989).

Основным методом в изучении психологических характеристик личностных кризисов, по мнению В.В. Козлова, должен выступать контент-анализ. Это обусловлено сложностью непосредственного изучения психологической реальности личностных кризисов. В его исследовании

(Козлов, 2004) были выделены смысловые единицы, представляющие собой наиболее часто встречающиеся описания чувств, паттернов переживаний, характеризующих различные виды кризисов (материальный, социальный и духовный).

В рамках педагогической психологии изучение психического здоровья личности также связано с применением метода содержательного анализа текстов. На основе материала школьных сочинений была предпринята попытка разработать набор категорий, с помощью которого могла бы оцениваться степень психического здоровья учащихся 8–12-го классов (Гришанова, Левченко, 2001). К ним относились: «принятие ответственности за свою жизнь», «принятие себя», «умение жить в настоящем» и т. п. Для каждой категории приведен список высказываний, так называемых «смысловых единиц», позволяющих маркировать эти категории в тексте.

В психологии сложилось множество контент-аналитических систем и моделей, которые направлены в основном на анализ вербальной продукции, полученной в ходе психотерапевтической и клинической практики (подробный анализ см.: Малкова, 2005). Среди наиболее известных можно выделить методику Л. Готтшалка и Г. Глезера (Gottschalk, Gleser, 1969), «Систему мотивации и конфликта» (Murray, 1943), «Регрессивный образный словарь» — The Regressive Imagery Dictionary (Martindale, 1975), «Центральную конфликтную тему взаимоотношений» — Core Conflict Relationship Theme (Люборски, Люборски, 1997), «Модель конфигурации ролевых отношений» — Role-Relationships Models Configura-

tion (Хоровитц, 1997) и др. Однако наряду с несомненным продвижением психотерапевтической работы в сторону объективизации данных путем привлечения контент-аналитических техник следует отметить, что эти модели и системы выделялись по различным теоретическим и логическим основаниям, базировались на различных допущениях. Между собой эти системы могут частично пересекаться, однако в целом их базовые конструкты отличаются от тех, которые лежат в основе личностных опросников. Соответственно не представляется возможным ответить на вопрос, насколько результаты контент-анализа совпадают или расходятся с результатами опросников.

Методика

В исследовании приняли участие 191 испытуемый в возрасте 16–63 лет, из них 142 женщины и 49 мужчин. Выборка состояла из студентов-психологов, их родных, близких и друзей.

Испытуемым было предложено написать два текста со следующими инструкциями:

– «Пожалуйста, вспомните и опишите самое запомнившееся событие жизни» (текст 1);

– «Опишите ваше самое раннее воспоминание из детства» (текст 2).

Критерием включения испытуемого в выборку было следующее условие: текст 1 не должен быть менее 250 слов. Ко второму тексту не было предъявлено жестких требований в отношении объема, но выбирались тексты, в которых просто перечислялись, а не описывались самые ранние воспоминания детства.

Все тексты были подвергнуты контент-анализу по следующим категориям:

– **«Поиск нового»:** поиск новых ощущений, неизвестного; приобретение нового опыта, исследовательская деятельность (*«мы любили вставать в лужу и изучать ее на предмет глубины», «сколько интересного вокруг меня», «я испытывал нескончаемые потоки новых ощущений»*);

– **«Избегание опасности»:** страхи, опасения, любые действия и мысли по избеганию ситуаций, которые с точки зрения субъекта могут закончиться неблагоприятно (*«промокать дальше было опасно для здоровья», «пугает учеба», «видимо, боялась, что я опять скажу что-нибудь лишнее»*);

– **«Нарциссизм, демонстративность»:** (*«мне 4 года, я жуткая хвастунишка», «я с гордостью всем показывала свой палец», «я одела свое лучшее платье, самое красивое из тех, что у меня тогда были»*);

– **«Зависимость от поощрения»:** попытки соответствовать ожиданиям окружающих либо какие-либо действия для того, чтобы заслужить их одобрение (*«что культурные девочки так не поступают», «но потом я все-таки попросила у всех прощения», «довольны мои папа и мама», «а когда открываешь глаза, все тобой восхищаются»*);

– **«Контроль»:** высказывания о том, что человек контролирует себя или ситуацию (*«это меня немного шокировало, но я быстро оправился», «наконец-то я справилась с движением»*);

– **«Отсутствие контроля»:** субъект не контролирует ситуацию или собственное состояние (*«я не мог под-*

нять глаза», «абсолютно неконтролируемая, лошадь помчалась напролом в лес», «со слезами вырвалось у меня», «мои ноги сами пошли в пляс»);

– **«Кто-то другой контролирует»:** высказывания о контроле со стороны, кто-то другой контролирует субъекта или ситуацию (*«конечно, нас не пустили в зону бедствия», «бабушка отогнала петуха», «насколько этот маленький комочек приковал меня к себе»*);

– **«Кто-то другой не контролирует»:** упоминания о том, что кто-то не может контролировать субъекта или ситуацию (*«не знающая, где найти себе место, нервно заламывающая пальцы на руках», «который не мог добраться домой с рыбалки третий день»*);

– **«Пассивные залого»:** высказывания о себе в форме пассивного залога, т. е. глагол предполагает иной субъект действия (*«папа закружил меня», «меня положили на операционный стол», «и меня заберут в милицию»*);

– **«Цель»:** упоминание о цели в действиях, планирование деятельности (*«я незамедлительно решила отдать все необходимые документы на оформление поездки», «мы твердо решили навестить маму», «я все-таки должна была попасть домой»*);

– **«Трудности»:** любые препятствия, трудности на пути достижения поставленной цели (*«нам уже стало доставлять много хлопот ее выгуливание», «но на ближайшие несколько часов электрички были отменены», «это было не легко»*);

– **«Преодоление»:** какие-либо действия для достижения поставленной цели, преодоление трудностей (*«я пытаюсь вырваться», «сам попытался*

справиться с серфом», «поэтому стал заниматься еще больше»);

– **«Достижение цели»:** высказывания о достижении поставленной цели (*«но после суток мы наконец-то приехали на море», «стена непонимания была сломлена», «дипломная работа готова»*).

Каждому высказыванию, соответствующему одной из разработанных категорий, приписывался 1 балл. Затем подсчитывалось общее количество баллов по каждой категории и вычислялось их соотношение с общим объемом текста. Для этого была использована формула, предложенная Готтшалком (Gottschalk, Gleser, 1969):

$$\sqrt{\frac{100(f_1 + f_2 + \dots + f_n + 0.5)}{N}}$$

Где f_1, f_2, f_n — высказывания, относящиеся к определенной категории, а N — число слов в тексте.

Затем категории контроля и целеполагания были объединены в две обобщенные контент-аналитические категории:

– **«Общая пассивность»**, в нее вошли категории «Отсутствие контроля», «Кто-то другой контролирует», «Пассивные залого»,

– **«Мотив достижения»**, который сложился из категорий: «Контроль», «Цель», «Трудности», «Преодоление», «Достижение цели».

Все испытуемые были протестированы с помощью методики Клонинджера «Структура темперамента и характера». Эта методика отличается разнообразием шкал (включает темпераментальные шкалы и шкалы характера), а также показывает неплохие психометрические качества

(Алмаев, Островская, 2005). Многолетняя клиническая практика показала, что тест Клонинджера содержит ряд очень ценных в психодиагностическом отношении шкал. При этом его конструкты не являются клиническими, а базируются на общей модели темперамента и характера. Тест состоит из следующих шкал (подробное описание шкал см. в Приложении): «Поиск нового», «Избегание опасности», «Зависимость от поощрения», «Самостоятельность», «Кооперативность», «Самотрансцендентность», которые подразделяются на несколько субшкал.

Часть 1

Корреляционное исследование

В результате корреляционного анализа данных опросника Клонинджера и автобиографических рассказов практически не было найдено прямых зависимостей между шкалами теста и категориями текста, направленными на регистрацию одних и тех же психологических феноменов. В тексте 1 (так называемом «взрослом») субшкала ИО4 («Соматопсихическая хрупкость») была положительно связана с соответствующей контент-категорией. В тексте 2 («детском») была также найдена положительная взаимосвязь между шкалой и соответствующей ей категорией контент-анализа «Избегание опасности».

В то же время обнаружено немалое количество логично интерпретируемых корреляций между другими шкалами теста и текста, например, «Демонстративность» отрицательно связана с «Самостоятельностью» и «Кооперативностью», а высокий уровень избегания опасности показывают

личности с выраженной зависимостью от поощрения и низким уровнем самостоятельности. Для людей, употребляющих в речи большое количество пассивных залогов, свойственна высокая степень избегания опасности и сниженный уровень поиска нового.

Категории, относящиеся к контролю и мотиву достижения, показали большее количество значимых корреляций. Тревога о будущем (ИО1) и страх неопределенности (ИО2) связаны с высказываниями о том, что другой контролирует ситуацию. Интерпретация данного феномена следующая: такие виды тревоги предрасполагают к тому, чтобы доверить контроль какому-то другому лицу. Ответственность и целенаправ-

ленность отрицательно связаны с упоминанием контроля со стороны других лиц. Шкала Клонинджера С5 («Хорошие привычки») оказалась отрицательно связанной с упоминанием о контроле со стороны других лиц, равно как и с высказываниями о том, что субъект не контролирует себя или ситуацию, а также с количеством пассивных залогов и избеганием опасности.

Наиболее значимые корреляции были обнаружены между категорией «Отсутствие контроля» и шкалой «Самостоятельность» ($r = -0.23$, $p = 0.00$); количеством пассивных залогов в тексте и «Поиском нового» ($r = -0.21$, $p = 0.00$), а также пассивных залогов с «Самостоятельностью» ($r = -0.23$, $p = 0.00$) и т. д. (табл. 1).

Табл. 1

Наибольшие корреляции между контент-аналитическими категориями 1 и 2 текстов и шкалами методики Клонинджера

	Самостоятельность	Поиск нового	Избегание опасности	Кооперативность
Контроль «-»	$r = -0.23$ $p = 0.00$			
Другой контролирует	$r = -0.21$ $p = 0.00$		$r = 0.20$ $p = 0.01$	
Другой не контролирует			$r = 0.20$ $p = 0.01$	
Пассивные залогов	$r = -0.23$ $p = 0.00$	$r = -0.21$ $p = 0.00$		$r = -0.15$ $p = 0.04$
Избегание опасности			$r = 0.17$ $p = 0.02$	$r = -0.16$ $p = 0.03$
Преодоление	$r = -0.19$ $p = 0.01$	$r = -0.21$ $p = 0.00$	$r = 0.17$ $p = 0.02$	
Зависимость от поощрения		$r = -0.22$ $p = 0.00$	$r = 0.17$ $p = 0.02$	

Между обобщенными категориями «Мотив достижения» и «Общая пассивность» были обнаружены следующие взаимосвязи:

– отрицательные между «Мотивом достижения» и субшкалами «Самотрансцендентность» и «Самостоятельность»;

– отрицательные между «Общей пассивностью» и «Самостоятельностью», «Поиском нового», «Кооперативностью» и «Зависимостью от поощрения», т. е. со всеми личностными свойствами, предполагающими внутреннюю активность.

Вместе с тем следует отметить, что при высоком уровне достоверности результатов сами корреляции невелики (от 0.15 до 0.23). Такие же результаты получены при корреляционном анализе шкал теста Клонинджера и формальных характеристик текста, таких, как длина предложений и объем рассказов (см. табл. 2 и 3), которые не предполагают субъективных оценок, но, по мнению многих авторов, отражают темпераментальные особенности личности (Русалов, 1997).

Это позволяет судить о том, что причиной таких низких корреляций является действие различных опосредующих факторов на испытуемых в момент написания текстов и заполнения опросников.

Сопоставление количества корреляций с текстом 1 («взрослым») и текстом 2 («детским») показывает их различную информативность. В целом «детский текст» дает больше интерпретируемых корреляций с тестом Клонинджера, чем «взрослый». Результат их подсчета таков: значимых корреляций шкал контент-анализа «детского» текста со всеми шкалами теста Клонинджера 58, т. е. 19% от общего числа, общее число значимых корреляций шкал контент-анализа «взрослого» текста со всеми шкалами теста Клонинджера 39, т. е. 13% от общего числа. Различия по количеству корреляций между двумя текстами значимы по критерию углового преобразования Фишера на уровне $p=0.029$.

Другими словами, рассказы о самом запомнившемся событии детства, несмотря на то что они в целом,

Табл. 2

Взаимосвязь объема «взрослого» и «детского» текстов и субшкал методики Клонинджера

	ПН1	ИО1	ИО2	ИО3	К4	С1	СТ2	СТ3
«Взрослый» текст	0.18 0.01			-0.18 0.01			-0.18 0.01	-0.19 0.01
«Детский» текст	0.16 0.03	-0.19 0.01			0.17 0.02	0.16 0.03		
Общий балл		-0.18 0.01	-0.15 0.03	-0.18 0.01	0.18 0.01	0.19 0.01	0.18 0.01	

Примечание. В ячейках таблицы указаны коэффициент корреляции Спирмена (верхняя строка) и их уровень значимости (нижняя строка). Расшифровка обозначений — см. Приложение.

Табл. 3

Взаимосвязь объема «взрослого» и «детского» текстов и глобальных шкал методики Клонинджера

	Поиск нового	Избегание опасности	Кооперативность	Самостоятельность	Самотрансцендентность
«Взрослый» текст		-0.16 0.03			0.17 0.02
«Детский» текст		-0.17 0.02	0.17 0.02	0.14 0.05	
Общий балл	0.14 0.05	-0.20 0.00	0.17 0.02	0.18 0.01	0.18 0.01

Примечание. В ячейках таблицы указаны коэффициент корреляции Спирмена (верхняя строка) и их уровень значимости (нижняя строка).

как правило, менее пространны, чем взрослые тесты, более информативны с точки зрения теста Клонинджера и применявшихся шкал контент-анализа. Л. Готтшалк, видимо, до некоторой степени признавая флуктуации результатов рассказа о самом запомнившемся событии жизни, считал, что для получения устойчивых результатов следует сделать три пробы (Gottschalk, 1982). По условиям нашего эксперимента это было практически невыполнимо. Вместе с тем тексты, написанные с инструкцией Адлера (рассказать о самом раннем детском воспоминании), были получены в тех же условиях и дали существенно более консистентные с опросниковым тестом результаты.

Возможно, что степень расхождения между результатами опросника и текста определяется особенностями структуры личности, т. е. определенный профиль личности предполагает большую согласованность между тестом и рассказом, нежели другие.

Для примера разберем случаи высокой и низкой согласованности. Но

сперва нужно сказать об особенностях теста Клонинджера. В нем реализован дименсиональный подход: выделяются три базовых измерения темперамента: «Поиск нового», «Избегание опасности» и «Зависимость от поощрения». При этом конфигурации крайних значений этих измерений соотносятся авторами с восемью личностными типами американской психиатрии. А три шкалы характера («Самостоятельность», «Кооперативность» и «Самотрансцендентность») дают дополнительную информацию об адаптивности личности.

СЛУЧАЙ 1

Значительное рассогласование данных теста и текста

Испытуемая С., 19 лет, студентка (орфография и пунктуация авторские, кодировка приведена в круглых скобках).

1. «Взрослый» текст

Дело было примерно пару месяцев назад. Я возвращалась домой из чертом забытого района, было поздно, темно и холодно. Я прибывала в препоганейшем настроении. Мне хотелось не то что бы

всех убить, но сдохнуть самой. Как-нибудь по-тихому и незаметно для себя самой. Параллельно с этим желанием я все-таки должна была попасть домой (*цель*), и хотелось мне это сделать как можно быстрее. Встала я рядом с дорогой, ловлю машину (*преодоление*). А эти сволочи как будто сговорились, мало им. Я уже устала отвечать, что за их цену я могу кого угодно на руках до дома донести вместе с машиной, и тут подъезжает ко мне 500-й мерседес. Неплохо, думаю я. Называю цену, водитель соглашается. Я сажусь, успев заметить, что он как раз в моем вкусе. Стрельнув глазами, я поворачиваюсь к нему и говорю: «А у Вас в машине хорошо пахнет». «Угу»,— отвечает он, расплывшись в улыбке шизофреника, которого на секунду посетило просветление. Да, мозгов не много, думаю я. Ну да хрен с ним. И тут он мне говорит: «А хочешь, я тебе чулки подарю?» Чего, говорю, какие чулки, а сама думаю, клеится, гад, как знать, может быть, вечер закончится в более приятной обстановке...

И тут он говорит: «А ВОТ ЭТИ!!» И включает свет. Моим глазам предстают его волосатые ноги в чулках на резинке. То, что я испытала, можно передать только открытым ртом и потоком мата. В голове молниеносно пронеслись ассоциации с фильмом «Молчание ягнят». Он убьет меня, подумала я. Он сейчас меня убьет.

Тут нужно сказать, что у меня большой желудок. Туда уходят все мои стрессы, и если что-то случается, меня сразу тошнит (*контроль «-»*). И вот я ему прерывающимся от страха голосом говорю: «Останови машину». «А че?..» — неопределенно возражает он. Тут я не выдерживаю (*контроль «-»*), опускаю голову между ног и блюю (*контроль «-»*). «Ты че?!» — вопрошает он, а сам замедляет

ход машины. Из последних сил я вылезаю из машины (*преодоление*), в последнюю секунду сообщив ему, что он придурок и извращенец. Он уезжает.

Я сажусь на бордюр. Я считаю фонари. Я собираюсь с силами (*преодоление*). Я ловлю очередную машину, чтобы все-таки добраться до дома (*преодоление*). Меня соглашается возить темноокий мужчина непонятной национальности. Посидев минуты две в молчании, я говорю ему: «Представляете, только что видела мужика в чулках». Он реагирует бесподобно: «Зима, да, в чулках должно быть холодно»... И я с ним совершенно согласна.

2. «Детский» текст

Я совсем не помню детства. Не знаю почему, головой вроде не ударялась. А если какой-то эпизод всплывает, он размыт, как залитая чаем фотография. Такие воспоминания можно пересчитать по пальцам.

Я помню... Мне лет, наверно 5 или вроде того. Я дома, я одна, а я ужасно, подохнуть как боюсь (*избегание опасности*) оставаться одна, потому что все вещи оживают и чего-то от меня хотят, они говорят мне что-то, а я не знаю, как с ними общаться, я боюсь их (*избегание опасности*). Стоит мне повернуться к чему-то спиной, это что-то обязательно прикоснется ко мне. Я говорю себе, что бояться не нужно (*избегание опасности*), что ничего пугающего меня не существует (*избегание опасности*), но от этого ничего не меняется, и я забираюсь на диван, я стараюсь не слезать на пол (*избегание опасности*), а если уж появляется необходимость, я не иду, а бегу (*преодоление*), и иногда они не успевают поймать меня (*пассивный залог*). Мне очень страшно (*избегание опасности*). Я чувствую, что это будет продолжаться вечно и никто не придет ко мне, и не потому, что я никому не нужна,

а просто никого не существует, и я ни по кому не скучаю и никого не жду, а просто сижу и боюсь (*избегание опасности*), как бы непонятное пугающее нечто не прикоснулось ко мне опять.

Как в детском, так и во взрослом тексте поиск нового практически не представлен, зато в избытке упоминаются различные проявления того, что в данном исследовании относилось к обобщенной категории «Избегание опасности» — парафраза для тревоги в различных ее видах и проявлениях.

Однако профиль данной испытуемой по тесту Клонинджера (результаты даны в стандартных оценках, только по интегральным шкалам) показывает противоположные результаты (график 1).

Налицо прямая противоположность с тем, что было рассказано. Данная особенность этой испытуемой проявилась не только в отношении теста Клонинджера, но и в отношении как старых, так и новых шкал теста Плутчика (см.: Малкова, 2005; Алмаев, Малкова, в печати). Например, первая фраза «детского» текста дословно совпадает с одним из пунк-

тов шкалы «подавление». (Причем поскольку испытуемые всегда получали инструкцию сначала записать рассказы, а уже только потом ответить на тест, влияние последнего маловероятно.)

Тем не менее стандартное значение шкалы «подавление» у данной испытуемой составляет -0.69 , т. е. существенно ниже среднего (все распределения шкал теста Плутчика–Келлермана практически не отличались от нормального).

СЛУЧАЙ 2

Случай 2 можно привести в качестве контрастирующего примера **хорошей согласованности между результатами опросника и контент-анализа**.

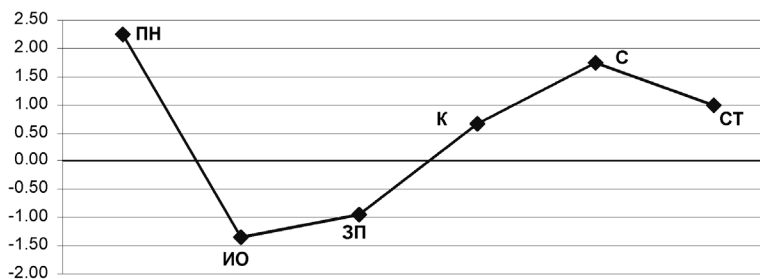
Испытуемая Н., 29 лет, бухгалтер.
1. «Взрослый» текст

Самое яркое, наверное, воспоминание — это моя свадьба.

Я собиралась сама шить свадебное платье, но не помню по каким именно причинам, это затянулось и времени дошивать уже не было (*отсутствие контроля*). Моей свидетельницей была одна из моих подруг — Оксана. Она приехала на 2 дня раньше и предложила сделать мне подарок в виде свадебного платья.

График 1

Профиль личности испытуемой С. по методике Клонинджера

Примечание. Расшифровка сокращений здесь и далее — см. Приложение.

Мы ничего никому не говоря поехали в магазин «Весна» и выбрали очень красивое платье и к нему перчатки. Затем все это отвезли к нашей общей знакомой и оставили там.

4 июня с утра мы поехали в парикмахерскую, сделали прически и заехали к этой знакомой забрать платье. Все это мы привезли домой в пакете, чтобы никто не видел. И вот настал момент, когда надо было одеваться. Мы выгнали всех из комнаты. Пока я делала себе макияж, подруга гладила платье. Я оделась. Все бегали и кричали, подгоняли нас, так как мы уже опаздывали (*отсутствие контроля*) и надо было выезжать в ЗАГС.

Когда я вышла из своей комнаты все ахнули (*зависимость от поощрения*), потому что ожидали увидеть меня в скромном белом платьице, а я была похожа на настоящую принцессу (*демонстративность*). Расшитое бисером и пайетками платье все блестело и переливалось. Это был шок для всех. Начали все кричать, какая я красива (*демонстративность*). Затем мы поехали в ЗАГС и после регистрации сестра моего мужа все время говорила: «Давайте постоим еще немного перед ЗАГСом, и пусть все посмотрят какая у нас красивая невеста (*демонстративность*)».

2. «Детский» текст

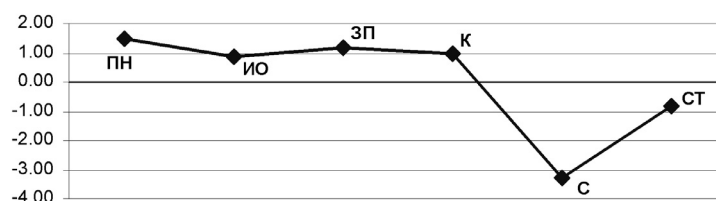
Мне было лет шесть, дело было зимой. Моя мама стояла перед зеркалом и снимала с волос бигуди. Когда она расчесалась, я подошла к ней с каким-то вопросом, а она спросила: «Ну как, красивая у тебя мама (*демонстративность*)?» А я ей ответила, что она похожа на Бабу-Ягу из сказки «Новогодние приключения Маши и Вити». Она мне очень нравилась, и таким образом я сделала маме комплимент (*зависимость от поощрения*). Но мама меня не поняла и очень сильно обиделась.

Основное содержание обоих рассказов — демонстративность, которую в вербальной продукции трудно отделить от нарциссизма, при весьма выраженных также указаниях на отсутствие контроля со стороны субъекта. Результаты по тесту Клонинджера у этой испытуемой таковы: при крайне низком значении обобщенной шкалы «Самостоятельность» профиль по трем шкалам темперамента соответствует «пассивно-агрессивному» или «тревожному с чертами демонстративности» (см.: Алмаев, Островская, 2005). Вероятно, черты тревожности усилены у данной испытуемой именно из-за ее очень низкой самостоятельности (крайние значения по «Интернальности локуса контроля» С1, по «Целенаправленности» С2 и по «Хорошим привычкам» С5, при низких, но не предельно низких (–0.94) по шкале «Реалистичное отношение к себе» С4 — инвертированный нарциссизм). Таким образом, в данной паре текст–тест проявились как черты нарциссизма и демонстративности, так и черты низкой самостоятельности, хотя первые больше проявились в тексте, а вторые — в тесте (см. график 2).

Сказанное позволяет сделать вывод об актуальности изучения конфигурации шкал, а не только корреляционного анализа отдельных шкал между собой. Действительно, в современной психологии наблюдается тенденция к рассмотрению шкал личностных опросников как множества несвязанных между собой черт. Однако очевидно, что в данной области требуется системность рассмотрения. Вопрос о статистических методах, позволяющих адекватно решить данную проблему, остается

График 2

Профиль личности испытуемой Н. по методике Клонинджера

открытым. Традиционные методы кластерного и факторного анализа неудовлетворительны, поскольку они разбивают результаты на две большие группы, наиболее коррелирующие между собой: опросниковые и контент-аналитические шкалы. Поиск закономерностей по принципу «если..., то...» также не дал пока удовлетворительных результатов.

Часть 2. Сравнение групп

Причиной получения столь небольших корреляций могла оказаться также специфика данных. Дело в том, что в отличие от опросникового теста, в котором заполняются все шкалы, свободно порожденный текст, естественно, не гарантирует, что содержания тех или иных контент-аналитических шкал вообще в нем обнаружатся.

За счет введения коррекционных процедур, предложенных Г. Глезер (Gottschalk, Gleser, 1969) для нивелирования разницы в объемах текстов, нули заменяются на некоторые незначительные коэффициенты. В результате получается, что даже в тех случаях, когда по какой-либо контент-аналитической шкале в тексте ничего не найдено, в итоговой табли-

це все равно оказывается некая ничтожная, но отличающаяся от нуля величина.

Далее столбцы таблиц, полностью заполненные по шкалам контент-анализа, коррелируются с полностью заполненными столбцами тестовых результатов. Однако со стороны контент-анализа эти столбцы зачастую заполнены, так сказать, «воздухом» — ничтожными фиктивными величинами, используемыми, чтобы избежать деления на ноль, извлечения из нуля квадратного корня и т. п. Соответственно, малая величина корреляций обусловлена не только перечисленными выше факторами, но и наличием «воздуха» в результатах контент-анализа.

При этом получается, что корреляционное исследование как бы затушевывает столь важное с диагностической точки зрения событие, как вообще появление в тексте содержания, относящегося к той или иной контент-аналитической шкале.

Соответственно, для последующего прогресса в изучении отношений текст–тест *должны быть предприняты другого вида исследования, которые позволили бы оценить различия между группами тех, у кого встречаются те или иные контент-аналити-*

ческие категории, и тех, у кого они не встречаются.

Дальнейшим усложнением исследовательских задач могут служить частота встречаемости, расположение категории в тексте, совместность встречаемости каких-либо двух и более категорий и т. д.

Рассмотрим, как различаются психологические профили лиц, в текстах которых встречаются или отсутствуют слова и выражения, относящиеся к тем или иным категориям контент-анализа.

Прежде всего следует оценить, насколько в принципе отличаются результаты всех участников исследования, представивших достаточные для анализа текстовые материалы, от субнациональной выборки, для которой были получены нормы теста Клонинджера.

Все данные на графиках 3–11 представлены в единицах стандартной оценки:

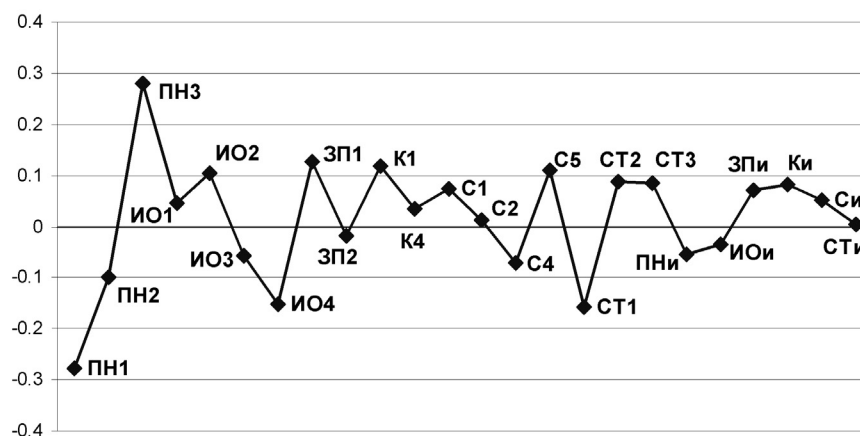
$$z = (x - M) / \sigma,$$

где x — сырая оценка, M — среднее значение, σ — стандартное отклонение. «0» соответствует среднему значению. Интегральные шкалы ИОи («Избегание опасности»), ПНи («Поиск нового») и т. д. находятся в правой части графика, в левой — их субшкалы. Распределения по всем шкалам теста Клонинджера не отличаются от нормального. Хотя величины порядка $0 \pm 0.1 - 0.3z$ кажутся небольшими, в реальности разброс, соответствующий $0.1z$, покрывает примерно 4% площади под Гауссианной, или 4% случаев (см.: Бурлачук, Морозов, 1999, с. 207, 451).

По графику 3 видно, что в целом выборка лиц, породивших пригодные для анализа тексты (не менее 250 слов), заметно отличается от общей выборки лишь по шкалам ПН1 — «исследовательская активность» (она у этих испытуемых примерно на 10% ниже среднего) и ПН3 — «расточительность», которая у этих испытуемых почти на столько же выше.

График 3

Усредненные показатели выборки по шкалам теста Клонинджера

Рассмотрим теперь, насколько отличаются по тем или иным шкалам Клонинджера выборки лиц, в текстах которых присутствуют и не присутствуют определенные категории контент-анализа. Ограничимся пока рассмотрением «взрослых» текстов и тех шкал контент-анализа, которые были специально разработаны, чтобы служить параллелью шкалам теста Клонинджера.

Поиск нового

Следует отметить, что различия по шкалам «Поиска нового» (графи-

ки 4 и 5) имеют весьма разнонаправленный характер. Наиболее выражены порядка 18% различия по шкале ПН1 («Любознательность»). Однако по шкале ПН2 («Импульсивность») не наблюдается вообще никаких различий, а по шкале ПН3 («Расточительность») выборка лиц, не упомянувших о поиске нового, показала даже существенно большие значения! Этот феномен распада фактора «Поиска новизны» и разнонаправленности его субшкал на русской выборке ранее уже был отмечен (см.: Алмаев, Островская, 2005).

График 4

Усредненные значения по шкалам у испытуемых, в текстах которых обнаружены высказывания, относящиеся к поиску нового

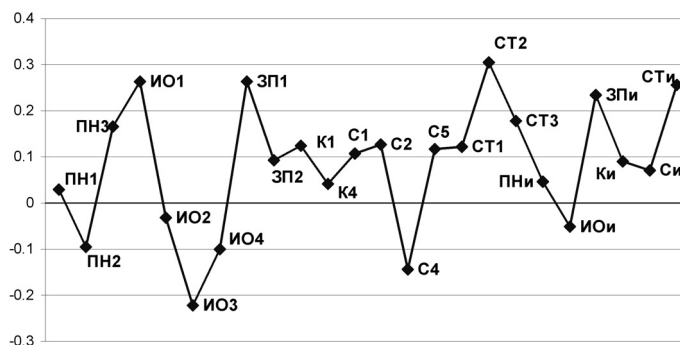
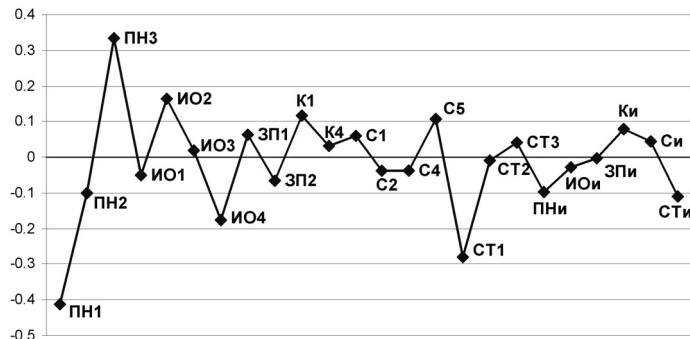

График 5

Усредненные значения по шкалам у испытуемых, в текстах которых отсутствуют высказывания, относящиеся к поиску нового

При этом значения по множеству других шкал теста Клонинджера оказались также различными в указанных двух группах. В частности, структура тревоги («Избегание опасности») прямо противоположна по трем шкалам: «Тревога о будущем» (ИО1) выше у первой группы, «Нетерпимость к неопределенности» (ИО2), напротив, у второй, и при этом у первой существенно ниже показатели по шкале «Застенчивость с незнакомцами» (ИО3). Также у первой группы оказались существенно более высокие результаты по шкалам «Зависимость от поощрения» и «Самотрансцендентность», особенно по субшкалам «Самозабвенность» (СТ1) — около 20% и «Сопереживание миру» (СТ2) — около 15%.

В общем можно сказать, что для участников первой группы в целом характерна большая открытость миру и при этом большая зависимость от других людей.

Весьма интересно, что в данной связи различия по субшкалам «Самостоятельность», «Ответственность» (С1) и «Целенаправленность»

(С2) выше у первой группы, однако «Реалистичное отношение к себе» («Антинарциссизм» — С4) — у второй. Такое соотношение, скорее всего, свидетельствует лишь о склонности преувеличивать свою самостоятельность.

Таким образом, оказывается, что декларация намерений «Поиска нового» выступает в контексте своего рода «жизненной идеологии», включающей «настройки» образа самого себя более высокого уровня.

Избегание опасности

Парадоксальным образом у лиц, упоминавших в текстах о каких-либо тревожных проявлениях, показатели по шкалам ИО оказались ниже, чем у лиц, не упомянувших о них (см. графики 6 и 7)! Различия значимы для ИО1 («Тревога о будущем») — около 15%, ИО2 («Страх неопределенности») — около 12%. Значения ИО3 («Застенчивость с чужими») и ИО4 («Соматопсихическая хрупкость») также несколько ниже у тех, кто в текстах не упоминал о тревоге. При этом у тех, кто о тревоге не упоминал, более высокие значения по

График 6

Усредненные значения по шкалам у испытуемых, в текстах которых обнаружены высказывания, характеризующие избегание опасности

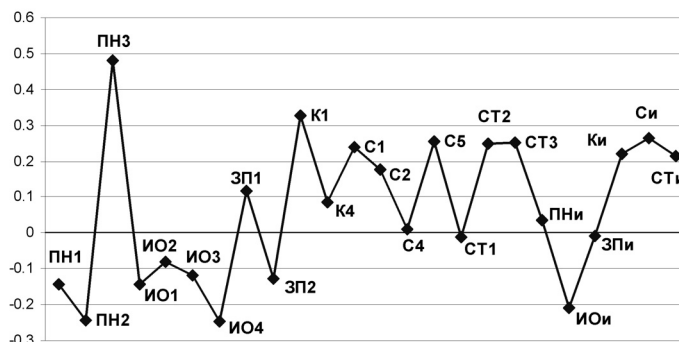
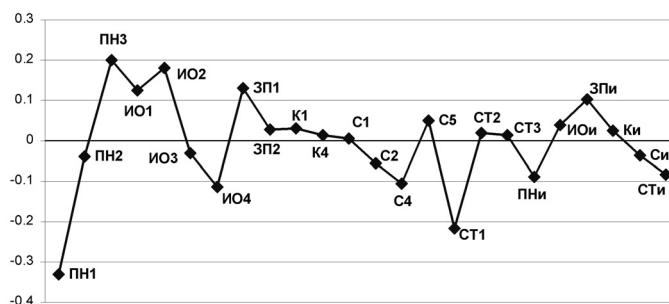

График 7

Усредненные значения по шкалам у испытуемых, в текстах которых не обнаружены высказывания, характеризующие избегание опасности

шкалам «Социальная конформность» (К1), «Ответственность» (С1), «Целенаправленность» (С2), Наличие «Хороших привычек» (С5), а также «Сопереживание миру» (СТ2) и «Вера в сверхъестественное» (СТ3), т. е. по шкалам характера субъекты, обнаружившие в своих текстах упоминания о тревоге, позиционируют себя как более ответственных, целенаправленных, заботящихся о мире и своем соответствии социальным нормам.

Логично, что их забота проявляется в суждениях, отнесенных нами к тревожным, но вместе с тем при заполнении теста они о своей тревоге высказываются меньше, вытесняя ее. Об этом свидетельствуют значения шкалы «Отрицание»² теста Плутчика. Они несколько выше у лиц, упомянувших о тревоге в текстах, однако различие статистически незначимо.

В данном случае мы опять-таки сталкиваемся с модификацией пред-

ставлений субъекта о себе в ходе заполнения теста определенными жизненными устремлениями.

Зависимость от поощрения

Проявление этой черты в контент-анализе и в ответах на тест Клонинджера вполне совпадает. Более того, различия по ЗП1 «Сентиментальность» достигают порядка 22%, а по ЗП2 («Привязчивость к друзьям») — 13–14%. Почти столь же велики и различия по СТ2 — «Сопереживание миру» и СТ3 — «Вера в сверхъестественное» (графики 8 и 9).

По конфигурации отклонений от средних значений для глобальных шкал можно констатировать более или менее явные признаки пассивно-зависимого типа по американской классификации (Алмаев, Островская, 2005) у лиц, имеющих в своих «взрослых» текстах упоминания о зависимости от поощрения.

²Как показывает анализ (Алмаев, 2006), данная шкала теста Плутчика имеет смысл здорового и адаптивного подавления тревоги, что несколько расходится с первоначальными замыслами его авторов.

График 8

Усредненные значения по шкалам у испытуемых, в текстах которых обнаружены высказывания, характеризующие зависимость от поощрения

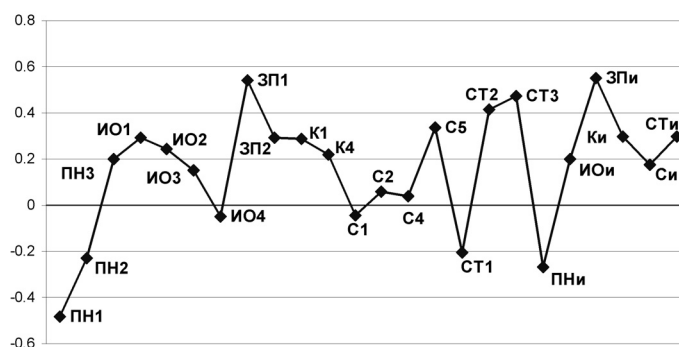
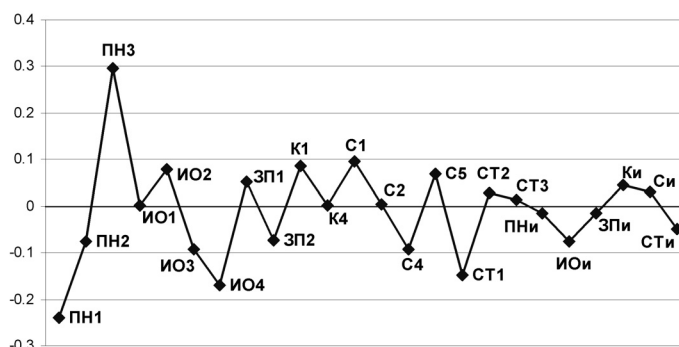

График 9

Усредненные значения по шкалам у испытуемых, в текстах которых отсутствуют высказывания, характеризующие зависимость от поощрения

Хотя в данном случае ожидаемая связь между контент-аналитическими и тестовыми шкалами выступает вполне вышукло, нельзя не отметить попутного и параллельного проявления тех же феноменов в сфере некоторых установок «жизненно-идеологического», «духовного» порядка.

Нарциссизм — демонстративность

Результаты по данной шкале также обнаруживают прямую связь

между соответствующими шкалами опросника Клонинджера и контент-анализа. С4 — «Реалистическое отношение к себе», своеобразная шкала «Антинарциссизма», — имеет у лиц, обнаруживших демонстративность — нарциссизм в тексте, существенно более низкие значения, чем у лиц, его не обнаруживших. У нарциссично-демонстративных, в отличие от просто зависимых от подкрепления, высокая шкала ЗП1 («Сентиментальность»),

но не ЗП2 («Привязчивость к друзьям»). Нарциссично-демонстративные личности также имеют весьма высокое мнение о своей «Социальной конформности» (К1), «Целенаправленности» (С2), «Хороших привычках» (С5) и при этом значительно более низкие значения по «Самозабвенности» (С1) и практически не отличающиеся от средних по «Сопереживанию миру» (СТ2) и «Вере в сверхъестественное» (СТ3) (графики 10 и 11).

Системность личности, системность представлений субъекта о себе

Можно констатировать недостаточность понимания природы опросниковых тестов в современной психологии. Самым простым и распространенным пониманием является натуралистическая интерпретация, сводящаяся примерно к следующему.

Опросниковый тест фиксирует некоторые объективные черты личности.

График 10

Усредненные значения по шкалам у испытуемых, в текстах которых обнаружены высказывания, характеризующие нарциссизм – демонстративность

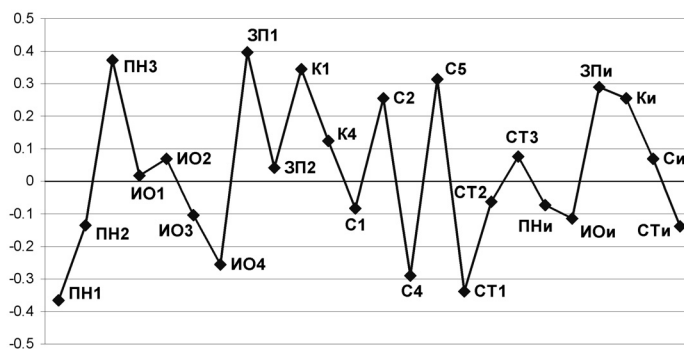
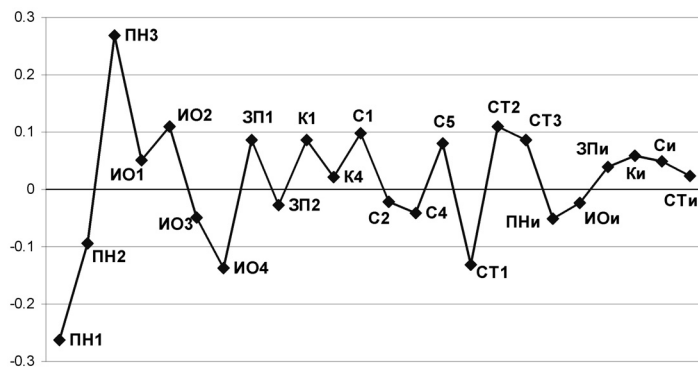

График 11

Усредненные значения по шкалам у испытуемых, в текстах которых не были обнаружены высказывания, характеризующие нарциссизм – демонстративность

Его результаты соответствуют типичному поведению человека. В тех случаях, когда результаты тестирования могут оказать существенное влияние на будущее человека (наем на работу, выход из ЛТП и т. п.), наблюдаются тенденции к искажению результатов, но они могут быть скорректированы шкалами лжи.

Едва ли кто-нибудь из профессиональных психологов подпишет под этой интерпретацией, это было бы слишком наивно. Очевидно же, что в отличие, скажем, от критериальных тестов опросник имеет дело с суждением человека о себе, а не с некоторой способностью решить те или иные задачи и т. п. Соответственно, и все от начала до конца результаты опросниковых тестов суть результаты, основанные на том, что человек о себе думает. Однако при практическом применении тестов получается именно описанная выше картина натуралистического понимания, поскольку альтернативной методологии интерпретации пока не разработано. Вместе с тем такая интерпретация необходима для конструирования теоретического поля, в котором могут соотноситься результаты опросниковых тестов и контент-анализа автобиографических текстов.

В качестве предварительной теоретико-методологической проработки данных вопросов приведем следующие размышления.

Понятие «черта», использовавшееся для концептуализации практики построения опросниковых тестов со времен Оллпорта, предполагает поведенческое истолкование: *«устойчивая predisпозиция вести себя сходным образом в широком диапазоне ситуаций»* (Allport, 1961) — и не вдается

в подробности того, как вообще достигается возможность «вести себя» определенным образом, каковы формы тех внутренних процессов, в результате которых вообще реализуется то или иное «поведение».

Очевидно, что в реальности «поведение» есть весьма сложный изменчивый феномен, опосредованный, как минимум, внутренними репрезентациями субъектом себя, объектов мира, построением программ успешной деятельности, избегания неуспешной, противодействия дезорганизации в случае неожиданных стрессов, а также различным воздействиям на телесный субстрат субъекта и т. п.

Соответственно и «устойчивость predisпозиции» может иметь совершенно разное значение в зависимости от того, к чему она относится. Она может вызывать чувство стыда, если субъект не желает такого поведения, но и не может от него избавиться, чувство удовлетворения, если, напротив, оно обретено в ходе зачастую нелегкого обучения и преодоления прежних стереотипных реакций. «Устойчивость predisпозиции» может быть в центре внимания как предмет устремлений или быть незаметной как нечто уже давно освоенное и т. д. В любом случае можно отметить некоторый универсальный принцип реактивации прежних содержаний психики и отношение к этой реактивации некоторой центральной инстанции — сознательного Я, сводящееся в основе своей к их активации, ингибированию или модификации в нечто более сложное. Причем при модификации ингибирование и активация также имеют место, но подчиняются некоторому руководящему

представлению о результате. Дополнительную сложность этим процессам придают различия в степени и характере осознаваемости данных содержаний. Совокупность содержаний, реактивируемых и поддерживаемых центральной инстанцией Я, можно, следуя Хайдеггеру и Бинсвангеру (Бинсвангер, 1999), обозначить как «жизненный проект» (*Lebensentwurf*). Я принимает активное участие далеко не во всех актуализирующихся содержаниях, многие из них представляют для Я проблему и вызов. Соответственно в начале текстов рассказов, как правило, присутствуют содержания, относящиеся к проблеме и вызову, создающие «завязку», а ближе к концу — те, которые и относятся собственно к жизненному проекту — к тем стратегиям, которые Я принимает в ответ на вызов. Далее следует рассмотреть такой феномен, как образ себя и реалистический образ себя. Конечно же, этот образ в целом координируется, исходя из текущего «жизненного проекта». Все, что ему соответствует, одобряется, а что не соответствует, приобретает печать стыда и вины. Наконец, еще более сложным образованием выступает «реалистический образ себя», к которому, собственно, и адресуются вопросы теста. Реалистический образ себя — это результат попыток человека посмотреть на себя со стороны и как бы вне пристрастных рамок текущего жизненного проекта. Естественно, надежды на то, что это удастся сделать, могут питать лишь самые отчаянные оптимисты. Хуже всего в опросниковых тестах — это явный недостаток средств оценки того, насколько в реалистическом образе себя представлен компонент

позитивного отношения (самоутверждение жизненного проекта), насколько негативного (искоренение прошлых проектов) и насколько «реалистического» (попытки посмотреть на себя со стороны).

Следующий пункт усложнения картины — вмешательство социальных стереотипов, представлений о должном и недолжном поведении. Например, поскольку пугливость, пассивность и т. п. в целом являются социально не одобряемыми, то можно ожидать общей тенденции к занижению свидетельств о подобных проявлениях в самоотчетах испытуемых. Однако имело ли место такое занижение в отдельном случае (может быть, субъект, находясь в некоем покаянном раже, преувеличенно клеймит себя как труса) и какова величина этого занижения, судить практически невозможно без каких-либо параллельных попыток зафиксировать реальное поведение, что, в свою очередь, не представляется возможным в рамках существующей практики массового сбора данных.

Несмотря на все перечисленные выше проблемы, представление о «жизненном проекте» и интерпретация результатов теста как степени согласованности с ним дают принципиальную возможность для соотнесения результатов контент-анализа и теста, позволяя хотя бы предварительно оценить, на что субъект претендует и чего не хочет признать.

Дальнейшая теоретико-эмпирическая проработка предполагает:

– взаимное соотнесение шкал тестов при интерпретации, построение

профиля личности, организация «шкал-провокаций» и «шкал-ловушек» (типа шкалы С4 Клонинджера — «Антинарциссизма»);

– исследование дополнительных содержательно-статистических параметров текста (распределение те-

мы по тексту, взаимная близость тем) в связи с результатами тестирования;

– дальнейшую разработку теоретических средств описания психических процессов, психологической «онтологии».

Литература

Алмаев Н.А. Элементы психологической теории значения. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.

Алмаев Н.А., Малкова Г.Ю. Оценка психометрических свойств методики Плутчика–Келлермана «Индекс жизненного стиля» // Вопросы психологии. В печати.

Алмаев Н.А., Островская Л.Д. Психометрические свойства Опросника темперамента и характера Р. Клонинджера на русскоязычной выборке // Психологический журнал. 2005. Т. 26, № 6.

Бинсвангер Л. Бытие в мире. Избранные статьи. М.: Изд-во КСП+, 1999.

Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике. СПб: Питер, 1999.

Визгина А.В., Столин В.В. Внутренний диалог и самоотношение // Психологический журнал. 1989. Т. 6, № 10.

Гришанова Э., Левченко Е. К вопросу о диагностике психического здоровья личности // Школьный психолог. 2001. № 43.

Козлов В.В. Личностный кризис — структурные и гендерные особенности. Ярославль: ЯрГУ, 2004.

Люборски Л., Люборски Э. Объективные методы измерения переноса // Иностранная психология. 1996. № 7.

Малкова Г.Ю. Контент-анализ автобиографических рассказов в изучении личностных свойств: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2005.

Русалов В.М. Опросник формально-динамических свойств индивидуальности. М., 1997.

Хоровитц М.Д., Илс Т.Д. Использование моделей речевых отношений для описания клинических случаев // Иностранная психология. 1996. № 7.

Allport G. Pattern and Growth in Personality. N.-Y.; M.: Argyle 1961.

Gottschalk L.A., Gleser G.C. The Measurement of Psychological States through the Content Analysis of Verbal Behavior. Los Angeles, CA: University of California Press, 1969.

Gottschalk L.A. Manual of uses and application of Gottschalk–Gleser verbal behavior scales // Research Communications in Psychology, Psychiatry and Behavior. 1982. V. 7, № 3. P. 273–326.

Martindale C. Romantic progression: The psychology of literary history. Washington, D.C.: Hemisphere, 1975.

Murray H.A. Thematic Apperception Test Manual. Cambridge: Harvard University Press, 1943.

Содержание шкал теста Клонинджера

ПОИСК НОВОГО (ПН). 3 субшкалы:

ПН1. «Любознательность» vs. «Ригидность». Лица с высокими показателями по этой субшкале склонны к исследовательской активности, постоянно нуждаются в новых впечатлениях, пресыщаемы, не переносят монотонии («Когда в моей жизни не происходит ничего нового, я сам отправляюсь на поиски приключений»).

ПН2. «Импульсивность» vs. «Рефлексия». Высокие показатели по этой субшкале характерны для людей восторженных, экспрессивных, не способных контролировать свои побуждения («Прежде чем подписать какой-либо документ я, скорей всего, прочту его от начала и до конца»).

ПН3. «Расточительность» vs. «Умеренность». Высокие показатели по этой субшкале отражают склонность довольно экстравагантно распоряжаться своими финансами и силами («Из-за того, что я трачу деньги необдуманно и импульсивно, мне трудно накопить их даже с конкретной целью, например, на отпуск»).

Возрастание показателей по шкале говорит о возбудимости, любознательности, психической подвижности, экспансивности, импульсивности и пресыщаемости, а также ассоциируется со вспыльчивостью и гневливостью. Снижение показателей по шкале отражает медлительность, индифферентность, отсутствие энтузиазма, бережливость, умеренность, сдержанность, толерантность к монотонной работе.

ИЗБЕГАНИЕ ОПАСНОСТИ (ИО). 4 субшкалы:

ИО1. «Предвосхищающая тревога» vs. «Оптимизм». Высокие показатели по шкале бывают у лиц тревожных, с обостренной реакцией на социальное неодобрение, высмеивание; у пессимистов, преувеличивающих ожидаемую опасность («Я чаще других беспокоюсь о том, что может произойти что-то плохое»).

ИО2. «Страх неопределенности» vs. «Уверенность». Высокие показатели по данной субшкале отражают непереносимость ситуаций неопределенности, воспринимаемых как потенциально опасные; такие люди с трудом приспосабливаются к изменениям в привычном распорядке, предпочитают не выделяться и не проявлять особой активности или инициативы («В незнакомых ситуациях я чувствую напряжение и беспокойство»).

ИО3. «Застенчивость» vs. «Общительность». Лица с высокими показателями по этой шкале застенчивы, недоверчивы, могут вступить в отношения с незнакомыми людьми только при наличии надежных гарантий принятия («Обычно я избегаю общения с незнакомыми людьми, потому что мало доверяю тем, кого не знаю»).

ИО4. «Астения» vs. «Энергичность». Лицам с высокими показателями по этой субшкале присуще восприятие себя как утомляемых, слабых, незащищенных и хрупких («По сравнению с другими мне требуется больше времени, чтобы прийти в себя после болезни или пережитого стресса»).

Возрастание показателей по шкале ИО свидетельствует о невротизации и выраженной тревожности как черте личности. Лица с пиком личностного профиля по шкале ИО осторожны и предусмотрительны, тревожно-заботливы, не уверены в себе, боязливы,

полны сомнений и предчувствий, нервозны, легко падают духом, пессимистичны. Они утомляемы и ранимы, вследствие чего сильно нуждаются в одобрении и поддержке, излишне чувствительны к неодобрению и критике. Снижение показателей по шкале ассоциируется с низким уровнем тревожности, беззаботностью, смелостью, с оптимизмом и уверенностью в себе.

ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ПОДКРЕПЛЕНИЯ (ЗП). 2 субшкалы:

ЗП1. «Сентиментальность» vs. «Бесчувственность». Лица с высокими показателями по этой субшкале сентиментальны, чутки, жалостливы, не стесняются проявлять свои эмоции на людях, часто воспринимают чужие переживания как свои собственные («Я полагаю, что сентиментальные песни и кинофильмы только наводят тоску»).

ЗП2. «Привязчивость» vs. «Отстраненность». Подъем по данной субшкале свойствен людям ранимым, зависимым от одобрения со стороны окружающих, остро нуждающимся в прочных эмоциональных контактах («Я скорее я предпочту поделиться своими переживаниями с близкими, чем держать их в себе»).

Лица с высокими показателями по шкале «Зависимость от подкрепления» общительны, мягки, нежны, чувствительны. Возрастание показателей по шкале ЗП свидетельствует о привязчивости (вплоть до потери объективности суждений), нежности, чувствительности к окружающим, душевной теплоте. Такие люди привязчивы, активно ищут общения и открыты ему; легко поддаются чужому влиянию, зависимы от мнения и оценок других. «Провал» по шкале ЗП говорит о практичности и твердости; дистанцированности, эмоциональной холодности, безразличию к похвале и неодобрению.

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ (С). 4 субшкалы:

С1. «Ответственность» vs. «Обвинение других». Людям с высокими показателями по шкале присущ интернальный локус контроля, личностная зрелость; они считают себя ответственными за свои установки и поведение («Я довольно часто ощущаю себя жертвой обстоятельств»).

С2. «Целенаправленность» vs. «Дефицит целенаправленности». Высокие показатели по субшкале соответствуют ориентированности на достижения; у подобных лиц развита способность к откладыванию вознаграждения/удовлетворения для достижения своих целей, т. е. их деятельность определяется стратегическими, отдаленными во времени целями, задачами и ценностями («Каждый день я стараюсь сделать еще один шаг к достижению своих целей»).

С4. «Самопринятие» vs. «Инфантильные фантазии». Лица с высокими показателями по этой субшкале уверены в себе и хорошо осознают собственные возможности и существующие ограничения, вполне удовлетворены своим ментальным и физическим статусом; не склонны мечтать о безграничной власти, о неземной красоте и т. д. («Я хотел бы быть красивее всех остальных»).

С5. «Гармоничная вторая натура» vs. «Вредные привычки». Людям с высокими показателями по данной субшкале свойственна самодисциплина; полезные привычки и навыки, достигающие уровня автоматизма, становятся их «второй натурой» («Многие мои привычки затрудняют достижение важных для меня целей»).

Возрастание показателей по шкале С связывается с личностной зрелостью, сформированностью процессов саморегуляции, ответственностью, самодостаточностью,

целенаправленностью, конструктивностью, собранностью, высокой степенью внутренней интеграции Я, уверенностью в себе. Обратный полюс шкалы соответствует личностной незрелости, слабости и хрупкости Я. Как следствие этого выступают неспособность к саморегуляции и построению иерархии мотивационно-потребностной сферы, безответственность, внутренняя противоречивость. В целом «провал» по шкале С ассоциируется с наличием патологии личности.

КООПЕРАТИВНОСТЬ (К). 2 субшкалы:

К1. «Социальное принятие» vs. «Социальная нетерпимость». Лица с высокими показателями по этой субшкале конформны, терпимы и дружелюбны («Мне бывает трудно выносить людей, которые в чем-либо сильно отличаются от меня»).

К4. «Сострадание» vs. «Мстительность». Людям с высокими показателями по этой субшкале свойственны сострадание, сочувствие, незлобивость, способность прощать. Они активно стремятся преодолеть чувство обиды с целью построения конструктивных взаимоотношений («Обычно я быстро прощаю человека, причинившего мне зло»).

Шкала «Кооперативность» выявляет индивидуальные различия в способности к принятию других людей и идентификации с ними. Лица с высокими показателями по этой шкале эмпатичны, терпимы, сострадательны, стремятся к сотрудничеству и кооперации. Обратный полюс шкалы К отражает тенденции оппортунизма, соперничества, мстительности, неспособность сопереживать и принимать в расчет интересы других людей.

САМОТРАНСЦЕНДЕНТНОСТЬ (СТ). 3 субшкалы:

СТ1. «Самозабвение» vs. «Фиксированные границы Я». Лица с высокими показателями по этой субшкале тяготеют к трансцендированию (расширению) границ своего Я в ситуации тесных эмоциональных отношений или поглощающей их деятельности. Лица, способные в такой степени отрешиться от своего Я, нередко обладают оригинальным творческим мышлением, хотя внешне производят впечатление рассеянных, чуждых, не от мира сего («Я могу настолько увлечься делом, что на время забываю, где я нахожусь»).

СТ2. «Трансперсонализм» vs. «Индивидуализм». Лица с подъемом по этой субшкале испытывают чувство единства со Вселенной и всем, что ее составляет: природой, людьми; ощущают себя сопричастными и ответственными за все происходящее в мире. Наивные идеалисты («Иногда я ощущаю себя частью духовной силы, которая управляет всей жизнью на земле»).

СТ3. «Спиритуализм» vs. «Материализм». Лица с высокими показателями по этой субшкале верят в чудеса и в мистическую силу суеверий. Подобная склонность к «магическому мышлению», однако, нередко помогает легче справляться с ситуациями страдания и смерти («Я верю в то, что чудеса случаются»).

Лица с высокими показателями по этой шкале непритязательны, смиренны, скромны и несколько наивны; могут получать удовольствие от самого процесса деятельности, даже не имея полного представления о ее конечном результате, и не испытывают потребности в контроле над ситуацией. Эти черты характера помогают человеку пережить страдание и смириться с мыслью о неизбежности смерти, особенно в пожилом возрасте. Снижение показателей по этой шкале связано с недостатком воображения, неспособностью переносить ситуации амбивалентности, прагматичным рационализмом.

*Специальная тема выпуска:
Психотерапия как наука*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В этом номере журнал продолжает традицию проведения дискуссий по острым проблемам психологии. На сей раз, в год 150-летия со дня рождения Зигмунда Фрейда, предметом дискуссии избрана психотерапия, ее особенности как области знания и интеллектуальной практики.

С позиции классического понимания науки и роли в ней теории, эксперимента и практики психотерапия могла бы трактоваться как одна из областей практического приложения фундаментальной психологической теории. При этом фундаментальная теория должна базироваться на эксперименте и снабжать проверенными знаниями практику, а практика, в свою очередь, должна была бы позволить выявить ценность теории и поставить такие вопросы, которые будут стимулировать развитие теории. Но... если бы дело обстояло так, то не было бы этой специальной темы выпуска, посвященной вопросам природы психотерапии. Действительность оказывается намного более сложной, чем предполагает нарисованная схема. А.В. Юревич пишет: «Формально практическая или прикладная психология – это психологическая практика, имеющая такое же отношение к психологии как на-

уке, какое инженерная практика имеет к физике. Однако в действительности психологическая практика – это больше, чем практика, она представляет собой достаточно самостоятельную область психологического познания» (Юревич, 2005, с. 6).

В реальности психотерапевтические концепции находятся в весьма своеобразных отношениях с теориями, полученными в рамках процедур экспериментальной психологии. И психотерапевтические концепции, и экспериментально обоснованные теории касаются одних и тех же проблем (структуры личности, мотивации, раннего онтогенеза и т. д.), однако существуют как бы в параллельных мирах. Понятия, возникшие в психотерапии, еще становятся иногда предметом экспериментальной проверки, как это произошло, например, с концепцией перцептивной защиты. Однако ни экспериментально исследованные теории личности, ни даже результаты экспериментальной проверки психотерапевтических идей не оказывают видимого влияния на психотерапевтическую практику. Дело выглядит так, будто сегодня об одном и том же предмете, человеческой психике, существуют, по меньшей мере, два рода знания, один из которых

экспериментально проверяем, но по каким-то причинам не отвечает потребностям психотерапевтической практики, а другой, наоборот, соответствует нуждам практикующих психотерапевтов и ими порождается, но плохо поддается экспериментальной проверке. Результатом идейного разделения оказывается социальное размежевание: сообществ, систем образования, ориентиров, авторитетов и кругов общения.

Результатом оказывается и то, что современная психотерапия далеко отклоняется от сциентистских образцов проверяемости знания. Проверимость дает эксперимент или эмпирическое исследование, основанное на статистике достаточного объема. Не обращаясь к экспериментальной психологии за обоснованием своих концепций, психотерапия лишается возможности их четко проверять. Отсюда поиск других ориентиров и существование множества конкурирующих школ, ни одна из концепций которых не может утвердиться как оптимальная, но и не воспринимается как окончательно опровергнутая.

Можно проанализировать и причины расхождения между экспериментом и психотерапевтической практикой. Когда речь идет о людях, их сложность, изменчивость, включенность во взаимодействие с экспериментатором, а также этическая позиция исследователя не позволяют исчерпывающим образом варьировать переменные, добиваясь точного знания об их отношениях. Экспериментальная психология вынуждена выхватывать относительно простые закономерности, которые допускают вариацию и проверку существующими методами исследования. Психо-

терапевт же имеет дело с целостным человеческим существом, поэтому не может удовлетвориться знанием локальных, пусть и точно установленных закономерностей и должен предпочесть сложные и целостные представления, даже если они основаны на интуитивных знаниях, правильность применения которых сложно обосновать.

С точки зрения классического понимания науки такое положение может быть объяснено тем, что психотерапия и соответствующие области экспериментальной психологии еще не достигли достаточного уровня развития. Если следовать такому пониманию, то можно ожидать, что когда-нибудь в будущем, если психологи и психотерапевты хорошо потрутся, экспериментально обоснованная теория личности станет настолько мощной, что позволит объяснить, что происходит в процессе психотерапии, и окажется ориентиром для людей, ведущих этот процесс. Можно пофантазировать и представить, что когда-нибудь психотерапевты вооружатся, например, бурно развивающимися сегодня средствами томографии головного мозга, которые позволят наблюдать за состоянием клиента в процессе терапии, воспользуются методами генетического анализа, благодаря чему смогут выявить генетические предпосылки темперамента клиента, и получат в свое распоряжение каких-нибудь нанороботов (наноботов), оказывающих сверхтонкое влияние на нервную систему. Конечно, все сказанное не очень вероятно и, как любые футуристические прогнозы, лишь экстраполирует на будущее тенденции сегодняшнего дня. Безусловно, однако, что дальнейший прогресс и

психотерапии, и экспериментальной психологии может привести к появлению методов проверки психотерапевтических построений. А.Б. Орлов на следующих страницах находит хороший образ для выражения подобного круга идей: психотерапия — еще эмбрион, которому предстоит стать живым существом после нелегких родов.

Однако возможно и другое понимание этой ситуации — постмодернистское. Ведь в то время как экспериментальная психология и психотерапия будут двигаться навстречу друг другу, чтобы создать классический треугольник теории, эксперимента и практики, могут появиться новые практические проблемы, которые нужно решать, не имея в руках проверенной экспериментом и адекватной практике теории. Может оказаться, что доля знания, не дошедшего до классического соотношения между наукой и техникой, не только не уменьшается, но даже растет. Области знания, находящиеся в движении, в переходном состоянии, «еще» не соответствующие идеалам проверяемости, могут оказаться преобладающими и наиболее важными в нашей жизни. Тогда гипотетико-дедуктивная наука (кстати, вряд ли существующая в чистом виде) уже не будет выглядеть единственно достойным интеллектуальным предприятием, а деятельность психотерапевта предстанет в

другом свете. Встает вопрос о том, что, раз экспериментальная проверка оказывается невозможной, ее место должны занять другие методы оценки адекватности концепции. Может быть, например, даже средневековый и опозоренный в Новое время принцип опоры на авторитеты не так уж плох? Ведь если в науке важно «личностное знание», то почему бы нам не прислушиваться в большей степени к тем людям, которых мы имеем основание считать наиболее компетентными? Этот вопрос, конечно, не вполне серьезен, однако он показывает, что ослабление требования контролируемой проверки научного знания образует вакуум, который должен быть заполнен другими принципами.

В таком случае вопрос о том, является ли психотерапия наукой (или может ею стать), лишается оценочного статуса. Можно даже идти в сторону крайних утверждений и заявить, подобно Г.П. Щедровицкому: «...я убежден, что наука умерла, ее больше нет, осталась скорлупа от науки. Больше того, я думаю, что наука вообще не есть та форма организации сознания групп и коллективов людей, которая может давать практичное и работающее знание» (На Досках..., с. 50).

Так или иначе, обсуждение статуса психотерапии выводит на глубокие вопросы природы психологического знания.

Литература

На Досках. Публичные лекции по философии Г.П. Щедровицкого. М.: Изд-во Школы культурной политики, 2004.

Юревич А.В. Три источника и три составные части психологического знания // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2, № 3. С. 3–18.

Д.В. Ушаков, редактор раздела «Специальная тема номера»

ПСИХОТЕРАПИЯ В СЕТИ ПРОТИВОРЕЧИЙ

А.И. СОСЛАНД

Сосланд Александр Иосифович — доцент Московского городского психолого-педагогического университета, старший научный сотрудник Института «Русская антропологическая школа» при Российском государственном гуманитарном университете, кандидат психологических наук.

Автор книги «Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или Как создать свою школу в психотерапии» (М, 1999).

Контакты: asosland@mtu-net.ru

Резюме

В статье рассматривается состояние психотерапии к 150-летнему юбилею З. Фрейда. Обсуждаются проблемы легитимности, эффективности, институционализации психотерапевтической практики. Разбирается круг проблем, связанных с исследованиями психотерапевтического процесса. Особое внимание уделяется проблемам «общей теории» психотерапии. Критически анализируются подходы к решению этой проблемы. Также обсуждаются особенности нового подхода к анализу психотерапии — аттрактив-анализа. Описывается особое своеобразие психотерапевтического сообщества через призму концепта «идеобаллическое сообщество». Многие противоречия как внутри психотерапевтического знания, так и внутри профессионального сообщества выносятся на открытое обсуждение.

Среди психологических дисциплин психотерапия занимает особое место, научное определение которого до сих пор вызывает ожесточенную полемику. В частности, споры идут о том, к какому ведомству относится психотерапия — психологии или медицины. Существует подход, многочисленные сторонники которого полагают, что психотерапия есть «отдельная специальность». В общественном сознании, в том числе в сознании ря-

да специалистов смежных профессий, встречаются некоторые заблуждения, связанные с психотерапией. Ее зачастую смешивают с оккультными практиками. Различия между «психологом», «психотерапевтом» и «психоделикатом» требуют постоянного разъяснения как в беседе с клиентами, так и в коллегиальном кругу. Груз неясностей, двусмысленностей, противоречий, связанных с психотерапией, очень велик и с течением времени

почти не уменьшается. С одной стороны, здесь необходима элементарная просветительская работа, но с другой — внутри самой психотерапии накоплено множество проблем, усугубляющих ее и так непростое положение. Эти проблемы связаны с эффективностью, легитимностью, состоянием сообщества. Попробуем обсудить некоторые из них.

К юбилею основателя

Весь психологический мир отмечает в этом году 150-летие со дня рождения Зигмунда Фрейда. Важность его вклада в психотерапию переоценить невозможно при всей неоднозначности и противоречивости ряда его положений. Значение работ З. Фрейда, полагаем мы, невозможно адекватно осмыслить, если рассматривать их только изнутри психоанализа и психоаналитического сообщества. Бесспорно, он является создателем профессии психотерапевта как таковой безотносительно к отдельным школам и направлениям, одним из которых является психоанализ.

Каково же сегодня состояние профессии психотерапевта?

Оно внушает зависть и восхищение. Тысячи специалистов трудятся на ниве психологической помощи людям во всех мало-мальски цивилизованных странах. Не только жители так называемых постиндустриальных государств имеют возможность получить помощь в этой сфере, но и жители тех стран, где раньше ни о чем таком и мечтать не приходилось. Для многих тысяч молодых честолюбивых специалистов эта профессия сделалась желанной целью.

Крупнейшие психотерапевтические школы превратились в огромные транснациональные империи. Эти империи располагают образовательными учреждениями, печатными изданиями в самых разных странах. Психотерапевты объединены в многочисленные ассоциации и союзы, а признание психотерапии со стороны университетской науки и государственных органов здравоохранения растет.

На сегодняшний день психотерапия является самостоятельной и весьма востребованной профессией, а вовсе не «довеском» к психологии или медицине, так что те, кто по образованию являются врачами, психологами, педагогами, не более чем кандидаты на обучение психотерапии. Психотерапевтами становятся, только пройдя соответствующее обучение, приобретя новую профессию психотерапевта. Психотерапия все больше утверждается как самостоятельная дисциплина и самостоятельная структура в обществе.

Психотерапия (и связанные с ней сюжеты) стала одной из популярнейших тем в общественном сознании. Идеи, рожденные в недрах этой науки, у всех на устах. Трудно найти человека, не знающего, что такое комплекс неполноценности, или например, эдипов комплекс. Психотерапевт — желанный гость в пространстве средств массовой информации, телевидения и газет. Психотерапевты — востребованные консультанты в смежных профессиях — рекламе, сфере public relations, бизнесе.

Особый статус психотерапии подчеркивается также появлением законов, регулирующих ее функционирование.

Охраняется законом

Страны, где психотерапия получила должное развитие, сочли необходимым создать специальный закон, связанный с этой практикой. Пионером здесь была Австрия, что совсем не странно. Эту страну без преувеличения следует считать родиной психотерапии. От кого бы мы ни вели отсчет в истории этой науки — от Месмера или Фрейда, так или иначе возвращаемся в Вену. Психотерапия является там делом национального престижа, дипломы о завершённом психотерапевтическом образовании, открывающем доступ к практике, подписывает президент республики¹.

В Вене находится и штаб-квартира Европейской ассоциации психотерапии (ЕПА) — самой массовой на сегодняшний день международной организации психотерапевтов в мире. С 1991 г., когда была образована ЕПА, в нее вступило более 200 орга-

низаций, среди них — более 20 национальных ассоциаций.

«Закон о психотерапии» действует и в Германии. В отличие от Австрии и других стран, немецкие законодатели провели более жесткий отбор утвержденных законом (и, соответственно, оплачиваемых через страховку) методов. Главными направлениями на сегодняшний день признаны поведенческая и глубинно-психологическая (аналитически ориентированная) психотерапия. Сегрегация известных методов психотерапии на «научно проверенные» и иные является поводом для главного «научного скандала» в современном профессиональном сообществе. Среди «непроверенных» оказались школы с давними традициями, с большим влиянием в профессиональном сообществе. Гештальт-терапия, психодрама, разговорная психотерапия по К. Роджерсу, НЛП и другие пока официально не признаны и не подлежат оплате по системе меди-

¹С 1990 г. профессия «психотерапевт» защищена в Австрии законодательно. Для получения психотерапевтического образования необходимо пройти обучение в течение не менее 3215 академических часов в различных учреждениях, готовящих психотерапевтов. Это или частные институты, или порой государственные университеты. Психотерапевтическое образование состоит из двух частей:

1. Вводный курс (примерно 2 года): широкое базовое образование.
2. Специализация по психотерапии (примерно 5 лет): освоение конкретных методов психотерапии.

Минздравом Австрии проводится экспертная оценка используемых методов психотерапии. Официально признаны и подлежат оплате по системе социального страхования следующие 18 методов и направлений психотерапии, соответствующие строгим научным критериям: аутогенная тренировка, аналитическая психология, гештальт-теоретическая психотерапия, гипноз, групповой психоанализ, динамическая групповая терапия, индивидуальная психология, интегративная гештальт-терапия, кататимно-имажинативная психотерапия (символдрама), клиент-центрированная психотерапия, личностно центрированная психотерапия, поведенческая терапия, психоанализ, психодрама, системная семейная терапия, транзактный анализ, экзистенциальный анализ, экзистенциальный анализ и логотерапия.

цинского страхования. Немецкий закон, как известно, вызвал целую волну возражений.

Оговорка по Зенфу

Известный немецкий психотерапевт В. Зенф определил психотерапию как *уважаемую клиническую и научную дисциплину, доказавшую свою эффективность в лечении психических и психосоматических расстройств. Современная психотерапия строится на тех теориях расстройств и их лечения, которые десятилетиями развивались на базе клинической практики и прошли проверку на эффективность* (см.: Холмогорова, 2001).

Трудно спорить с этим определением. Обратим, однако, внимание на слово «уважаемая». Вряд ли представителям какой-нибудь другой специальности пришлось бы в голову представлять свою сферу именно так. Не стали бы специально делать ударение на «уважении» ни академическая психология, ни философия, ни иные «непсихологические» терапевтические практики, такие, как хирургия или, допустим, клиническая психиатрия. Вполне в духе психоаналитической «стратегии подозрительности» нам думается, что здесь мы имеем дело с оговоркой, которая выдает действительное положение дел.

Каково же оно? Да, безусловно, мы знаем, что психотерапия есть эффективное средство, доказавшее свою действенность. Но по сравнению со многими другими терапевтическими практиками психотерапии свойственна недостаточная легитимность. Именно это обстоятельство привело к тому, что здесь потребова-

лось специальное законодательство, отличное от того, которое было предложено для медицинских видов терапии.

Психотерапия пребывает в поле напряжения между двумя полюсами. Противопоставление номотетического подхода (генерализирующего) и идеографического (индивидуализирующего) в контексте классификации наук давно стало общим местом. Проблема здесь в том, что оба эти подхода сталкиваются на одном поле. Психотерапия не может фундировать себя как естественнонаучная дисциплина, ибо уникальность любой терапевтической ситуации под влиянием множества факторов не уместится в рамки, подходящие для операционализации и количественного исследования. В ней практически невозможна ситуация «экспериментальной воспроизводимости». С другой стороны, психотерапия функционирует в режиме терапевтических дисциплин, где требуется соответствие критериям полезности, эффективности, отчетности. Эти факторы в значительной степени определяют своеобразие и противоречия в психотерапии как науке, практике, а также внутри профессионального сообщества.

Эффективность «в целом и по частям»

Эффективность психотерапии в целом давно доказана. Многочисленные исследования в этой области, в том числе и строго контролируемые, проведенные в условиях независимой экспертизы, давно и убедительно показали, что психотерапия — это «лучше, чем ничего», а во многих случаях и

лучше, чем фармакотерапия. Однако профессиональное сообщество устроено так, что необходимо учитывать интересы многочисленных школ, направлений, подходов. Все эти «подразделения» долгое время находятся в состоянии жесткой и интенсивной конкуренции. Появление каждого нового метода связано с критикой в области мировоззренческих представлений, но никак не в области эффективности предлагаемого нового метода.

Нет тому примера, чтобы новый метод появлялся после надежных исследований терапевтических показателей. Не бывает так, чтобы терапевт исследовал при этом контрольные группы, занимался подсчетом статистических ошибок, терпел длительный катамнестический срок для того, чтобы убедиться в хороших отдаленных результатах, не сравнимых с теми, что имели место при работе в рамках старого метода. Кроме того, нет случая, чтобы автор, предлагающий новый метод, до того исследовал все известные к этому моменту методы или хотя бы несколько различных терапий, прежде чем рекомендовал бы к внедрению собственные изобретения.

Трудно представить себе, чтобы, к примеру, клинический препарат был рекомендован к употреблению без кропотливых исследовательских процедур. Для создания и распространения психотерапевтического метода вполне достаточно убежденности его создателя и его последователей в том, что он обладает определенной действенностью, чему не противоречит некий, чаще всего достаточно ограниченный опыт автора и его товарищей.

Наиболее активны в освоении экспериментального подхода в психотерапии последователи когнитивно-поведенческого направления, они же всегда были инициаторами сравнительных исследований в области эффективности психотерапии. Но и их исследовательские проекты были чаще всего осуществлены «задним числом». О том, чтобы эти исследования охватывали большинство существовавших к тому времени психотерапий, не может быть и речи. Сравнивались одно-два направления, чаще всего психоанализ и когнитивно-поведенческая терапия.

Многие авторы признают при этом, что сама возможность исследований осложнена целым рядом трудно преодолимых препятствий. Во-первых, это крайняя неоднородность различных психотерапий. Они преследуют разные цели, основаны на несопоставимых между собой практиках. Второе препятствие — их исключительное изобилие, о чем пишут, в частности, Е. Калмыкова и Х. Кэхеле: «В настоящее время известно и осуществляется на практике около 400 разновидностей психотерапии для взрослых пациентов и примерно 200 — для детей и подростков; описано около 300 психологических синдромов или констелляций симптомов, для лечения которых рекомендуется та или иная психотерапия. Если поставить себе задачу эмпирическим путем установить, какие виды психотерапии или их сочетания оптимальны для лечения одного расстройства, то придется опробовать астрономическое количество сочетаний, приблизительно равное 2^{400} . Соответственно, чтобы получить возможное количество сочетаний

для лечения всех описанных синдромов, это число надо будет умножить еще на 300» (Калмыкова, Кэхеле, 2001, С. 15–16).

В таком «арифметическом» контексте исследования, которые удовлетворили бы всех, превращаются в невероятно громоздкий, дорогостоящий, «вечный» проект, который, судя по всему, не будет завершен никогда. Упомянутые в цитированной выше статье цифры следовало бы многократно умножить, исходя из того всем известного обстоятельства, что культурные различия вносят в применение и потребление психотерапии серьезные коррективы. При этом существуют опасения относительно перспективности таких исследований. Многими авторами показано, что, скорее всего, значимых различий в эффективности разных методов выявлено не будет.

«У. Стайлз с соавторами описывают “парадокс эквивалентности”, приблизительно равнозначной эффективности лечений, в которых складываются, по всей видимости, существенно различающиеся отношения между пациентом и психотерапевтом. До тех пор, пока этот парадокс не будет разрешен, понимание механизмов лечения останется весьма ограниченным» (Калмыкова, Кэхеле, 2001, с. 16).

Многими другими авторами показано то же самое. *Парадокс эквивалентности* — самый частый итог такого рода исследований.

Вот, например, результаты известного американского проекта Consumer reports.

1. Никакой из методов психотерапии не имеет преимущества перед другими. Иначе говоря, в данном ис-

следовательском проекте подтверждается то же самое, что обнаружено в других исследованиях. Решение «парадокса эквивалентности» откладывается опять в «долгий ящик».

2. Более длительные терапии являются более эффективными. Это положение явно противоречит некоторым исследованиям, проведенным в Европе, в частности выводам группы К. Граве. Согласно им, эффективность психотерапии не повышается после приблизительно 80 сессий, так что дальнейшая работа попросту бессмысленна. Страховые кассы во многих случаях делали для себя однозначные выводы, базируясь на этих цифрах. Все это больно ударило по карману многих европейских психотерапевтов, сторонников долгосрочных методов работы. Непонятно, разница результатов в Европе и в Америке — это показатель культуральных отличий или чего-то еще.

3. Эффективная психотерапия — это больше, чем снижение симптоматики. Конечно, любой психотерапевтический процесс имеет целостный характер и обращен к личности в целом. Невозможно достичь терапевтического эффекта без работы с ценностями, смыслами, отношениями и проч., т. е. с тем, что выходит далеко за пределы просто симптоматики клиента.

4. Улучшение в психотерапии достижимо и без фармакологии. Как и во многих других исследованиях, здесь подтвердилось превосходство психотерапии перед фармакологией в том, что касается многих состояний, за исключением разве что психотических.

5. Квалифицированные психотерапевты лучше других достигают

успехов в лечении. И по этому пункту подтвердилось то, что было известно уже давно: основной инструмент в психотерапии не метод, а сам психотерапевт (Гуттерер, 1999, с. 162–168).

Исследователь — враг или друг психотерапевта?

Существует определенная разница между исследовательской ситуацией в академической психологии и психотерапии. Университетский психолог, планируя сам свои исследования, создавая для них условия и выбирая методику, находится в совершенно другой позиции, чем психотерапевт. Исследования для него — вовсе не главное условие деятельности и выживания. Психотерапевт и тот, кто исследует психотерапию, — это разные ученые, с разной позицией, опытом, статусом и проч. Психотерапия развивалась, а в значительной степени развивается и теперь в рамках частных институтов, по большей части независимых от структур высшего образования. Карьерные критерии в психотерапии и университетской науке чаще всего не совпадают. В психотерапии сертифицирование осуществляется по результатам обучающих программ, где главный упор делается на собственный клиентский опыт и супервизию. В университетской карьере востребованы, наоборот, публикации и диссертации, по известному принципу «publish or perish!» («публикуйся или исчезни!»). Получить же систематическое психотерапевтическое образование, во всяком случае еще в недавнем прошлом, не представлялось возможным. Итак, исследование в психотерапии — чаще

всего встреча двух профессионалов с совершенно различными интенциями, опытом, предпочтениями.

Психотерапевт, будучи убежден, что практикует по безусловно эффективному методу, вовсе не приходит в восторг от того, что некие инстанции предписывают осуществить проверку того, как он работает в течение многих лет и какие имеет результаты. Проект в таком роде воспринимается им как безусловное посягательство на его интересы.

«Напряжение между исследователем и практиком в выработывающем гипотезы исследовании понятно, если иметь в виду следующее: исследователь обычно не является источником вдохновения, поставляя практику новые полезные и пригодные для практики теории, а только лишь потребителем идей практика, которые он подвергает строгой научной проверке. Исследования идут за практикой, а не наоборот. Функция исследователя состоит скорее в том, чтобы «дискредитировать» практику и применяемые ею теории в смысле модели опровержимости, или же, если это не удастся, то максимально их приспособить» (Гуттерер, 1999, с. 176).

В подавляющем большинстве ситуаций профессиональная работа психотерапевта определяется традициями школы, в которой он получил образование. Количественно-статистические исследования не играют зачастую почти никакой роли в том, что и как делает терапевт, когда остается наедине с клиентом.

Отсутствие ощутимых результатов в сравнительных исследованиях, их бесполезность по большей части для практической психотерапии ведут к

тому, что многие авторы высказываются по их поводу достаточно жестко и резко. Вот что пишет, например, Ф.Е. Василюк: «...ярким примером коммуникативного представления о результате психотерапии является знаменитая формула Жака Лакана, по которой "субъект начинает анализ с того, что он говорит о себе, но обращается при этом не к вам, или он обращается к вам, но говорит не о себе. Если он способен говорить о себе и обращаться при этом к вам, значит, анализ завершен" (Lacan, p. 261). Как маленькая железнодорожная стрелка, она отправляет на свалку эшелоны путаницы и глупости, которые накопились и продолжают производиться на солидном предприятии под названием Научные Исследования Эффективности Психотерапии, освобождая путь для теоретически плодотворного и практически удобного решения этой проблемы. Искать его нужно не в старом тупике, где трудоемкими усилиями с помощью новейших компьютеров и изощренных статистических программ добывается нелепый с психотерапевтической точки зрения материал только потому, что он так желателен для страховых касс и ответственных за психотерапию чиновников, требующих "объективных критериев" в деле, вся суть которого, вся объективность которого — субъективна» (Василюк, 2003, с. 38–39).

Здесь недвусмысленно указывается на источник недоразумений — функционеров, оценивающих процесс с точки зрения критериев, выработанных изначально для совсем иных терапевтических практик.

Но проблема еще и в том, что и сами методы внутри собственного те-

рапевтического контекста отличаются крайней неоднородностью, большим богатством приемов, ходов, стратегий. Собственно, эти тонкости и есть главный предмет обсуждения в процессе обучения, супервизии, в пространстве научных текстов. Каждый из этих приемов может так или иначе влиять на исход терапии. Методы же, как мы видим, крайне трудно оценивать в целом, *en generale*. Но если мы до сих пор не готовы давать заключения по эффективности психотерапии в целом, как же можно судить о действенности отдельных технических моментов? Улучшится ли результат психоаналитического лечения в том случае, если мы исключим из работы такой элемент, как толкование сновидений? Насколько улучшится катмнез, если в процессе аналитической работы избегать анализа переноса? Или, может быть, в психодраме более действенным будет прием «зеркало», а без техники монологов, к примеру, можно обойтись? Ни в одном случае, ни в одной психотерапии нам не удастся получить вразумительные ответы на подобные вопросы. Более того, такая постановка вопросов покажется всем нелепой и смехотворной. Дело обстоит так, что в рамках количественного исследования невозможно учесть все переменные, влияющие на каждую конкретную терапевтическую ситуацию.

Приблизительно той же точки зрения придерживается и М. Селигман: «Изучение эффективности является ложным методом для эмпирического доказательства истинности психотерапии, потому что опускает слишком много существенных элементов из того, что происходит в ее кругу» (цит. по: Гуттерер, 1999, с. 162).

Действительно, мы имеем здесь дело с серьезным противоречием. Одновременное параллельное существование многочисленных методов, а также постоянное появление новых делает психотерапию дисциплиной с сомнительной легитимностью. Дело обстоит так, что мы, в сущности, не располагаем адекватной технологией анализа различных составных этой дисциплины.

Исключительная сложность предмета «человек» оставляет пока неразрешенными и самые ключевые вопросы, касающиеся специфичности связи «причина — симптом» и связи «симптом — метод» или даже «симптом — прием». Связь между жизненными ситуациями, психическими травмами и их клиническими последствиями весьма свободна. Одни и те же симптомы могут вызываться совершенно разными предшествующими событиями. Точно так же мы не имеем возможности точно привязать симптом или расстройство к определенному подходу и конкретной психотерапевтической технике. Гештальт-терапевт не отправит нарциссического клиента к бихевиористу, а психоаналитик не отправит клиента с навязчивостями на психодраму, подобно тому как гинеколог отправил бы пациента с ангиной к отоларингологу, честно сказав, что ему у него делать нечего.

Мы знаем так же, как и раньше, что психотерапия — это «лучше, чем ничего», зачастую намного лучше, и пока именно эта формулировка обозна-

чает предел наших знаний в этой области. Несомненно, исследования действенности психотерапии в разных клинических сферах приведут к тому, что ее сфера применения расширится. Но это вряд ли всерьез изменит существующее на сегодня положение дел.

Психотерапия: «школьная» versus «общая»

Несомненный избыток разнообразных психотерапевтических методов стал замечен уже давно². Основания для лавинообразного нарастания новых видов психотерапии невозможно понять, если исходить из соображений, что психотерапевтическая практика есть некое предприятие, созданное ради интересов клиента. Эта точка зрения оставит за границей адекватного понимания многое из того, что творится в психотерапевтическом мире.

Существование множества школ, противоречащих друг другу в самых принципиальных положениях, давно воспринимается как некий вызов. Вполне естественный ответ — формирование обобщающих проектов, неких общих школ психотерапии. Помимо этого, стали создаваться пространства встречи представителей разных подходов. Речь идет о создании «надшкольных» институтов, международных объединений психотерапевтов. Всемирная ассоциация психотерапии, созданная в 1930-е годы, занималась преимущественно

²Вспоминается выступление Ганса-Юргена Айзенка на I-м Всемирном конгрессе психотерапии в Вене в 1996 г. Он горько сетовал на то, что за последние 10 лет появилось не менее 200 новых методов в психотерапии и все они всего лишь «лучше, чем ничего» (better than nothing).

научными вопросами. В отличие от нее, созданная в 1990-е Европейская ассоциация психотерапии (и Всемирный совет по психотерапии) поставила перед собой намного более широкие цели, связанные в первую очередь с вопросами профессиональной политики, сертифицирования, общественного признания психотерапии и проч. Постоянный диалог школ, осознание общих интересов представителей разных подходов разрушили старый (внутри школьных рамок) режим функционирования психотерапии. Параллельно с этим появился запрос на создание надшкольных теорий, на «общую психотерапию».

Один из известных проектов в этом ключе — концепция «действенных факторов» К. Граве и его исследовательской группы из Бернского университета. Кропотливый анализ большого количества исследований эффективности психотерапии, проведенных в мире, позволил этой группе сформулировать общие факторы, определяющие эффективность процесса психотерапии независимо от подхода:

– активирование и акцентирование ресурсов и тесно связанное с этим качество контакта;

– актуализация проблемы;

– целенаправленная стратегия преодоления проблемы;

– прояснение истинных чувств и мотивации (Grawe at al., 1994; 1995; см.: Холмогорова, 2001).

Первое, что бросается в глаза, — крайняя неопределенность, расплывчатость выделенных факторов, которые мало что говорят практическому психотерапевту. Они требуют длительной расшифровки, интенсивного

уточнения. Ясно, что ориентироваться в работе на них можно только в том случае, если мы отстраиваем контексты, в которых эти факторы могут быть применены. Этими контекстами, собственно, и будут те методы, из которых они «дистиллированы». Их применение требует новых классификаций, т. е. возвращения к тому, от чего и было начато исследование.

Австрийская исследовательница Э. Вагнер весьма остроумно высказалась по этому поводу: «Тот, кто надеется, что с помощью дистиллирования четырех факторов действенности в психотерапевтической работе будут преодолены все характерные для отдельных школ особенности, напоминает изобретателя *тех таблеток от жажды, которые надо употреблять, растворяя в воде* (курсив мой. — А.С.). Для практической работы мало знать, какие четыре фактора действуют в психотерапии. Этот дистиллят должен быть заменен (специфическими для отдельных школ?) теориями, чтобы можно было осуществлять терапевтическую работу» (Вагнер, 1999, с. 275).

Позиция представителей «общей психотерапии» (другой псевдоним «общего» метода, внедряемого группой К. Граве, — «психологическая психотерапия») вызывает серьезную критику представителей профессионального сообщества: «Дело в том, что они (группа К. Граве. — А.С.) пытаются создать единую психотерапию, некую общую психотерапию. Однако это сужает рамки культуры. Они пытаются также выявить некие общие закономерности в том, что касается результатов психотерапии. Но здесь мы можем говорить только о начале исследований, а не о их завершении. Это

вызывает критику у коллег — пока получается какая-то каша, нечто недифференцированное. Демократический подход подразумевает наличие многих разных форм психотерапии. Это понятно — ведь в мире существует множество людей с самыми разными взглядами. В конце концов, в психотерапии дело обстоит так же, как и в политике» (Притц, 1997, с. 162).

Итак, налицо конфликт интересов. Структурная концепция предстала здесь концепцией, редуцирующей психотерапевтическое знание в целом. Наряду с этим она ущемляла интересы основных сил в психотерапии без реальных на то оснований, ибо никто не доказал, что основанные на этих принципах психотерапии более действенны.

В свое время мы предложили совсем иной проект в этом направлении (Сосланд, 1999). Мы не ставили перед собой задачи редуцировать всю сумму психотерапевтического знания до нескольких кратких формулировок, а попытались сформулировать «общую теорию психотерапии» совсем по-другому.

Нами был осуществлен анализ структурных основ построения теорий и техник различных методов в психотерапии и психологических закономерностей, лежащих в их основе, и на основе этого создание базы для последовательной и полной компаративистики (сравнительного анализа) различных психотерапевтических методов.

Мы исходили из следующих соображений:

1) теории и техники различных психотерапевтических методов имеют общую структурную основу;

2) структура различных психотерапевтических методов может быть описана посредством общего метаязыка;

3) в основе формирования главных психотерапевтических методов лежат закономерности, обусловленные психотерапевтической ситуацией самой по себе, а кроме того, культурным контекстом и другими «внепсихотерапевтическими» факторами.

Иначе говоря, для нас очень важно было учесть как разнообразие школ и практик, так и особую сложность единичной практической ситуации. Структурная теория, полагали мы, должна не основываться на «обедняющей» стратегии, а совсем наоборот, произведя инвентаризацию уже существующих возможностей, предлагать новые.

Важно было не просто описать метаструктуру психотерапии как единой целостной дисциплины с общепсихологических позиций. Необходимо было исследовать пути формирования психотерапевтического метода, а также определить взаимосвязь между различными элементами теории и техники. Составные элементы теории рассматривались нами с точки зрения их влияния на психотерапевтические стратегии. Таким образом, мы получили методологический аппарат, который позволяет осуществить анализ любого психотерапевтического метода. Структурная модель, полагали мы, невозможна без соответствующей лексикографической работы, и поэтому сочли важным обозначить выделенные нами структурные единицы соответствующими терминами.

Мы пришли к выводам, что на самом деле, несмотря на огромное

многообразие психотерапевтических методов, существует общая для них структурная основа. Именно так, опираясь на эту основу, можно обрести понимание психотерапии как единого целого. В то же время разложение известных психотерапевтических методов на составные части создает методологические предпосылки для последовательной компаративистики (сравнительного анализа) различных методов психотерапии. Кроме того, располагая знанием структуры психотерапии, мы получаем возможность систематического построения интегративных и эклектических концепций разного рода. И наконец, проведенный анализ выявляет неиспользованные возможности для формирования психотерапевтических методов.

Другой важный аспект заключается в том, что мы предложили не «сокращающую» (хотя в каком-то смысле и вполне компактную) модель, а генеративную, порождающую. Структуралистская парадигма здесь совпадает с политической корректностью: мы исходим из соображения равных прав всех методов в целом и каждого в отдельности.

Такой подход в анализе психотерапии не грозит сегрегацией разным методам, не претендует на создание преимуществ в пользу одних практик перед другими. И это очень важный принцип как для исследований, так и для политики в профессиональном сообществе.

Привлекательность бывает разной

Концепция аттрактив-анализа изложена нами в целом ряде публикаций (Сосланд, 2003а; 2003б; 2004).

Мы продолжаем работать над этим подходом, и данная работа — шаг в его уточнении, расширении и дополнении.

Два мира

Для понимания аттрактивности как таковой мы вводим важное противопоставление. Речь идет о «двух мирах» дискурса: дискурсе, существующем в режиме принципа реальности (далее — *Диспреа*), и дискурсе, существующем в режиме принципа удовольствия (далее *Диспрудо*). Это противопоставление основательно проработано в психоаналитической традиции, где, как известно, принцип удовольствия и принцип реальности — основные регулирующие полюсы психики.

Диспреа — это жестко регламентированный дискурс производства материальных ценностей, мира, где главное заключается в отказе от гедонистической ориентации, рационализация всех аспектов существования. В этом мире этический императив сужает наше жизненное пространство, подчиняет время жесткому режиму. Мы в значительной степени вынуждены отказаться от претензий на собственную неповторимость, автономию. В *Диспреа* тон задается производственной необходимостью, регламентом, принуждением, репрессией, напряжением, достижениями, рефлексивностью, ответственностью, легитимностью. Эта картина мира с особенной отчетливостью и выпуклостью представлена, в частности, в протестантском мировосприятии, как его нам преподносит М. Вебер в своих известных трудах.

Диспрудо — дискурс, развивающийся в значительной степени параллельно, порой вторгающийся в Диспреа, но ориентирующийся на собственный режим, собственные законы функционирования. Тон задается здесь гедонистической ориентацией, игрой, измененными состояниями сознания, нарциссическим мировосприятием.

Аттрактивность и аллективность

Аттрактивность в нашем понимании заключается в том, что тексты, принадлежащие вроде бы к пространству Диспреа, на самом деле несут в себе множество признаков Диспрудо. В этом состоит наиболее интересный сюжет аттрактив-анализа.

Со временем мы обязательно проведем границу между аттрактив-анализом и анализом текстов в других традициях. Речь идет о разных аналитиках, точнее сказать, о разных оптиках. Они могут друг с другом конкурировать, друг друга дополнять, но речь здесь будет идти о разных видах анализа.

Кроме того, аттрактив-анализ, как мы его понимаем, не ориентирован на *банальную аттрактивистику*, связанную с заурядными требованиями к «качеству» научной литературы, логике построения текста, ясности и экономности в изложении и т. п. Наш опыт изложения основных идей аттрактив-анализа показывает, что необходимо особо обозначить и иной вид привлекательности, а именно привлекательность, связанную с Диспреа. Рациональная привлекательность отныне будет обозначаться нами термином **аллективность** (от лат. *allecto* — приманивать, при-

влекать). Семантические поля у терминов «аттрактивность» и «аллективность» близки друг другу, однако мы определяем важное для понимания сущности аттрактив-анализа различие.

Если аттрактивность связана с гедонистической ориентацией, то аллективность сформирована совсем иным, в значительной степени противоположным режимом.

Этот режим, как уже было сказано, определяемый напряжением, достижениями, рефлексивностью, легитимностью, создает свои преимущества. Это соображения утилитаристского порядка, соображения «пользы», «важности», «надежности» и проч.

Наша стратегия концептуализации разводит, таким образом, два канала привлекательности. Мы подчеркиваем наш интерес именно к аттрактивности. Аллективность связана с соображениями, само собой разумеющимися в том, что касается текстов, проходящих по ведомству научного дискурса. Аттрактивность открывает перед нами несравненно более интересные концептуальные обстоятельства (о сущности интересного см. ниже). Речь идет о том, что у текстов, созданных в режиме принципа реальности, существует скрытый пласт, связанный с принципом удовольствия.

Привлекательное в психотерапии, таким образом, разведено по двум ведомствам. Аттрактивное обращено в сторону клиента, и образ психотерапии сулит ему свободу, удовольствия и проч., в то время как аллективное направлено в сторону инстанций, контролирующих психотерапевтическую деятельность и требующих постоянного отчета в том, что касается полезности, эффективности и проч.

Власть и свобода

Психотерапия сама по себе как уникальная терапевтическая практика представляет собой большое и своеобразное искушение. Ясно, что здесь наряду с возможностью реализации идеологического воздействия, как в философии, академической психологии и т. д., существует еще один соблазн — осуществления своеобразной власти над личностью клиента, будь то в индивидуальной терапии или в группе.

«Удовольствие» от терапии — это зачастую погружение в особый мир, удаленный от повседневности.

Мы исходим из того, что понимание истоков и каналов аттрактивности является очень важным для ориентации в психотерапевтическом пространстве. Именно образ метода, теории, концепта вызывает интерес к нему в профессиональном сообществе и за его пределами. Соображения привлекательности играют очень большую роль в том, какие дискурсы захватывают пространство семиосферы, а какие — нет. Аттрактивность влияет на ориентацию в текстовом разнообразии, а также в мире психопрактик.

Очень многое из того, что происходит в процессе психотерапии с позволения и согласия клиента, совершенно немислимо ни в какой другой ситуации. Упомянувшееся «удовольствие от терапии» также примиряет его со всем этим. Таким образом, «генеалогия власти» в психотерапии имеет два источника и носит двоякий характер. Получается так, что терапевт реализует через технику свое влияние на клиента и через теорию — на профессиональное сообщество.

Социокритический аспект неизбежен

Большинство теорий в психотерапии сформировано по вполне определенному сценарию. В них позиция общества «враждебна» по отношению к индивиду. Это вполне закономерно, ибо здесь речь идет не просто о неких общепсихологических построениях, но о психотерапевтических. Окружающая индивидуума социальная среда всегда будет «дурной» в зеркале психотерапевтической теории. Именно так, сталкиваясь с враждебным миром, будущий клиент не находит способа удовлетворения своих влечений, реализации своих возможностей. В семье подавляются первичные влечения, более широкий социум стремится нивелировать личностное своеобразие.

Вполне естественно, исторически сложилось так, что терапевт выступает в роли «адвоката» по отношению к пациенту и прокурора — по отношению к окружающему его миру. Он может предъявить счет обществу, которое довело его клиента до беды.

Например, классический психоанализ (положивший начало и этой традиции в психотерапии) представляет дело так, что общественное устройство препятствует удовлетворению сексуального влечения, которое приходится подавлять, откладывать, сублимировать. Оно не находит поддержки в мире современной цивилизации, реализация любого влечения всячески затруднена или отставлена во времени, всегда требует серьезных жертв, больших усилий, и это формирует патологию. В теориях и историях болезни, которые составляются согласно этим теориям,

протагонисту-клиенту всегда противостоит некий Другой. Этот Другой в любой школьной теории обязательно должен быть дурным, точно так же как и окружающая среда. Это и понятно: мы ведь имеем в виду концепцию, которая дает нам возможность для развертывания нарратива истории болезни, а не художественной прозы. История болезни предполагает, что кто-то так или иначе сделал что-то такое, что привело нашего пациента к болезни и потом его с этой болезнью к нам, терапевтам. Сам же протагонист, как сказано, дурным быть не может. Он или жертва, или продукт скверных обстоятельств.

Часто критика «цивилизации» в психотерапевтических дискурсах принимает форму критики «современности». Именно современное состояние социума, согласно этому пространственному ходу рассуждений, является намного более патогенным, чем все предыдущие эпохи вместе взятые, ибо они были не столь индустриализованы, более естественны, близки к природе и т. д. Ведь если современность всем хороша, то от чего защищать пациента, который в современности, собственно, и страдает. Мы занимаемся им сегодня и сейчас, так что нынешней эпохе, которая довела его до всего этого, придется так или иначе стать объектом критики.

Психотерапевтическая мысль являет собой по преимуществу культурный феномен западного типа цивилизации, каковая, естественно, и оказывается мишенью критического жеста.

Психотерапия в борьбе за свободу

История психотерапевтического дискурса, начиная с психоанализа,

может быть представлена как история борьбы с неким фактором, препятствующим реализации желаний клиента. В свое время мы обозначили этот концепт термином «обстанция». В самом деле, влияние некоей препятствующей силы на развитие невротических расстройств стало основной темой не только психоаналитических теорий. В той или иной редакции «либеральные» дискурсивные ходы присутствуют и в теориях других направлений.

Неофрейдистская либеральность проявляется, в частности, в известном патогенетическом концепте К. Хорни «тирания долженствования». Эта «тирания» проявляет себя различными предписаниями, которыми невротик аранжирует свой жизненный мир, делая его невыносимым для самого себя, например: «Я должен быть самым щедрым, тактичным, благородным, мужественным и самоотверженным. Я должен быть идеальным любовником, другом, родителем, учителем, студентом, супругом. Я должен справляться с любым затруднением с полным самообладанием и т. д. и т. п.» (цит. по: Бек, 1996, с. 64).

Другое известное направление в психотерапии — когнитивная терапия А. Бека и А. Эллиса — придерживается той же дискурсивной стратегии, составляя большие списки неадаптивных убеждений в «перфекционистском ключе».

По соображениям создателей этого направления, они ведут к дезадаптации и провоцируют развитие депрессий: «Чтобы быть счастливым, я должен быть удачливым во всех начинаниях. Чтобы чувствовать себя счастливым, меня должны принимать

(или меня должны любить, мною должны восхищаться) все и всегда. Если я не достиг вершины, то потерпел провал» (Бек, 1996, с. 63).

Если бы мы попытались так или иначе описать самое общее действие, осуществляемое психотерапевтами, то это будет борьба против факторов, которые связаны с неким препятствующим, подавляющим, ограничивающим началом. Этот фактор может помещаться «снаружи», а может быть интериоризирован. *Дерепрессия* — так следовало бы обозначить основную психотерапевтическую стратегию, осуществляемую так или иначе в самых разных парадигмах. Все психотерапии должны гарантировать клиенту некое пространство свободы и защищать его.

Необыкновенное профессиональное сообщество

Своеобразие развития психотерапии, помимо всего прочего, заключается в длительном «внеуниверситетском» существовании, впрочем, эта особенность постепенно стала сходиться на нет. Психотерапия развивалась школами, и это обстоятельство наложило некую неповторимую печать на все стороны психотерапевтической жизни.

Мы предприняли попытку описать это своеобразие (Сосланд, 2004б), причем попытались сделать это посредством мотивационного концепта и показать, что психотерапевтические школы в значительной степени встроены в несколько иной ряд по сравнению с другими научными сообществами. Вот основные моменты нашей концептуализации.

Идеобаллия: деятельность и мотивация

Когда заходит речь об идеологии, всегда имеется в виду дискурс, отражающий определенные интересы, в то время как путь к реализации этих интересов остается едва намеченным.

Ясно, что без такого компонента, как экспансия, идеология теряет свой смысл. Она, собственно, создана для того, чтобы распространять себя. Идеология является не только интеллектуальным построением, но и импульсом к деятельности. Она не замкнута в пространстве изолированного индивида, но существует в интерперсональном диалогическом режиме. Необходим концепт, который объединил бы в единый процесс и производство идеологии, и ее распространение.

Итак, *идеобаллия* (от греч. *idea* — общее свойство, идея, начало, основание, принцип; *ballo* — бросать, кидать, метать) — деятельность, соединяющая в себе оба значения: и производство идеи, и ее распространение в коммуникативном пространстве.

Как уже сказано, идеобаллия реализуется в стремлении личности включить Другого в пространство собственной идеологии, а лучше всего — других, причем количество этих «других» в идеале стремится к большим числам. На основе вышесказанного уже ясно, что идеобаллия состоит из трех основных моментов: *производство идеологии, распространение* ее в пространстве, *рекрутирование* максимального количества последователей данной идеологии.

Пространственная структура идеобаллического движения носит, так

сказать, центробежный характер. Двигаясь от некоего экзистенциального центра к периферии, идеобаллия стремится к разрыву границы, отделяющей внутреннее пространство личности от внешнего.

Идеобаллическое сообщество

Идеобаллическая мотивация удовлетворяется людьми на протяжении множества веков. На ее фундаменте в обществе сформирован особого рода класс. Давно осуществлена *специализация* идеобаллии, и с давних времен существуют *идеобаллические специалисты* — философ, священник, миссионер, политик. Производство идей вместе с их распространением — их главное дело. Есть также и маргинальные варианты существования идеобаллических персонажей — сектант, революционер, лидер молодежного объединения.

Одно из главных направлений удовлетворения идеобаллической потребности — формирование *идеобаллического сообщества* (далее — *ИС*). Этот вид сообщества существует в различных редакциях, но имеет свои инвариантные свойства.

Итак, для *ИС* типично следующее:

1. *Единая идеология*. Все сообщество безоговорочно (в худшем случае с мелкими поправками) разделяет основные принципы групповой идеологии.

2. Зачастую *ИС* формируется вокруг некоей *харизматической личности*. Идея отождествляется с реальным персонажем, и идеобаллическое сообщество формируется вокруг обоих сплывающих факторов — идеологического и личностного. Харизматическая позиция всегда пред-

полагает сочетание идеологического и организационного лидерства.

3. В продвинутых *ИС* зачастую принимаются определенные *этические и дисциплинарные кодексы*. Свод предписаний и запретов формируется для поддержания жизнестойкости внутри самого сообщества, а также для усиления внешней экспансионистской активности. *ИС* почти всегда противопоставляют себя другим аналогичным сообществам или же враждебному окружению в целом.

4. Почти всегда *ИС* демонстрируют тенденцию к *экспансии*. Для них вполне типична деятельность, направленная на распространение идеологии и на расширение круга тех, кто с ней связан. Весьма важной является миссионерская, рекрутирующая работа.

5. Очень часто (хотя далеко не всегда) в *ИС* используются разного рода *экстатические практики*. Транс — один из важнейших соблазнов подобного вида сообществ. Мы видим глубокий смысл в сходстве аббревиатур *ИС* — идеобаллическое сообщество и *ИСС* — измененное состояние сознания, каким бы случайным оно ни было. Особенно это относится к религиозным и психотерапевтическим типам *ИС* (см. ниже классификацию).

6. Может иметь место всякого рода *идентификационная символика* (гербы и знамена, гимны и ритуалы). Символика может быть непосредственно связана с предыдущим моментом, но главное в ней — сплывание единомышленников в единый организм, создание эмоционально насыщенной коммуникативной ткани внутри сообщества.

7. Идеология в таком сообществе встроена в структуру *групповой динамики*. Эта групповая динамика, как и в любом сообществе, оказывает решающее влияние на положение дел. Своеобразие *ИС* заключается в том, что внутренняя идеология становится важным фактором групповой динамики. Такие факторы, как верность идеологическим принципам, поддержание их «строгости и чистоты», могут оказывать решающее влияние на иерархию в *ИС*, разделять его на лидеров и маргиналов. Эта иерархия имеет как выраженный внутренний аспект (отношения между членами *ИС*, иерархическое разделение), так и внешний — отношения с социумом и аналогичными или конкурирующими институтами.

Классификация ИС

Не составит труда перечислить теперь наиболее распространенные идеобаллические сообщества. Они, собственно, у всех на виду.

Итак, это:

1. *Мировые конфессии*, включающие в себя клир и конфессиональную паству.

Это самые заметные в мировой культуре *ИС*. На примере больших конфессий можно проследить все основные особенности сообществ, о которых идет речь.

2. *Культовые сообщества* (в том числе и так называемые *тоталитарные секты*)

Эта сфера маргинальной культуры часто имеет широкий общественный резонанс ввиду активной рекрутирующей политики, ей присущей, противопоставления себя общественным институтам, а также активного

противодействия со стороны традиционных конфессий. Однако, в сущности, они мало чем отличаются от больших религий, особенно на ранних этапах их существования. Именно по причине этой схожести (секты — своего рода пародии на мировые религии) они и вызывают по отношению к себе интенсивную агрессию традиционалистской части социального спектра.

3. Эстетические объединения.

Они провозглашают обычно свое появление на свет манифестом. Это может быть литературное направление — символисты, имажинисты, обэриуты, серапионовы братья, дадаисты; музыкальное объединение — русская «Могучая кучка», парижская «шестерка»; МХАТ в свой ранний период, театр В. Мейерхольда, театр на Таганке Ю. Любимова; кинематографические объединения вроде группы «Cahiers du cinema» на рубеже 1950–60-х, скандинавской «Догмы». Манифест, возвещающий появление нового направления, встраивает его в определенный социально-политический контекст. Обычно не просто провозглашаются новые эстетические принципы, но и указывается вызов, который размещается в крупном социальном пространстве. Здесь важно отметить, что идеобаллическая деятельность в этих случаях носит как бы подчиненный характер. Все же самое важное в деятельности этих объединений — художественные практики, производство арт-объектов. Идеология не является здесь самоценной, и, естественно, ей уделяется не столь существенное внимание, как в «чистых» идеобаллических сообществах (религиозных, философских, политических, социальных).

4. *Политические партии* (в зародыше — *революционные ячейки*).

Путь от узкого круга заговорщиков, расклейщиков листовок и бомбистов до крупной политической силы, берущей на себя ответственность за судьбу целой страны, — известный сюжет. При этом ясно, что любое квазиэдиповское стремление к бунту должно так или быть иначе легитимировано неким значимым кругом идей. В политической идеологии, как правило, весьма подчеркнута роль «экзистенциального врага».

5. Так называемые *неформальные молодежные объединения* — хиппи, панки, скинхэды.

«Возрастной» контекст этих объединений минимизирует удельный объем идеологически ориентированной деятельности. При этом достаточно серьезное внимание уделено акциям, призванным привлечь к ним скандальное внимание, равно как и эпатажирующей демонстративности во внешнем облике. «Философия» уступает здесь «спектаклю», хотя ясно, что бросающаяся в глаза внешняя атрибутика строго предписана исходными идейными принципами.

6. *Философские объединения*: платоновская академия, синопские книжки. Видимо, Львовско-варшавская школа, ну и, к примеру, Московский методологический кружок, созданный Г.П. Щедровицким.

7. *Филантропические организации* (вроде Армии спасения). Массонские ложи.

8. *Социалистические* (или какие угодно иные) *коммуны*.

Это организации вроде знаменитой «Новой гармонии» Роберта Оуэна, представителя так называемого «утопического социализма», ос-

нованной им в Америке. К созданию коммун, как известно, тяготеют и некоторые тоталитарные секты (например, получившая известность в постсоветское время секта Виссариона) и неформальные молодежные объединения вроде хиппи и пр. Коммуна как идеобаллическое сообщество отличается определенным своеобразием: ее члены замыкаются в собственном пространстве, пытаются реализовать свои теоретические принципы в изоляции от остального мира.

9. *Педагогические течения* (скажем, Вальдорфская школа).

Конечно, в этих случаях речь идет не просто об эффективной педагогической практике, но и об определенной антропологической концепции. Как и в других случаях идеобаллических сообществ, такого рода педагогические системы противопоставляют себя иным — якобы неэффективным, негуманным и пр.

10. *Психотерапевтические школы*.

Стремление психотерапии к выходу за пределы собственно терапевтического обихода было давно замечено самыми разными авторами. Обвинение психоанализу в том, что это «не терапия, а новая религия», давно стали общим местом.

Вот как пишет об этом Карл Ясперс: «...Психотерапевт... должен противостоять почти неизбежному стремлению (которое мы наблюдаем на практике) превращать психотерапию в мировоззренческое учение и формировать из круга, образованного им самим, его учениками и пациентами, сообщество наподобие религиозной секты» (Jaspers, 1973, S. 685). И далее он делится соображениями о том, как избавить психотерапию от «стремле-

ния» создавать секты, где все группируются вокруг особо почитаемого учителя, «создавать из психотерапии религию».

Приведенная цитата свидетельствует в пользу того, что «почти неизбежное стремление», о котором идет речь, очень интенсивно. Это, собственно, и есть идеобаллическая мотивация. Сочетание «мировоззренческого учения» и «секты с особо почитаемым учителем» во главе — два основных идеобаллических компонента: учение плюс сообщество.

Научная добросовестность, разумеется, требует здесь разобраться с «недобросовестностью» психотерапевтов, которые так и норовят обрести статус «властителей дум», пророков и реформаторов. Можно прямолинейно и чистосердечно возмущаться (как это делают К. Ясперс и многие другие) этими обстоятельствами, но разумнее, конечно, трезво и критически понять, почему именно так происходит. Причем сетовать на недобросовестность и избыточное честолюбие психотерапевтов явно недостаточно и, главное, бесполезно. Речь идет, конечно, о самой природе психотерапии, которая «нудит» столь интересный способ теоретического поведения.

Психотерапия и Большой проект

В самом деле, зачастую психотерапия мыслит себя как часть некоего крупного проекта по переустройству общества. Эта традиция, как и многое другое в психотерапии, заложена психоанализом. Она начинается с фрейдовских поздних метапсихологических текстов, таких, как «Массовая психология и анализ человечес-

кого Я», «Будущее одной иллюзии», «Неудовлетворенность культурой». Психотерапевты имеют претензию (не лишенную, конечно, определенных оснований) вмешиваться в круг проблем крупного социального пространства, находящегося как бы за пределами их непосредственных профессиональных интересов, в сфере, издавна отданной на откуп философам, социологам и пр. Культуркритический (и культурстроительский) пафос — слишком заметная позиция в структуре психотерапевтического знания, чтобы ее игнорировать.

Большой проект в психотерапии всегда сформирован в духе оппозиции клиента и окружающего мира. Для психотерапевта важно угледеть, что же именно в культуре является большим патогенным фактором.

Мир, в котором живет клиент, выступает поставщиком причин возникновения патологических феноменов. Окружающая индивидуума социальная среда всегда будет «дурной» в зеркале психотерапевтической теории.

Психотерапии, как мы писали уже раньше (Сосланд, 1999), имеют вполне определенную тенденцию в своем развитии. Мы обозначили ее как *доктринальное расширение*. Как уже упоминалось (и это утверждение давно стало общим местом) психоанализ превратился из специального лечебного метода в мировоззренческую систему. Речь здесь идет и о завоевании больших идеологических пространств, и о встраивании философского дискурса в психотерапевтический.

При таком расширении психотерапевт делает заявку на идеологическое

влияние в пространствах совершенно иных размеров. Психотерапевтическая идеология выходит за собственные профессиональные границы. «Неудовлетворенность культурой» сама по себе существенно увеличивает размеры идеологического пространства психотерапии.

Представители когнитивно-поведенческого подхода тоже весьма интенсивно выступают с культуркритических позиций, причем свою критику они легитимируют эмпирическими исследованиями.

Так, в работе, посвященной теме эмоциональных расстройств в современной культуре, мы читаем: «...В современной культуре существуют достаточно специфические психологические факторы, способствующие росту общего количества переживаемых отрицательных эмоций в виде тоски, страха, агрессии и одновременно затрудняющие их психологическую переработку» (Холмогорова, Гаранян, 1999, с. 67).

О том, какие это факторы, авторы высказываются далее вполне определенно: «...эмоциональные нарушения тесно связаны с культом успеха и достижений, культом силы и конкурентности, культом рациональности и сдержанности, характерными для нашей современной культуры» (там же, с. 71).

Все эти соображения так или иначе связаны с ориентацией на «большой проект», на перспективу преодоления психотерапией границ лечебных кабинетов и выходом на некий глобальный уровень. Однако этот выход требует и особой организации сообщества, о чем уже шла речь выше.

Многовато противоречий

Итак, психотерапия и как практика, и как фактор, формирующий профессиональное сообщество, «распята» между идеографической и номотетической парадигмой. Она осуждена осуществлять постоянный выбор между этими двумя парадигмами. Она вынуждена делать «реверансы» в разные стороны. Но это определяет и особую, неоднозначную привлекательность психотерапии.

Мы попытались проблематизировать ряд серьезных противоречий в психотерапии. Она должна быть эффективной и в общем-то является таковой, но исследования в этой области почти никак не отражаются на том, как она применяется. Она обладает специфической привлекательностью, но это обстоятельство никак не связано с ее действительностью. Она несет в себе интенсивные властные практики и в то же время ориентирована на обретение свободы. В этом поле наблюдается очевидный перебор различных методов и школ, но вряд ли удастся в ближайшем будущем их уменьшить или же представить вместо них некую «единую терапию», как это некоторым видится. Сообщество психотерапевтов одновременно имеет черты научного сообщества, но при этом и совсем иного вида объединений.

Таким образом, психотерапия является нам себя в весьма интересном и своеобразном виде. Этот вид полон двусмысленностей и ускользаний, она подобна героине известной сказки, явившейся не по воздуху, не по земле, не голой, не одетой, чтобы на-

поить других героев влагой, собранной не с неба, не с земли.

Интересно, что же нам все-таки делать со всем этим?

Литература

- Бек А. Техники когнитивной психотерапии // Московский психотерапевтический журнал. 1996. № 3 (13). С. 49–68.
- Васильюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М.: МГППУ; Смысл, 2003.
- Вагнер Э. Психотерапия как наука, отличная от медицины // Психотерапия — новая наука о человеке. Екатеринбург; М.: Академический проект, 1999. С. 249–280.
- Гуттерер Р. Критические перспективы психотерапевтических исследований и практики медицины // Психотерапия — новая наука о человеке. Екатеринбург; М.: Академический проект, 1999. С. 156–182.
- Калмыкова Е.С., Кэхеле Х. Психотерапия как объект научного исследования // Основные направления современной психотерапии. М.: Когито-Центр, 2000.
- Притц А. Интервью с Альфредом Притцем // Московский психотерапевтический журнал. 1997. № 2 (16). С. 160–166.
- Сосланд А.И. Харизматическая личность в психотерапии // Московский психотерапевтический журнал. 1997. № 3. С. 152–191.
- Сосланд А.И. Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или Как создать свою школу в психотерапии. М.: Логос, 1999.
- Сосланд А.И. Ключ к Хайдеггеру // Московский психотерапевтический журнал. 2003а. № 2 (37). С. 64–88.
- Сосланд А.И. Способы обеспечения привлекательности философского и психологического дискурса // Культурно-исторический подход и проблемы творчества. Материалы третьих чтений, посвященных памяти Л.С. Выготского. М.: РГГУ, 2003б. С. 309–317.
- Сосланд А.И. Глубокое и высокое // Экзистенциальная традиция. 2004а. № 1 (4). С. 128–143.
- Сосланд А.И. Об идеологической сущности психотерапевтического сообщества // Московский психотерапевтический журнал. 2004б. № 2 (40). С. 21–43.
- Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993.
- Холмогорова А.Б. Методологические проблемы современной психотерапии // Московский психотерапевтический журнал. 2001. № 1. С. 182–190.
- Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г. Эмоциональные расстройства и современная культура // Московский психотерапевтический журнал. 1999. № 2. С. 61–90.
- Хорни К. Невротическая личность нашего времени; Самоанализ. М.: Прогресс-Универс, 1993.
- Grawe K., Donati R., Bernauer F. Psychotherapie im Wandel — Von der Konfession zur Profession. Hogrefe, Goettingen, 1994.
- Grawe K. Grundriss einer Allgemeinen Psychotherapie // Psychotherapeut. 1995. 40. S. 129–145.
- Jaspers K. Allgemeine Psychopathologie. 9 Aufl. Springer. Berlin, 1973.
- Lacan J. Ecrits. Paris, 1966.

Выступления участников дискуссии

ПСИХОТЕРАПИЯ: ТИП СОЦИАЛЬНОСТИ И СЕТЕВОЙ МАРКЕТИНГ

А.Ф. БОНДАРЕНКО

Бондаренко Александр Федорович — заведующий кафедрой психологии Киевского национального лингвистического университета, научный руководитель межуниверситетской лаборатории консультативной психологии, член-корреспондент Академии педагогических наук Украины, доктор психологических наук. Главный редактор Киевского «Журнала практикующего психолога». Член редколлегии ряда периодических изданий, в том числе «Московского психотерапевтического журнала». Приглашенный профессор Лондонского института психиатрии (Великобритания, 1997) и Лейденского университета, лаборатория аутизма (Нидерланды, 1999). Автор нескольких книг и более сотни статей по проблемам общей, социальной и консультативной психологии.

Контакты: albond@ukrpack.net; www.bondarenko.ws

Резюме

В статье на основании краткого историко-событийного анализа становления современной психотерапии прослеживается ее связь с типом социальности, характеризуется специфика роли психотерапевта и места психотерапии в обществе массового потребления, в порядке дискуссии проблематизируется ряд положений и претензий, относящихся к состоянию и статусу современной психотерапии как таковой, и полемически заостряется акцент на том, что главное противоречие отечественной психотерапии заключается в неот-рефлексированности собственных социокультурных истоков и перспектив.

Пространная и глубокая статья А.И. Сосланда обстоятельно и откровенно вводит нас во внутрицеховую проблематику современной психотерапии. И в самом деле, престижность и востребованность, статусность и массовость, популярность и основательность — с одной стороны, озабо-

ченность судьбами общества и готовность служить отдельно взятой единственной и неповторимой личности — с другой, а еще профетичность и приземленность, многообразие методов и проблематичность эффективности, сходство и с научным сообществом, и с некими сообществами авгуров,

плюс проблема власти, плюс финансовые проблемы профессии,— это ли не действительное лицо или, точнее, личина психотерапии наших дней, так точно и недвусмысленно обрисованная автором полемической статьи?

Да и вопрос, которым заканчивается статья А.И. Сосланда, вовсе не риторический.

На мой взгляд, он самым непосредственным образом побуждает нас, представителей этой профессии, к метадисциплинарной рефлексии, к осмыслению формы и содержания, компетенции и сущности, возможностей и реальностей всамделишного потенциала психотерапии нынешнего времени, как бы широко или узко ни трактовалась сама эта деятельность и эта профессия.

Любой метаанализ в качестве собственного предмета полагает совокупность значений, обобщаемых таким образом, что их внутренняя структура конденсируется и синтезируется до степени, позволяющей упорядочить и упростить исходные многообразные сведения до некоторых основных постулатов. Непременная при этом операция редукции и создает новые концептуальные схемы известного, которые, в свою очередь, позволяют выработать ориентировки, требуемые для разрешения накопившихся противоречий.

В качестве исходного момента для нашего метаанализа воспользуемся принципом историзма (поскольку логика познания развертывается именно в истории) и напомним некоторые события и обстоятельства, относящиеся к становлению психотерапии в историческом плане.

1. Научная психотерапия возникла в XX столетии, хотя в донаучных формах, в частности, в виде религиозного воздействия и как проявление человеческой солидарности, простого утешения она существовала, по-видимому, столько же, сколько существует человек разумный, т. е. примерно 40 000 лет. В донаучные эпохи психотерапия с некоторых пор выделилась в обособленную функцию, закрепленную за фигурой колдуна, жреца, врача. Вероятнее всего, это произошло тогда, когда жрец совмещал руководство отправление и духовных, и лечебных потребностей.

2. Начиная с эпохи Просвещения, преодолевшей средневековое христианство и окончательно разделившей науку и религию и, следовательно, фигуры лекаря и священника, психотерапия вначале благодаря Ф. Пинелю, затем Ф. Мессмеру, а позднее Ж. Шарко и П. Жанэ стала осваивать собственно научные, т. е. верифицируемые, способы деятельности, отталкиваясь при этом, возможно, от психотерапевтических постулатов еще Парацельса, но ища умопостижимые причины душевных болезней и способы их лечения.

3. Преодоление витализма и утверждение принципа гомеостаза к концу XIX – началу XX в. вместе с открытиями микробиологии и бактериологии, описанием интегративной деятельности мозга Ч. Шеррингтоном, механизмов нервной деятельности И.П. Павловым и А.А. Ухтомским, возникновением германской психиатрической школы (Э. Крепелин, К. Вернике, К. Кальбаум) создало предпосылки для детерминистского объяснения психики и выдвижения

детерминистских теорий ее лечения на основании методов психодинамической парадигмы (З. Фрейд, К. Юнг, А. Адлер) и бихевиоризма (Дж. Уотсон, М. Джонс, В.М. Бехтерев), которые и стали первыми научными теориями психотерапии XX в.

4. Среди этих парадигм психоанализу, несомненно, принадлежало первенство как по популярности, так и по его влиянию на культуру своего времени. Само появление психоанализа не столько как метода, сколько как культурно-исторического явления во многом было обусловлено господством специфического социального лицемерия той эпохи, которое, по выражению К. Юнга, объясняется тем, «что в викторианскую эпоху культурные ценности использовались для подтасовки картины мира в соответствии с буржуазными представлениями» (Юнг, 1992, с. 57). Психоаналитическое же течение явилось выражением «неприятя новым веком своего предшественника, века девятнадцатого, с его склонностью к иллюзиям и лицемерию, с его полуправдами и фальшью... с его пошлой моралью и надуманной пошлой религиозностью...» (там же, с. 58). Как К. Маркс попытался вскрыть зависимость формирования общественных идеологий исходя из места той или иной общественной группы людей в системе производственных отношений, так З. Фрейд предпринял попытку объяснить содержание индивидуального сознания влиянием конкретных изначальных обстоятельств жизни данного индивида.

5. Первая, а затем и Вторая Мировые войны, по словам известного

польского психотерапевта А. Кемпински, не только довершили дело разрушения социального лицемерия (см.: Кемпински, 1992, с. 311), но и создали принципиально новую, небывалую ранее планетарную ситуацию — и геополитическую, и социально-экономическую, и культурно-историческую. Общим социальным знаменателем этой ситуации явились следующие обстоятельства. В то время как ведущие западноевропейские страны, Россия и Япония были к 1945 г. разгромлены и опустошены, количество погибших там исчислялось в пропорциях, соизмеримых с популяцией в целом, а уровень финансовых потерь описывался астрономическими цифрами, самое сильное государство на земном шаре, а именно США, не только практически не пострадало в этих войнах, а наоборот, впервые в истории человечества смогло аккумулировать невиданные интеллектуальные, финансовые и, как следствие этого, технологические ресурсы человечества. В итоге уже к началу 50-х годов XX в. в этой стране впервые в мире была решена жилищная проблема, так как практически все население было обеспечено предоставляемым в кредит быстро строящимся блочным жильем (пресловутые гипсокартонные дома) и едой (fast food, ставшей притчей во языцех, признаком американского way of life). Если к жилью и еде добавить автомобилизацию всей страны, невероятный рост предприятий сферы обслуживания (от гостиниц и театров до бесчисленных ресторанов и массажных салонов), а также массовое внедрение бытовой техники, становится понятным дальнейшее — возникно-

вание в США **общества массового потребления**¹.

6. Еще в ранних рукописях К. Маркса и Ф. Энгельса пророчески был предвосхищен этот тип социальности, описываемый следующим образом: «Личная независимость, основанная на вещной зависимости, — такова вторая крупная форма (общества. — А.Б.), при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций» (Маркс, Энгельс, 1968, с. 101). Безудержная и тотальная **зависимость** от вещей, существование вещей в качестве продукта **массового производства**, т. е. анонимных серийных изделий, **доступность** этих вещей **через приобретение**, т. е. покупку, наконец, бесконечный **круговорот вещей как символов, означающих** твое существование в мире (вещей же!), **превращение коммерческих отношений в личные** и наоборот — вот сущность общества массового потребления (см.: Бодриар, 1999).

7. Возникновение, как это ни прискорбно звучит, за счет разграбленных и обобранных стран такого суперизобилия, как и следовало ожидать, не только не отменило исконных человеческих проблем — проблем со здоровьем, в частности психическим, проблем в межлич-

ностных, семейных отношениях, просто внутриличностных проблем, а наоборот, выпятило их, поскольку бедность не оставляет человеку роскоши предаваться психологическим терзаниям, в то время как материальное изобилие создает собственно психологическое пространство личностного существования.

Более того, именно это общество, общество массового потребления, общество корпоративной и частной собственности немногих на весь окружающий мир (частная собственность на землю, на предприятия, на водоемы), создает чрезвычайно интенсивные и специфические переживания, хорошо описанные в литературе: страх срока платежей, страх внезапного увольнения и возможности лишиться всего, что потребляешь в кредит; страх быть самим собой, отказавшись подчиняться всеобщей логике потребления; широкое распространение неподлинного поведения, регрессия к инфантильному, аддиктивному, сугубо ролевому проживанию жизни либо к иным видам манипулятивного поведения и в итоге к суициду (см.: Бодриар, 1999; Мамардашвили и др., 1972; Фромм, 1990; Ясперс, 1991). Иными словами, всю гамму переживаний, индуцированных всеобщим, самодовлеющим, пронизывающим социальную ткань жизни **отчуждением человека от мира**².

¹Существеннейшим моментом при этом выступает то, что США превратили в своих должников вначале разгромленную Германию, затем всю Западную Европу, а позже практически весь оставшийся мир. Возможность вести жизнь ростовщика создала условия для невиданного перераспределения планетарных богатств и появления вначале идеи, а затем и данности, получивших название «золотого миллиарда».

²Путешествуя на автомобиле по Англии, я неоднократно ловил себя на неприятных переживаниях, связанных с невозможностью остановиться на обочине (обочины нет) и просто прогуг-

Но вернемся к психотерапии. В чем же заключался «наш ответ Чемберлену»? Поскольку после Второй Мировой войны цвет психотерапевтов сосредоточился в США, а сытая жизнь создала богатейшее пространство для деятельности, психотерапевты не заставили себя ждать. Их активность привела, **во-первых**, к небывалому росту числа таких специалистов³, **во-вторых**, к повсеместному распространению разнообразных подходов и направлений психотерапии: от весьма дорогостоящих (психоанализ) до откровенного коммерческого ширпотреба (типа тренинга сензитивности, транзактного анализа и т. п.).

В-третьих, широкое распространение получило так называемое антипсихиатрическое движение, в русле которого К. Роджерс, заменив термин «пациент» (страждущий) на термин «клиент» (заказчик), окончательно инсталлировал в массовое сознание психотерапию как **одну из услуг** наряду с другими, что наилучшим образом соответствует психологии и идеологии общества массового потребления. И в самом деле, приравнивание услуг психотерапии к услугам парикмахера или косметического хирурга убивало сразу двух зайцев — спасало самооценку и повышало покупательский спрос на психотерапию. Тем самым психотерапия в том виде, в котором она сложилась во второй половине XX в.,

стала формой обслуживания сытых и богатых и, насколько я понимаю, таковой и пребывает.

Но что же оставалось бедным? Одним из первых весьма обстоятельный ответ на этот вопрос в теоретическом аспекте дал известный бразильский психоаналитик Норберто Кеппе. Сын немца и бразильянки, получивший психоаналитическое образование в послевоенной Германии и попытавшийся практиковать психоанализ в Бразилии, он обнаружил, что у местных пациентов нет, собственно говоря, личностных проблем. Все их переживания суть не что иное как интериоризованные социальные конфликты, т. е. люди страдают не столько от собственной невротичности, сколько от межличностных конфликтов на почве нехватки денег, ревности, злоупотребления алкоголем, угрозы или реальной безработицы и т. п. (см.: Керре, 1992). Витимизированное социальной нищетой и бесправием население испытывает нужду не столько в психотерапии, сколько в регрессивном религиозном или псевдорелигиозном вспомоществовании или, по крайней мере, в психиатрии, так как психических болезней не отменял никто (см.: Танселла и др., 1998).

Этот беглый обзор внешней, событийной канвы становления и самоопределения психотерапии позволяет вплотную подойти к главному вопросу нашей полемики.

ляться, — дорогу отделяет проволока «частная собственность». В Лондоне в центре города можно видеть надписи: «Сквер — частная собственность. Не заходить». В США до 75% территории страны находится в частном владении.

³Насколько мне известно, в настоящее время в США насчитывается около 500 000 психологов и психотерапевтов, не считая психиатров.

Каково же реальное место психотерапевта и психотерапии в современном мире? С учетом вышеизложенных тезисов место это мне представляется таковым.

Психотерапия как особая сфера деятельности является несомненной привилегией богатых — как стран, так и людей. Бедным остаются различные виды эрзац-терапии: религиозные секты, хилерство, ведовство. И традиционная врачебная помощь со стороны психиатров и наркологов.

В буржуазном («общечеловеческом») социуме общественная функция психотерапевта как фигуры, эксперта в искусстве личной жизни, предстающей на экране ТВ или на страницах гламурных журналов, примерно такова, какова роль штатного астролога. Это функция олицетворения мифа. В нашем случае — мифа психотерапии, эксплуатирующего рецептивную ориентацию массового потребителя (классика по Э. Фромму). При этом психотерапевт олицетворяет собой фигуру толкователя психологических тайн, его заявленная миссия — интерпретация реальных жизненных событий и отношений посредством некоего условного псевдонаучного волапока, заимствованного, как правило, из психоаналитического лексикона. Подлинная же цель — поддержание конвенциональности приличествующей «хорошему стилю» социальной нормы и обеспечение легкой псевдоинтеллектуальной жвачки, без которой «средний класс» обходиться не может, что подтверждается изданием массовыми тиражами текстов, именуемых коротко и ясно — «чтиво». Более того, власть предрержащие заинтересованы, как никто другой, в повы-

шении престижа психотерапевтов — этих новоявленных глашатаев истины в вопросах человеческих отношений — не в последнюю очередь по причине отвлечения внимания публики от социальных проблем и античности устройства общественной жизни.

Поскольку на фоне пошатнувшейся под ударами научного знания традиционной религии сама религиозная потребность, точнее, потребность в утешении у людей никуда не делась, новоявленный душепопечитель, именуемый «психотерапевтом», принял в мегаполисах на себя обширные обязанности, доставшиеся ему по наследству от общинных священников, местных парторгов и деревенских знахарей. Кстати сказать, в тех сообществах, где исконные религии или идеологии весьма сильны, традиционное место душеприказчика вакантным не стало. Немыслимо представить, чтобы правоверный иудей обратился не к раввину, а к психотерапевту, как, впрочем, и воцерковленный православный христианин. Разве что по получении соответствующего благословения. Не только в мусульманской культуре, но и в буддийской Индии, так же как и в коммунистическом Китае, никаких психотерапевтов нет и в ближайшее время не предвидится, поскольку не похоже, чтобы место психотерапевту уступили мулла, гуру или пресловутый парторг. Так что, собственно говоря, психотерапия в том расширительном смысле, который она приобрела во второй половине XX в., является правопреемницей прежде всего протестантского христианства и порожденного им общества с предельно выраженным

эгоцентризмом, индивидуализмом и коммерциализацией.

Отсюда совершенно понятно постоянно ощущаемое вождение психотерапевтов заполучить именно «клиентуру», равно как и обосновать собственную нужность аргументом «от науки», стремясь отыскать этот аргумент в исследованиях, доказывающих эффективность самой психотерапии. При этом происходит очень ловкая подмена понятий. Стремление доказать собственную необходимость, полезность подменяется аргументом «эффективности» в точном соответствии с умонастроением буржуа, который, как точно подметил еще Р. Барт, стремится к «квантификации» качества, апеллируя к «арифметически исчислимым условиям», которые призваны подкрепить реальность мира (см.: Барт, 2000, с. 281).

И еще. Психотерапия — не просто миф, это, к сожалению, прежде всего бизнес. Бизнес весьма разветвленный. Стоит лишь бросить взгляд на его направления, заявленные на любой из конференций по психотерапии, где, по существу, разворачивается традиционная ярмарка услуг и брэндов. Здесь будут представлены и психодрама, и мифодрама, и расстановки по Хэллингеру, и игротехника, и коучинг, и танатотерапия, и контактная импровизация, и даосские практики, не говоря уже о пресловутом НЛП, танцедвигательной терапии и дюжине традиционных направлений. Само собой разумеется, что высшим пилотажем в этом бизнесе

является создание сетей обучающих семинаров в точном соответствии с принципами и законами любого сетевого маркетинга. В этом бизнесе и сами психотерапевты легко делятся на два основных класса. Одни из них зарабатывают на жизнь тем, что обучают недоучившихся коллег разнообразной психотерапевтической экзотике из числа вышеперечисленных техник, даже не задаваясь вопросом о том, пригодна ли она для работы с обычными пациентами, а не психологами-экстремалами. Другие зарабатывают, оказывая услуги «клиентам», т. е. переключая внимание, наводя транс, формируя соответствующие образования, позволяющие если не избавиться от энуреза, то, по крайней мере, им гордиться, или же вырабатывая у клиента «качества настоящего целеустремленного бизнесмена» и прочие социальные рефлексии общества «общечеловеческих ценностей», т. е. общества индивидуалистов-потребителей, где дух поздней протестантской коммерциализации совершенно вытеснил остатки дореформационной этики, не говоря уже об обычной человеческой совести⁴. И в самом деле, нужна ли совесть в обществе, где повсюду установлены видеомониторы, а суд готов в течение нескольких минут разобраться с любой бытовой проблемой, даже с иском о посягательстве на некогда слабый пол посредством нескромного взгляда?

Те же психотерапевты, которые не оказывают «услуги клиентам», а действительно **лечат пациентов**, честно

⁴Не потому ли так велики цифры суицида, скажем, в протестантских странах Западной Европы, не говоря уже о распространенности наркомании и алкоголизма?

отрефлексирав пределы своей деятельности в нечетко очерченной области так называемой «малой психиатрии», меньше всего задаются вопросом эффективности самой по себе психотерапии, поскольку отчетливо видят зависимость исхода лечения от постановки диагноза, специфики клинического процесса, правильности назначения фармакологических средств, деонтологически верной позиции врача и психотерапевта, а также банального везения, без чего не обходится ни один процесс выздоровления. Психотерапевтические методы при этом играют роль скорее аккомпанемента, но никак не солируют. Психиатры в этом отношении значительно скромнее. В лучшем случае они предпочитают исследовать эффективность того или иного фармакологического препарата для редуцирования какого-либо симптома, чем рассуждать об эффективности психиатрии вообще.

Каковы же выводы?

Общий мой вывод не совпадает с общим выводом А.И. Сосланда о том, что главное противоречие психотерапии заключается в расхождении между номотетическим и идеографическим подходом. На мой взгляд, основное противоречие современной психотерапии лежит в иной плоскости. Это прежде всего противоречие между коммерческой и некоммерческой психотерапией, т. е. между той, которая занимается «оказанием услуг клиентам», наподобие косметологической хирургии, и той, которая занимается лечением пациентов. Это также противоречие между социокультурными матрицами этики существования психотерапии в совре-

менном коммерциализированном христианском и постхристианском мире и некоммерциализируемой традиционной русской культурой. Противоречие, обусловленное и обостряемое тем фактом, что в своих исторических истоках русская византийская духовная культура есть культура благодати, а не культура закона (см.: Бондаренко, 2001, с. 156–157; Бондаренко, 2005, с. 47–48; Фанталова, 2003). Констатация последнего обстоятельства тем существеннее, что научная или наукоемкая психотерапия и не существует в качестве отдельной практики в нехристианских культурах, где личностное «я» не выделяется в качестве самостоятельной психологически значимой инстанции.

Так что основная проблема отечественной психотерапии состоит в том, чтобы не разрушать искусственным насаждением инокультурных стереотипов, ценностей и мифов естественно-историческую ткань родной культуры, а наоборот, принимая осознанные и в высшей степени деликатные шаги по укреплению достоинства, самосознания и самостояния русского человека, оставшегося без современного душевного и духовного попечительства на вселенских сквозняках глобализации, способствовать обретению им того душевного спокойствия и духовного величия, которое вернуло бы всем нам способность к диалогу с человечеством на равных, к созиданию и отстаиванию не чуждого нам мира русской жизни.

Именно в этом видится мне ответ на вопрос: «Что же нам все-таки делать со всем этим?», поставленный А.И. Сосландом.

Литература

- Барт Р.* Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000.
- Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Рудомино, 1999.
- Бондаренко А.Ф.* Психологическая помощь: теория и практика. М.: Независимая фирма «Класс», 2001.
- Бондаренко А.Ф.* Понятийный тезаурус этического персонализма как русской традиции в психотерапии // Журнал практикующего психолога. 2005. Вып. 11. С. 39–48.
- Кемпински А.* Экзистенциальная психиатрия. М.: Совершенство, 1998.
- Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С.* Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире. Философия и наука. М.: Наука, 1972.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 1968. Т. 46. Ч. 1.
- Танселла М., Джироламо де Дж., Сарториус Н.* Аннотированная библиография психиатрической эпидемиологии. Киев: Сфера, 1998.
- Фанталова Е.Б.* «Русский катарсис» как феномен культуры и психотерапевтический прием // Журнал практикующего психолога. 2003. Вып. 9. С. 9–14.
- Фромм Э.* Человек для самого себя // Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993.
- Юнг К.* Феномен духа в искусстве и науке // Юнг К.Г. Собр. соч. В 19 т. Т. 15. М.: Ренессанс, 1992.
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.
- Керпе N.R.* La socio-pathologie. Une etude de la Pathologie Sociale. Edition Proton. Paris, 1992.

НАПРЯЖЕНИЕ В СЕТИ НОРМАЛЬНОЕ (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПСИХОТЕРАПИИ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПРАКТИКИ)

Е.Л. МИХАЙЛОВА

Михайлова Екатерина Львовна — ведущий специалист Института групповой и семейной психотерапии, профессор Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук.

Автор книг «Я у себя одна, или Веретено Василисы», «Пустяки Психологии», соавтор книг «Человек-оркестр. Микроструктура общения», «О том, что в зеркалах», «Играть по-русски», «Тренинг Тренеров» и других книг из серии «Библиотека приключений Тренинга и Консалтинга».

Член редакционного совета «Московского психотерапевтического журнала». Научный редактор издательства «КЛАСС». Специализация — групповая психотерапия, психодрама и социометрия.

Контакты: katsa@bk.ru

Резюме

В статье рассматривается противоречие, определяющее статус современной психотерапии как социокультурной практики особого рода. Внимание читателя-профессионала привлекается к воздействующим на психотерапию факторам, связанным с динамикой культурных контекстов. В частности, в иной, нежели в статье А.И. Сосланда, плоскости обсуждаются противоречия между дефицитом легитимности и тенденцией к официализации психотерапевтических практик.

От статьи или книги, призванной начать дискуссию, ожидаешь остроты постановки проблемы и скорее поднятых и наконец внятно сформулированных вопросов, чем ответов: простые и несомненные истины не предполагают обсуждения. В этом смысле многоплановая и сложная работа А.И. Сосланда выполняет свою миссию «проблематизировать ряд серьезных противоречий в пси-

хотерапии» — деле, которому мы с автором посвятили годы жизни, которое любим и уважаем и в будущем которого лично заинтересованы.

Разумеется, многое в статье А.И. Сосланда представляется мне *дискуссионным и проблематичным*, но ведь так и задумывалось. Хотелось бы сфокусировать внимание как раз не на частных расхождениях в дефинициях или оценках, а на тех аспектах

статуса психотерапии в современном мире, которые в статье не затронуты.

Первое, о чем важно напомнить: психотерапия является не только «клинической и научной дисциплиной, доказавшей свою эффективность», но и *социокультурной практикой* особого рода (Ромек, 2002). И именно в этом качестве она рождается не тогда, когда опубликовано описание метода, пусть даже и на большом количестве «случаев», а тогда, когда становится реальностью систематическая встреча *практикующих* — психотерапевтов и их клиентов, которые в ходе своего драматичного и всегда не до конца предсказуемого взаимодействия придают психотерапии и смысл, и статус. Встреча же эта происходит не в идеальном пространстве идей и конструктов, а на вполне земной территории, на фоне более чем конкретных «пейзажей и интерьеров». Это место не пусто, не нейтрально — оно населено многочисленными образами иных ролей и взаимодействий. Что бы мы ни думали о специфических чертах психотерапии, мы не можем не помнить словарных изысков недавнего времени, когда психологу вменялось именовать ту же самую практику только психокоррекционной, а «сейчас уже очевидно, что базовое психотерапевтическое образование является не медицинским, а психологическим» (Василюк, 2004). За наступлением этой очевидности, конечно же, стоят не только дискуссии профессионалов, но и протекавший в последнее десятилетие социокультурный процесс, в ходе которого многие явления изменили свои границы, появились новые и уж вовсе никому толком не понятные профес-

сии, рухнули или, по меньшей мере, осели казавшиеся незыблемыми авторитеты и социальные институты и, пусть даже на короткое время, стал происходить естественный, не выполняющий ничьих приказов процесс формирования психотерапевтического профессионального сообщества, ориентированного на мировую психотерапию. Что касается «медицинской модели» психотерапии, то хотя она строго поглядывает (и даже грозит пальцем) в сторону «гуманитарной модели», подозревая ее в несерьезности, отсутствии клинического опыта и — вот оно! — неподконтрольности, но статус врача-психотерапевта в мире собственно медицинских ценностей и приоритетов довольно устойчив: чего стоит не однажды всеми слышанное скептическое врачевное: это настоящее лечение, или так, психотерапия?

Хотелось бы согласиться с тезисом, что профессия психотерапевта «внушает зависть и восхищение», но обучение и супервизия молодых профессионалов свидетельствуют о другом: хорошо работают те из них, кто в состоянии годами обходиться без отчетливых ответов на вопрос о своей нужности этому миру с его социальными институтами и смежными профессиями и кому хватает смирения получать подтверждение этой самой нужности от самой работы с клиентами. В нашей социокультурной ситуации, на которую часто сетуют молодые коллеги, у потенциального клиента действительно нет отчетливого образа профессионала, а ролевые ожидания зачастую строятся из странной смеси образов западного кино и литературы и до боли знакомых стереотипов врача и учителя.

Парадокс (еще одно противоречие) практика состоит в том, что он — или, если следовать правде жизни, обычно она — одновременно и *не хочет* походить на эти «картинки с выставки», и втайне страстно желает быть понятным (понятным), узнаваемым, иметь внятную профессиональную идентичность. Однако, достигая желаемого, вписываясь и соответствуя, переставая быть «незнамо кем», психотерапевт обретает покой, но и утрачивает нечто крайне важное. Прежде чем стать классиками, наши великие от самого доктора Фрейда до Милтона Эриксона и Карла Витакера, не говоря уже о Фрице Перлзе и Морено, были (каждый в своем культурном контексте, каждый на фоне декораций своего времени) отнюдь не понятными и благонадежными исполнителями «социального заказа», а уж скорее сомнительными фигурами, десятилетиями удостоивавшимися обвинений в ненаучности (попросту шарлатанстве), весьма нелестных отзывов, а то и диагнозов. И даже благообразнейший Карл Роджерс, никоим образом не провокативный и не склонный к эпатажу, работал под градом иронических замечаний, связывавших его знание агрономии и идею недирективности: мол, что хорошо для овощей, то для психотерапии немислимо, нелепо, да и что это за позиция — знай, сидит себе, кивает.

Наши «культурные герои» были в гораздо большей степени трикстерами, нарушителями границ, даже, если угодно, юродивыми и при этом становились легендой, основателями «школ и подходов», потому что улавливали некое состояние не до конца

сформированного, не обросшего стереотипами вопрошания мира, в котором жили, и культуры. Мне кажется, дело не в том, что психотерапия находится «в сети противоречий» — она, конечно же, в ней находится — дело скорее в том, что это ее нормальное *правильное* место, состояние, и жива она только до тех пор, пока эти противоречия не сняты. Подобным же образом жива только та культура, которая мучительно каждый день и тысячею способов разрешает и не может разрешить противоречия между сохранением и развитием, умирающей формой и желающим жить содержанием, функцией сохранения и передачи и вечным призывом что-нибудь побросать «с корабля современности». Там, где становится благостно и тихо, где торжествует какая-нибудь одна *правильная культура*, как известно, пишут много парадных портретов, — а читают самиздат.

В связи с этим хочется вернуться к не раз высказываемой и А.И. Со-сландом мысли о дефиците легитимности. Мне уже случалось высказываться по данному вопросу (Михайлова, 2001), и с тех пор мало что переменилось. Боюсь, что «творческое использование опыта немецких товарищей» и любая другая ускоренная институционализация стали бы для отечественной психотерапевтической практики самым печальным из всего, что может с нею случиться. Как минимум, это повело бы к расслоению отечественной психотерапии, выделению мертвого «мейн-стрима» и живого, но маргинального по сути «андерграунда». И как бы ни хотелось нам определиться, прояснить свой сомнительный статус,

оформиться в понятные, артикулированные для внешнего мира явления, успех этого грандиозного проекта означал бы всего лишь присвоение наших хрестоматийных текстов, практического инструментария, терминологии доминирующим дискурсом — со всеми вытекающими отсюда последствиями. В удивительной, парадоксальной работе Пьера Бурдьё «Практический смысл» он пишет о процессе официализации всякой практики, с неизбежностью отсекающим, предающим забвению — здесь Бурдьё даже говорит о вытеснении — самые основы этой практики, то, ради чего и как она рождена в культуре. Возможно, как раз официализация является главным искушением психотерапии последней четверти XX в. Это отчасти проливает свет на беспокоящий многих вопрос: куда девались «звезды», почему так мало новых идей? На представительных международных конгрессах и конференциях, где мне случалось изредка бывать, в глаза бросается резкое различие между «стариками» и следующим профессиональным поколением: насколько живыми, отнюдь не «обронзовевшими» выглядят первые, настолько чинными и вкусившими всю прелесть достигнутой легитимности — вторые.

Конечно, трудно отказаться от утопических фантазий о том, как поголовно трудоустроены наши ученики и у каждого по отдельному кабинету, а на двери табличка... Но если представить себе тот коридор, в который выходят из этих кабинетов, то образ его вызывает поток свободных ассоциаций, ведущих к пугающе знакомому ощущению «дежа вю». Как сказал кто-то из мудрых, «тот, кто

предпочел безопасность свободе, не получит ни того, ни другого». Психотерапия черпает идеи и способы саморефлексии в профессиональной цеховой культуре, но живет и действует в пространстве, пронизанном влиянием множественных контекстов, иными словами, она не может быть принципиально, *совсем* иной, чем та культура, «почва», которая дает ей возможность быть практикой. Не может, но всегда пытается, всегда ищет и нащупывает те области смутного запроса, на который у культуры пока нет готовых ответов. Когда они появляются, тиражируются и становятся тривиальными, это уже другая история. Например, история о судьбе когда-то потрясавших, ярких психотерапевтических идей, со временем отошедших в лубочное царство массовой психологической культуры («окончилась жизнь, началась распродажа»), или история о неизбежной смене габитуса профессионала: туда, где все ясно, приходят учиться и работать те, кому важно, чтобы все было ясно, а если над ними еще и простерта длань обязательного, не ими выбранного супервизора и ему тоже все ясно... и если все «методики, техники и приемы» описаны в методических рекомендациях, то, пожалуй, по сравнению с этим царством гармонии кабинет психотерапевта в районном ПНД советских времен еще покажется оазисом в пустыне. (Кстати, в 1970–80-е годы именно в таких кабинетах порой практиковали уникальные профессионалы; вот кому было бы о чем поговорить с Эриксоном и Перлзом...) Пожалуй, я согласилась бы с А.И. Сосландом в том, что «зачастую психотерапия мыслит себя как часть некоего крупного проекта

по переустройству общества». Но на сегодняшний день и в наших обстоятельствах — что бы она там себе ни мыслила — скорее общество переустроит психотерапию... И точно так же, как полюбившие какой-нибудь тренинг личностного роста руководители компаний скопом отправляют своих сотрудников принудительно расти, ставшая «принятой в лучших домах» психотерапия приобретает на глазах изумленной публики такие черты, что уже ни у кого язык не повернется назвать ее «освобождающей практикой». (Тому уже есть примеры, пока носящие характер анекдотический; участникам, впрочем, было не до смеха.) А.И. Сосланд в конце своей интереснейшей статьи уподобляет психотерапию героине известной сказки, явившейся «ни по воздуху, ни по земле, ни голой, ни одетой...». В одной из версий этой сказки героиня решила последнее противоречие с помощью рыболовной сети. «Сети противоречий» — не только проблема, но и ресурс, при-

том А.И. Сосландом уже почти названный. Искушение «порешать вопросы» и прекратить все эти двусмысленности и ускользания, конечно же, есть: нашему посттоталитарному сознанию вообще мила простота и счет до двух: наши — не наши, правильные и неправильные. Но, как бы нам порой ни хотелось разрешения тех противоречий, о которых пишет А.И. Сосланд (а само их осознание сообществом с возможностью последующего обсуждения является его бесспорной заслугой), удел живой психотерапии, по моему глубокому убеждению, состоит в ином — жить и действовать, принимая свою «неправильную», никогда до конца не оформленную, ускользающую из мира нормативных актов и стандартизированных методик сущность. И если, к несчастью, слово «психотерапия» станет слишком уж понятным и наступит долгожданный покой и полная ясность, что ж, это будет всего лишь означать смерть слова, но не явления.

Литература

Ромек Е.А. Психотерапия: теоретическое основание и социальное становление. Ростов-н/Д, 2002.

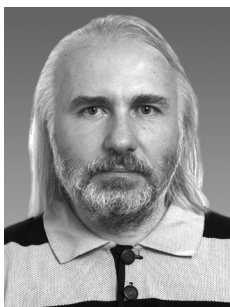
Васильюк Ф.Е. Риск соприсутствия // Школьный психолог. 2004. № 22 (310). 8–15 июня.

Бурдые П. Практический смысл. М.: Алетейя; Институт экспериментальной социологии, 1992.

Михайлова Е.Л. Думать о законе пора, принимать рано // Московский психотерапевтический журнал. 2001. № 1. С. 176–179.

ПСИХОТЕРАПИЯ В ПРОЦЕССЕ РОЖДЕНИЯ¹

А.Б. ОРЛОВ

Орлов Александр Борисович — профессор факультета психологии ГУ ВШЭ, директор Института практической психологии ГУ ВШЭ, директор Центра психологического консультирования «Триалог», доктор психологических наук. Автор более 140 научных публикаций. Область исследований: психология личности, психологическое консультирование и психотерапия. Область практической деятельности: психологическое консультирование, человекоцентрированная психотерапия, онтотерапия. Имеет сертификаты онтопсихолога (Associazione Internazionale Ontopsicologia, Roma, Italia, 1994) и психотерапевта (Person-Centered Expressive Institute, Santa Rosa, USA, 1995). Контакты: aorlov@hse.ru

Резюме

Противоречия, составляющие реальность современного психотерапевтического поля, рассматриваются автором как естественные проявления процесса становления (рождения) данной отрасли практической психологии. Анализ основных противоречий, существующих в этой области, приводит автора к выводу о том, что «школьному» этапу развития психотерапии приходит на смену этап, на котором происходит вычленение и осознание психотерапевтическим сообществом совокупности «траншкольных», универсальных принципов психотерапевтической практики, составляющих основу возникающей общей или единой психотерапии.

Постановка проблемы

Все противоречия психотерапии, описанные в статье А.И. Сосланда (Сосланд, 2006) (как, впрочем, и про-

тиворечия, не описанные в ней), являются, на наш взгляд, следствием особого статуса данной отрасли практической психологии. Сам этот статус можно описать двумя положениями,

¹Осознавая связь, существующую между символикой процесса рождения и милитаристской риторикой (см., например: Демоз, 2000, с.135), более того, даже соглашаясь с действительным наличием и психологической оправданностью подобной связи, автор намеренно сохраняет, муссирует в статье этот сквозной метафорический лейтмотив. Причина этого обстоятельства выявляется в двух очень разных и одновременно очень сходных высказываниях: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч...» (Матф, 10, 34, Евангелие, с. 57) и «Истина не возникнет из взаимных уступок различных научных школ» (Rogers, 1951, р. 8).

находящимися с точки зрения здравого смысла в вопиющем формально-логическом противоречии: *психотерапия существует на протяжении более сотни лет и психотерапия еще не существует.*

Невозможное в «узком обиходе здравого смысла» вполне мыслимо в рамках истории психологии и науковедения. Научные дисциплины, целые научные области — это такие целостности, такие организмы, становление которых занимает, как правило, довольно продолжительные отрезки времени. Аналогия с процессом рождения в живом мире здесь абсолютно уместна: человек как плод может достичь восьмимесячного возраста, но человека как отдельного, самостоятельного и полноценного организма при этом еще нет. И подобно тому, как, например, процесс рождения человека подразделяется на три фазы (зачатие, вынашивание, роды), становление научной дисциплины также предполагает качественно неоднородные этапы, которые с некоторой долей условности можно назвать концепцией, инкубацией и воплощением. Важно понимать, что психотерапия как научная дисциплина не возникает в одночасье и не падает на нас с неба, но довольно медленно и довольно мучительно вызревает, чтобы в свое время воплотиться в виде полноценной научной отрасли.

«Интересный и своеобразный вид психотерапии», полный «двусмысленностей и ускользаний», ставший предметом рассмотрения в статье А.И. Сосланда, — следствие трактовки «эмбриона» в качестве «автономного организма». И действительно, что это за «человек» такой, — «явив-

шийся ни по воздуху, ни по земле, ни голый, ни одетый». В том-то и дело, что к психотерапии пока не подходят никакие мерки, которые вполне уместны, когда речь заходит о сформированных научных дисциплинах. Поэтому задача понимания психотерапии, психотерапевтического метода, психотерапевтического знания — это задача, решаемая не методами структурного анализа, но методами фасилитации, «родовспоможения». Акт рождения, воплощения должен предшествовать акту познания и понимания. И пусть нас не смущают и не гипнотизируют юбилейные даты психотерапевтических ассоциаций и порядковые номера психотерапевтических конгрессов. Все это лишь отметки «сроков беременности», не более того.

Продолжая нашу метафору рождения, надо сказать, что психотерапия является весьма нетипичным эмбрионом, поскольку она вынашивается сразу в двух родительских «научных организмах», в двух разных «матках». С одной стороны, это лоно медицины, а с другой — психологии. Точнее говоря, эти разные лоно беременны двумя разными «психотерапевтическими эмбрионами» (вот вам еще одно основание для существующей путаницы и всевозможных противоречий).

Если совместить теперь наше понимание существующего на сей день положения вещей с финальным вопросом А.И. Сосланда: «Интересно, что же нам все-таки делать со всем этим?» (Сосланд, 2006, с. 67), то ответ на него решающим образом будет зависеть от того, какую позицию в этой ситуации занимаем мы сами. И опять метафора. Можно оказаться

в позиции начитанной и мечтательной барышни — подружки будущей матери. Можно охать и ахать, всплескивать руками, фантазировать о несуществующем, отвлекать и развлекать роженицу несущественным, беспокоиться о цвете ее лица, увлеченно обсуждать имена и прозвища для новорожденного. Но можно занять другую позицию — позицию деловой и многоопытной акушерки. Можно следить за ходом процесса родов, за малопонятными непосвященным проявлениями движущейся изнутри вовне новой жизни. Можно готовить роженицу к встрече с рождающимся ребенком, помогая ей концентрировать свое внимание и свои усилия на том, что способствует процессу родов.

Повторюсь: пока психотерапии нет, пока психотерапия — это фигура умолчания. Пока она не психологическая и не медицинская специальность, она — не специальность вообще. Она — не отрасль медицины и не ее придаток. Она — не отрасль психологии и не ее придаток. Не относится она также ни к эзотерической, ни к парапсихологической сферам. Она пока лишь мнится, проецируется куда угодно. Она пока лишь образ будущего, портрет несуществующего лица, который можно повесить на любую стену.

И в этом смысле ни один из реальных специалистов в данной области в строгом смысле не является психотерапевтом, конечно, оставаясь при этом фрейдистом, адлерианцем, юнгианцем, бернианцем, хорнианцем, мореновцем, роджериянцем, перлзцем, минделцем, менегеттианцем, лэнглеанцем и т. п. или же (что бывает гораздо чаще) причудливой их

смесью. Действительно, какое огромное поле для просветительской работы! Но для нас важно констатировать другое: нет психотерапии, нет и психотерапевтов.

Понятно, что наша постановка вопроса привносит совсем другие смыслы в обсуждение «проблем», связанных с эффективностью и легитимностью психотерапии и с состоянием психотерапевтического сообщества. Попробуем, в свою очередь, обсудить некоторые из них.

«Профессия»

«Психотерапия — профессия»? Нет такой профессии. А те «внушающие зависть и восхищение тысячи специалистов», «трудящихся на ниве психологической помощи людям во всех мало-мальски цивилизованных странах», не более психотерапевты, чем знахари, колдуны и шаманы Аляски, Новой Каледонии, Огненной земли и Восточной Сибири. Все существующие в настоящее время «психотерапевтические школы» со всеми своими образовательными учреждениями, печатными изданиями, ассоциациями и союзами, университетскими и медицинскими кафедрами и центрами — предыстория психотерапии как действительной, но еще не существующей научной области. Поэтому все те специалисты (врачи, психологи, педагоги и проч.), стремящиеся получить «психотерапевтическое образование», — это вовсе не кандидаты на приобретение профессии «психотерапевт», а лишь человеческий материал, поддерживающий существование «психотерапевтических школ», тогда как сами эти школы — не более чем

внешние проявления, обнаружения того еще не существующего, еще скрытого, еще не явленного «организма», имя которому — психотерапия (уже без кавычек). То, что существует в общественном сознании, что «у всех на устах», — не психотерапия, как не психотерапевты и те, кто мелькают на глянцевого страниц и многоцветных экранах. У них пока другое имя, и имя это — легион (Макаров, 2001).

«Охраняется законом»

В «психотерапевтически самой продвинутой» Австрии предметом официального государственного признания является не психотерапия как таковая и не психотерапевтический метод как таковой, а 18 (!) из более чем 500 (!) весьма разношерстных и не согласованных друг с другом методов и направлений. А.И. Сосланд приводит этот перечень: аутогенная тренировка, аналитическая психология, гештальт-теоретическая психотерапия, гипноз, групповой психоанализ, динамическая групповая терапия, индивидуальная психология, интегративная гештальт-терапия, кататимно-имагинативная психотерапия (символдрама), клиент-центрированная психотерапия, личностно-центрированная психотерапия, поведенческая терапия, психоанализ, психодрама, системная семейная терапия, транзактный анализ, экзистенциальный анализ, экзистенциальный анализ и логотерапия.

«Закон о психотерапии»? Нет, это закон о «пред- или протопсихотерапии». Примечательно также, что в Германии мы видим уже другой список. Что ни страна, то свой список, а во

многих странах (включая Россию) и списков-то никаких нет, вот только «психотерапевты» всех мастей есть, да еще как есть (Варга и др., 2000; Макаров, 2001).

«Недостаточная легитимность»? Мягко сказано. Легитимность в данной области напоминает поведение законодателя в Калифорнии и Аляске времен «золотой лихорадки»: столкновение интересов, групп, лоббирование, сговор, прецедентное право — все годится, лишь бы прекратить войну всех против всех и установить хотя бы видимость порядка.

«Эффективное средство»

«Эффективность психотерапии в целом давно доказана» (Сосланд, 2006, с. 49). Опять неточность. Во-первых, если и доказано что-то, то только довольно одиозное положение: «Психотерапия — лучше, чем ничего». При этом стоит добавить: на самом деле «ничего» не существует *a priori*, всегда существует «что-то», например, время. Во-вторых, как отмечает сам А.И. Сосланд, практика в данной области свидетельствует о постоянной подмене эффективности того или иного метода либо убеждением автора в эффективности своего метода, либо всегда ограниченным и достаточно субъективным собственным опытом. В-третьих, очевидна чрезвычайная ограниченность самой «доказательной базы»: область изученного даже с учетом многолетних исследовательских проектов — лишь незначительная часть общей «психотерапевтической территории». В-четвертых, крайняя неоднородность, несопоставимость и чрезвычайная

многочисленность (продолжающая расти!) самих «психотерапий» делает фронтальное исследование в данной области бесперспективным, «вечным проектом». Так обстоит дело с эффективностью психотерапии в целом.

Парадокс эквивалентности

Если же посмотреть на сравнительную эффективность различных «психотерапевтических методов», то и здесь ситуация окажется скорее загадочной, нежели ясной и прозрачной. Так происходит в силу так называемого «парадокса эквивалентности», в соответствии с которым эффективность различных психотерапевтических форм приблизительно равна и составляет в среднем порядка 65% случаев улучшения состояния пациентов/клиентов. Иначе говоря, при всем разнообразии «психотерапевтических теорий» и «психотерапевтических техник» эффективность психотерапевтического лечения оказывается не только достаточно невысокой, но (что самое удивительное) еще и равнозначной. Приходится согласиться, что данное обстоятельство добавляет изрядное количество «тумана» в и без того весьма неясную проблему эффективности психотерапии. Приходится согласиться с уважаемыми авторами: «До тех пор, пока этот парадокс не будет разрешен, понимание механизмов лечения останется весьма ограниченным» (Калмыкова, Кэхеле, 2001, с. 16).

Несмотря на проведенные за последние полвека многолетние эмпирические (и прямые, и мета-) исследования в данной области, самый са-

краментальный вопрос: какой именно психотерапевтический метод является самым эффективным? — остается пока без ответа; «парадокс эквивалентности» остается непреодоленным: по данным всех современных исследований, действенность и эффективность многочисленных психотерапевтических форм приблизительно одинакова (Хайгл-Эверс и др., 2001).

Академическая, научная психология всегда скептически и свысока относилась к прикладным разделам психологической науки. Произнесите слово «психотерапия» в любом собственном психологическом сообществе, и вы наверняка увидите пренебрежительные или в лучшем случае иронические гримасы. Психотерапия — недоносек, психотерапии как науки просто не существует. Неудивительно, что именно психологом еще в середине прошлого века было показано, что фиксируемый парадоксом эквивалентности обобщенный уровень эффективности психотерапии фактически совпадает с величиной спонтанной ремиссии пациентов/клиентов, составляющей 67% случаев (Eysenk, 1952).

Каким же образом можно объяснить сам «парадокс эквивалентности» — малую степень различий в эффективности столь отличающихся между собой психотерапевтических форм? В литературе можно обнаружить три возможных гипотетических объяснения :

1. Различные психотерапии обеспечивают сходную эффективность посредством различных психотерапевтических процессов (подобно тому как насморк можно в равной степени эффективно лечить каплями, прогрее-

ванием, ножными ваннами, ингаляцией, мазями и т. д.).

2. В действительности различная эффективность психотерапевтических методов имеет место, однако эти эффективные воздействия на разные аспекты внутреннего мира человека, его психики остаются незафиксированными, поскольку у нас пока нет достаточно дифференцированных психодиагностических средств и адекватных исследовательских стратегий, чтобы уловить эти различия;

3. Различные терапии включают в себя общие компоненты, которые, собственно, и ответственны за терапевтический эффект; однако эти общие компоненты не отражаются, как правило, в качестве таковых в концептуальном слое различных психотерапевтических форм (см.: Хайгл-Эверс и др., 2001).

К этим общим факторам обычно относят совокупность таких эмоциональных, установочных и смысловых переменных, как теплота, внимание, недирективная суггестия, ожидание улучшения, обратная связь относительно динамики состояния, новизна в описании и понимании проблемы, а также хорошо известная триада К. Роджерса (Роджерс, 2001; Роджерс, Фрейберг, 2002) — принятие, эмпатия, конгруэнтность. Фактически все современные психотерапевтические школы признают значимость данных факторов для построения оптимального психотерапевтического отношения и достижения положительного психотерапевтического эффекта.

К настоящему времени ни одну из этих гипотез не удалось ни полностью доказать, ни полностью опровергнуть. Следует, правда, отметить, что больше всего адептов у третьей

гипотезы (к ним относится и автор этих строк).

Метафорически *status quo* современной «психотерапии» можно передать следующим образом. Представьте себе, что разные шаманы с помощью разных предметов (перьев, камней, тотемных фигурок, костей, засушенных змей и т. д.) на протяжении долгого времени примерно равно эффективно лечили своих «клиентов/пациентов» от простуды в «индейской бане» — жарко натопленном вигваме. В свободное от работы время они постоянно спорили друг с другом о том, какой именно амулет является наиболее целительным и лечебным. Однако все их споры были и до сих пор остаются безрезультатными. По-видимому, так будет продолжаться до тех пор, пока однажды кто-нибудь не поймет, что все эти амулеты сами по себе ничего не дают, что излечение и оздоровление наступают вследствие одного общего фактора — температурного влияния. Хорошо натопленная баня — вот необходимое и достаточное условие «терапии».

В современном психотерапевтическом мире также пока не найдено простого и универсального решения. Такое решение пока не выявлено. Население этого мира продолжает молиться различным богам, исповедовать различные «школьные верования» (Основные направления..., 2000; Фрейджер, Фейдимен, 2001; Хайгл-Эверс и др., 2001), носиться со своими, каждый раз специфически «амулетами». Более того, даже столь модный сейчас эклектический («мультиамулетный») подход в психотерапии (Карл Роджерс и его последователи..., 2005; Соколова, 2002; Сосланд, 1999) также является, на наш

взгляд, реакцией на непреодоленную ситуацию «парадокса эквивалентности» под видом более гибкого приспособления «психотерапии», психотерапевтической техники к запросам, нуждам и специфическим особенностям клиента/пациента: «Что вам больше нравится: сушеные змеи или кристаллы?»

Спрос и предложение

Попробуем подойти к проблеме с другой стороны.

Эффективность психотерапии можно пытаться оценивать как прямо, так и косвенно. Косвенным свидетельством эффективности психотерапии является спрос на психотерапевтические услуги. Данный спрос является сложным и многоаспектным явлением, в составе которого имеет смысл выделить следующие составляющие:

1) спрос со стороны медицинских служб; основной тенденцией в данной области является расширение зоны компетенции психологов-психотерапевтов за пределы классической области психотерапии неврозов, включение в сферу психотерапевтической деятельности пациентов практически всех клинических направлений (от онкологических пациентов до пациентов, страдающих от избыточного веса, от кардиологических пациентов до пациентов-алкоголиков и т. д.). В результате данной тенденции размывается граница между врачебной и неврачебной психотерапией и чрезвычайно расширяется клиентура специалистов-психотерапевтов. Дополнительный спрос на психотерапевтические услуги формирует психопрофилактика, к кото-

рой следует отнести следующие формы: а) влияние на поведение, содержащее в себе риск для здоровья (булимия, гипокинезия, алкоголизм и т. д.); б) предупреждение невротических и поведенческих расстройств посредством психотерапевтических воздействий на взаимоотношения в семье; в) предотвращение пред- и послеродовых осложнений психотерапевтическими средствами; г) психотерапевтические меры в работе хосписов (см.: Хайгл-Эверс и др., 2001, с. 614–615);

2) спрос на психотерапию можно охарактеризовать и с помощью такого показателя, как распространенность психогенных заболеваний. Так, по данным «мангеймских когортных исследований», среди населения центральной Европы в возрасте 25–45 лет 7.8% страдает психосоматическими нарушениями, 7.2% — неврозами, 5.7% — нарушениями личности; установлено также, что психогенные симптомы в целом обнаруживаются при срезовом дизайне у 50% (!) населения, а при лонгитюдном дизайне — у 80–95% (!) людей. Такая распространенность психогенных заболеваний обусловлена высокой частотой встречаемости факторов, влияющих на их возникновение (разного рода тягостных жизненных событий — утрат, разрывов отношений, конфликтов со значимыми людьми, патогенных — защитных, гиперкомпенсаторных — личностных установок, длительной зависимости от окружающих, перманентного стресса и т. д.) (там же, с. 615–616);

3) спрос можно охарактеризовать и через выраженность потребности в психотерапевтических услугах; по некоторым оценкам, 25% взрослого

населения подвержены психогенным нарушениям в такой степени, что они объективно нуждаются в психотерапевтической помощи. Однако это данные, которые характеризуют «объективную» нужду в психотерапии. Ряд исследований дает еще более высокие показатели подобной «нужды». Так, например, в одном из них были исследованы 3000 пациентов из Лейпцига, получавших амбулаторную медицинскую помощь, и было показано, что признаки психосоматических и психогенных расстройств обнаруживаются у 1860 человек, т. е., у 62% пациентов; однако лишь 1.6 % этих пациентов (т. е. всего 30 человек) получили в итоге психотерапевтическое лечение. Иначе говоря, существует огромное несоответствие между объективной нуждой в психотерапии, свидетельством которой являются диагностируемые психогенные компоненты заболеваний, и субъективной потребностью и, соответственно, субъективным спросом на психотерапию. Следует подчеркнуть, что фактический спрос на психотерапию значительно ниже, нежели объективные показатели и объективные возможности пациентов к применению психотерапевтических средств (там же, с. 616–617).

Что можно сказать в ответ на данную аргументацию в пользу психотерапии, ее эффективности? Как уже отмечалось, все это, увы, лишь косвенные аргументы. Дело в том, что сам по себе «спрос, рождающий предложение», еще ничего не говорит о самом этом предложении, как, например, количество людей, больных чумой в средневековой Европе, само по себе ничего не говорит о качестве и эффективности тогдашних медицинских услуг.

**Анализ предложения:
общие (неспецифические) vs.
частные (специфические) факторы**

Современная тенденция ко все большей конкретизации предмета исследования в области изучения эффективности «психотерапии» и к изучению терапевтических эффектов не столько терапевтических форм в целом, сколько различных частных психотерапевтических техник (Калмыкова, Кэхеле, 2000) приводит к результатам, подтверждающим ведущую роль именно общих, «неспецифических», или «нетехнических», компонентов психотерапии в общем положительном психотерапевтическом эффекте.

Множественность «психотерапий» и существование «парадокса эквивалентности» свидетельствует также о том, что не наблюдается соответствия между частными психотерапевтическими методами (техниками) и конкретными симптомокомплексами, или картинами болезни. Здесь картина иная, нежели в соматической медицине (где есть это соответствие: если болит зуб, надо идти к дантисту, если не видит глаз — к окулисту и т. д.).

Специализация знаний и методов в соматической медицине в сочетании с ростом их эффективности привела ко все более высокой оценке частных методов и все более низкой оценке общих методов; общие методы и факторы все более и более расценивались как ненаучные. В области психотерапии такого строгого соответствия нет, и, если «болит душа», может помочь в соответствии с «парадоксом эквивалентности» любая терапевтическая форма, и, следовательно,

акцент на специфических факторах психотерапии, характерных для различных психотерапевтических школ и направлений (т. е. акцент на том, что мы называем «психотерапевтической техникой»), оказывается неправомерным. Иначе говоря, специфические факторы психотерапии, явно существующие в учебниках по психотерапии и в головах самих психотерапевтов, не являются существенными как терапевтические факторы в реальной работе, в терапевтической практике как таковой.

Прав, конечно, А.И. Сосланд, когда отмечает: «сами методы внутри собственного терапевтического контекста отличаются крайней неоднородностью, большим богатством приемов, ходов, стратегий. Собственно, эти тонкости и есть *главный предмет* обсуждения в процессе обучения, супервизии, в пространстве научных текстов» (Сосланд, 2006, с. 53; курсив мой. — А.О.). Вот только правда эта — правда персонажа из анекдота, искавшего искомое не там, где оно было потеряно, а там, где светлее, очевиднее.

Можно сказать в этой связи, что специфические факторы (особенности) психотерапевтических систем существуют исключительно для того, чтобы обеспечить профессиональную идентичность психотерапевтов в качестве диссоциированного на отдельные группы профессионального сообщества (подобно тому как национальная принадлежность обеспечивает национальную идентичность и приводит к размежеванию людей на русских, немцев, евреев и т. д.). Пока профессиональное сообщество не выработало своих универсальных норм и конвенций, оно вынуждено

принимать вненаучные, конвенциональные, социальные правила игры, жестко связанные с особенностями рыночного общества (лучше продается новое, раскрученное, хорошо упакованное), а также профессионального обучения, сертификации, лицензирования, построения карьеры и т. д. (Макаров, 2001). В результате, подобно тому как человек в своем собственно человеческом качестве скрыт в современном мире за маской представителя той или иной нации, психотерапевт (без кавычек!) оказывается скрытым за маской представителя той или иной психотерапевтической школы (фрейдиста, адлерианца, юнгианца, бернианца, хорнианца, мореновца, роджерсианца, перлца, минделца, менегеттианца, лэнглеанца и т. п.).

Конечно, не все психотерапевтические «нации» в равной степени акцентируют специфические факторы воздействия (т. е. психотерапевтическую технику). Существуют различия (на одном полюсе — максимально манипулятивная бихевиоральная терапия, на другом — минимально манипулятивная вербальная психотерапия в варианте К. Роджерса) (Боуэн, 2004; Орлов, 2000, 2002б).

Но что если обратиться теперь от рассмотрения психотерапевтической техники к рассмотрению психотерапевтической практики? Что если, например, сделать центром внимания поведение психотерапевтов в ходе сессий? Как показывают исследования, при просмотре видеопротоколов психотерапевтических сессий, проводившихся опытными психотерапевтами, относившимися к различным психотерапевтическим школам, наблюдателям не удастся выявить

существенные поведенческие отличия (испытуемые не могут определить по видеофрагменту принадлежность психотерапевта к тому или иному направлению) (см.: Хайгл-Эверс и др., 2001, с. 673).

Интересно, что исследования развития идентичности психотерапевта также свидетельствуют о том, что ортодоксальность характеризует лишь начальный период становления профессиональной компетентности, дальнейшее развитие которой ведет к отказу от такой ортодоксальности и приводит к культивированию индивидуального, личного психотерапевтического стиля (сошлемся на примеры из исследования опытных психоаналитиков с большим практическим опытом; вот фрагменты интервью с психоаналитиками: «...теперь я считаю пациента более сильным...», «Теперь я даю пациентам больше свободы... я стал более терпимым...», «Сегодня у меня значительно меньше, чем вначале, возможностей для описания того, что я делаю...») (там же, с. 676).

Можно сказать, что в деятельности психотерапевта первоначально (прежде всего на этапе профессионального обучения) акцентируются специфические факторы психотерапии, а затем (уже на этапе профессиональной практики) акцент смещается на общие психотерапевтические факторы. Более того, окончательная манера психотерапевтического поведения не является преформированной и жестко заданной этапом профессиональной подготовки, выбором школы и т. д.

В этой связи может возникнуть следующий вопрос: могут ли быть эффективными психотерапевтами

неспециалисты (т. е. люди, однозначно лишенные специфических психотерапевтических знаний, умений и навыков, например, университетские профессора)? Существование групп самопомощи, а также реальная психотерапевтическая помощь, оказываемая в группах встреч и т. п., заставляют нас отвечать на этот вопрос положительно; в ряде эмпирических исследований, в которых сравнивались психотерапевты-профессионалы и психотерапевты-дилетанты, было показано, что принадлежность испытуемого к той или иной группе влияет на особенности психотерапевтического взаимодействия, но не на его эффективность (!) (Хайгл-Эверс и др., 2001, с. 679).

Подобные проявления «парадокса эквивалентности» можно объяснить процессами становления общей, универсальной для всех психотерапевтических школ и направлений психотерапевтической практики, элементами которой становятся эмпатия, паритетность отношений, обратная связь, делегирование ответственности, акцентирование самоотношений и самораскрытие, собственно и образующие совокупность общих, неспецифических факторов, или общий метод психотерапии, или, еще точнее, *собственно психотерапию как таковую*.

Кесаревы сечения

Человеку свойственно нетерпение. Человеку свойственно недоверие. Человеку свойственны страхи. Хочется побыстрее, попонятнее, побезопаснее. Поэтому в нашем вопросе есть и такая установка: зачем ждать, пока «плод» будет созревать, а затем мучительно проталкиваться

по «родовому каналу» психотерапевтической практики? Вдруг с ним случится что-то не то? Вдруг он вовсе никогда не родится? Не проще ли заполучить «кесаренка»? И вот, вооружившись соответствующими аналитическими инструментами (сразу скажем — иноприродными как рождающему лону, так и рождающемуся организму), с недюжинным пафосом и увлечением начинают производить иссечения в надежде извлечь на свет божий новую жизнь.

Что представляют собой эти операционные вмешательства, и каковы используемые средства? Они тянутся к «психологии, беременной психотерапией», из сопредельных областей. В настоящее время в отечественной науке хорошо просматриваются три попытки произвести такие сечения².

Гуманитарная попытка. С помощью изначально литературоведческих построений и интуиций, формировавшихся сотни лет в русле рефлексии европейского литературного творчества, стремятся усмотреть и расслышать квинтэссенцию психотерапевтического действия, означить и зафиксировать ее понятийно как еще один вариант дискурса. Тем самым

психотерапия растворяется в общей гуманитарной культуре, отрывается и изолируется от порождающих ее изначально психологических и психотерапевтических контекстов и пускается по клиническому (социальному, общекультурному, духовному) миру; такова, на наш взгляд, попытка создания «диалогической психотерапии» (Копьев, 1992, 2004; Соколова, 2002, и др.).

Теологическая попытка: с помощью понятийных, культовых, опытных средств, формировавшихся сотни лет в традиции православного вероучения, пытаются выявить существование психотерапии, обозначить ее границы, чтобы потом «призреть ее при храме», «воцерковить»; такова, на наш взгляд, попытка создания «синергической психотерапии» (Василюк, 2003, 2005).

Философская попытка. В данном случае с помощью методологических ходов и понятийных средств, создававшихся сотни лет в традиции европейского философского мышления, надеются поймать, уловить суть психотерапии, дать ей рождение, отбросив при этом за полной ненужностью рождающую ее психологию как

²Есть прецедент еще более глубоких исследований, которые на языке нашей сквозной метафоры можно было бы обозначить как своего рода «эмбриональную патологоанатомию»: анализ структурных основ построения теорий и техник в психотерапии (Сосланд, 1999). Основной недостаток этой в целом замечательной попытки видится нам прежде всего в излишней увлеченности инвентаризацией уже существующего в плане психотерапевтических теорий (мифов) и техник. На наш взгляд, из трех обязательных компонентов любой психотерапевтической формы (теория, техника, практика) существенным для построения общей или единой психотерапии является только третий компонент. Поэтому вся последующая блистательная лексикографическая работа, компаративистика, проектирование и построение «интегративных и эклектических концепций» — лишь умножение псевдосущностей и экспликация не столько «структуры психотерапии» (еще просто не сложившейся!), сколько «структуры наличного до- и псевдопсихотерапевтического поля».

ни на что не годное, допотопное существо. Психотерапия-кесаренок, извлеченная из корпуса психологии, фактически похищается у нее и передается философии как действительной *alma mater*; такова, на наш взгляд, попытка создания «*майевтической психотерапии*» (Пузырей, 2005).

И в первом, и во втором, и в третьем случае мы присутствуем отнюдь не при рождении психотерапии как таковой (иллюзий, думаю, не должно быть ни у кого), а при создании очередной психотерапевтической школы, еще одной недоношенной и уродливой (т. е. частичной) психотерапевтической формы. И каждый раз лучшим свидетельством этого обстоятельства оказывается особое имя «психотерапии» — некое клеймо, родимое пятно, свидетельство частичности. В действительности нет и не может быть различных психотерапий, тем более таких, которые находятся в непростых и неясных отношениях друг с другом. Их невозможно помыслить ни в качестве психотерапии как таковой, ни в качестве ее фрагментов или частей.

Конечно, нельзя отрицать того очевидного факта, что во всех этих случаях осуществляются самые чистые и благие намерения⁷. При этом для нас столь же очевидно другое — искусственность, инорганичность самих иницилируемых процессов. Для всех трех попыток собственно психотерапевтическое отношение, психотерапевтическая практика, конкретное об-

щение вот этого психотерапевта и вот этого клиента/пациента отодвигаются за ненадобностью на какой-то несущественный (почти несуществующий) десятый план, а центром становится присвоение, усыновление, поименование «кесаренка», передача его «приемным родителям». По всем параметрам перед нами искусственные процедуры. Они создают лишь видимость естественного процесса, естественного рождения нового. Да, они стремятся форсировать процесс, да, они спрямляют пути, да, они обеспечивают определенные гарантии. И тем не менее они не дают и не могут дать главного — натуральности рождения психотерапии и натуральности той психотерапии, которой предстоит родиться.

Альтернатива

Если же оставаться на собственно психологической и психотерапевтической территории, то можно, конечно, преисполнившись пессимизма, «всматриваясь в темноту за границей круга света под фонарем», сказать вслед за Е.Т. Соколовой: «Несмотря на многочисленные исследования в области психотерапии, ее процесс все же пока остается таинственным и плохо поддается систематическому научному описанию» (Соколова, 2002, с. 317).

Можно, «шаря в мусорной корзине под фонарем и вокруг нее», вслед за А.И. Сосландом сетовать на «очевидный перебор» противоречий, путаницы и сумятицы на психологическом поле.

⁷ Данное обстоятельство находится в полном противоречии со всеми теми инвективами и подзвонами А.И. Сосланда, адресованными всем создателям психотерапевтических форм и развернуто представленными в его замечательной книге (Сосланд, 1999).

Однако, на наш взгляд, «свет в конце туннеля» все же виден, поскольку постепенно прорисовывается круг тех факторов эффективности психотерапии, которые можно отнести к категории общих⁴. Вот лишь некоторые из них:

- качество терапевтического альянса;
- качество терапевтического сеттинга;
- качество терапевтического контакта;
- качество присутствия терапевта и клиента/пациента;
- возможность отреагирования (проговаривания, любой другой экспрессии) длительно сдерживаемых переживаний;
- альтернативность нестабильным, разрушенным, негативным социальным связям клиента/пациента;
- редукция неопределенности и тревоги в результате усвоения клиентом/пациентом схем «болезни» и «здоровья»;
- ритуализация и организация жизни клиента/пациента вокруг психотерапевтической практики;
- обучение новым, более конструктивным формам поведения и общения;
- расширение сферы осознаваемого, увеличение способности к самоконтролю;
- увеличение степеней свободы в жизненной ситуации;
- интеграция изолированных и взаимоотноужденных аспектов (инстанций) внутреннего мира клиента/пациента;
- контакт с личностью психотерапевта, свойствами (установками) которой являются толерантность, теплота и вера в человека, доверие и принятие, эмпатия и конгруэнтность.

Конечно, подобные перечни так же отличаются от будущих четких положений «единой психотерапии», как разнятся неясные колеблющиеся контуры шестимесячного плода на мониторе УЗИ от полноцветной фотографии шестимесячного розового младенца. Но не стоит забывать: мы все являемся свидетелями процесса рождения новой науки, который на данный момент еще далеко не завершен.

⁴Верным методологическим ходом в сложившейся ситуации автору представляется не создание очередных, n-ных «психотерапий», а выработка возможных подходов в (и к) психотерапевтической практике, подходов, которые акцентируют и фасилитируют именно общие факторы психотерапевтической работы (Орлов, 2002а, 2004). В данной связи и справедливости ради следует отметить, что на самых последних страницах своей книги (составляющих не более 3% ее объема!) А.А. Пузырей формулирует весьма сходную идею: принципиально важным является создание не столько еще одной новой (майевтической или инициальной) психотерапевтической формы, сколько акцентирование принципиального *индирективного подхода* как общего позитивного итога от использования философского генеалогического анализа (М. Фуко) применительно к современной психологии и психотерапии личности (Пузырей, 2005, с. 465–479). На языке нашей метафоры-лейтмотива индирективный подход — это «родовой канал», по которому движется современная психотерапевтическая практика в направлении своего рождения.

Литература

- Боуэн М.* Духовность и личностно-центрированный подход // Психологическое консультирование и психотерапия: Сб. ст. / Сост. А.Б. Орлов. М.: ООО Вопросы психологии, 2004. С. 15–30.
- Варга А.Я., Кадыров И.М., Холмогорова А.Н.* Предисловие // Основные направления современной психотерапии. М.: Когито-Центр, 2000. С. 2–12.
- Васильюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. М.: МГППУ; Смысл, 2003.
- Васильюк Ф.Е.* Переживание и молитва (опыт общепсихологического исследования). М.: Смысл, 2005.
- Демоз Л.* Психоистория. Ростов-н/Д: Феникс, 2000.
- Евангелие. 2000 лет в западноевропейском изобразительном искусстве. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
- Калмыкова Е.С., Кэхеле Х.* Психотерапия как объект научного исследования // Основные направления современной психотерапии. М.: Когито-Центр, 2000. С. 15–43.
- Карл Роджерс и его последователи: Психотерапия на пороге XXI века. М.: Когито-Центр, 2005.
- Копьев А.Ф.* Психологическое консультирование: опыт диалогической интерпретации // Психологическое консультирование и психотерапия: Сб. ст. / Сост. А.Б. Орлов. М.: ООО Вопросы психологии, 2004. С. 5–14.
- Копьев А.Ф.* Диалогический подход в психотерапии и проблемы психологической клиники // Московский психотерапевтический журнал. 1992. № 1. С. 33–48.
- Макаров В.В.* Психотерапия нового века. М.: Академический проект, 2001.
- Орлов А.Б.* Человекоцентрированный подход в психотерапии // Основные направления современной психотерапии. М.: Когито-Центр, 2000. С. 268–300.
- Орлов А.Б.* Психология личности и сущности человека: парадигмы, проекции, практики. М.: Академия, 2002а.
- Орлов А.Б.* Человекоцентрированный подход в психологии, психотерапии, образовании и политике (К 100-летию со дня рождения К. Роджерса) // Вопросы психологии. 2002б. № 2. С. 64–84.
- Орлов А.Б.* Психологическое консультирование и психотерапия: триалогический подход // Психологическое консультирование и психотерапия: Сб.ст. / Сост. А.Б. Орлов. М.: ООО Вопросы психологии, 2004. С. 178–195.
- Основные направления современной психотерапии. М.: Когито-Центр, 2000.
- Пузырей А.А.* Психология. Психотехника. Психагогика. М.: Смысл, 2005.
- Роджерс К.* Клиентоцентрированный/человекоцентрированный подход в психотерапии // Вопросы психологии. 2001. № 2. С. 48–58.
- Роджерс К., Фрейберг Дж.* Свобода учиться / М.: Смысл, 2002.
- Соколова Е.Т.* Психотерапия: теория и практика. М.: Академия, 2002.
- Сосланд А.И.* Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или Как создать свою школу в психотерапии. М.: Логос, 1999.
- Сосланд А.И.* Психотерапия в сети противоречий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3, № 1. С. 46–67.
- Фрейдджер Р., Фейдимен Дж.* Личность: теории, эксперименты, упражнения / СПб.; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
- Хайгл-Эверс А., Хайгл Ф., Отт Ю., Рюгер У.* Базисное руководство по психотерапии / СПб: Восточно-Европейский Институт психоанализа, Речь, 2001.

Eysenk H. The effects of psychotherapy: an evaluation // J. Consult. Psychology. 1952. Vol. 16. P. 319–324.

Rogers C.R. Client-Centered Therapy: its current practice, implications, and theory. Boston: Houghton Mifflin, 1951.

МИФ ПСИХОТЕРАПИИ

В.П. РУДНЕВ

Руднев Вадим Петрович — главный научный сотрудник Российского института культурологии, доктор филологических наук.

Автор 12 книг, четыре из которых посвящены проблемам философии психопатологии: «Характеры и расстройства личности: Патология и метапсихология» (2002), «Тайна курочки Рябы: Безумие и успех в культуре» (2004), «Словарь безумия» (2005), «Диалог с безумием» (2005).

Член Профессиональной психотерапевтической лиги.

Контакты: vprudnev@mail.ru

Резюме

Психотерапия в статье рассматривается как языковая игра. Психотерапевт и пациент выступают не столько как сотрудники, сколько как соперники. Автор разделяет гипотезу современного английского психиатра Тимоти Кроу, в соответствии с которой шизофрения — это видовая болезнь homo sapiens, стало быть, в той или иной степени каждый человек — шизофреник. Виной этому человеческий язык. В этом смысле психотерапия выглядит как абсурдное занятие — игра одного шизофреника с другим при помощи шизофреногенного языка.

«Чего бы ни добивался психоанализ, среда у него одна — речь пациента». Это знаменитое высказывание Жака Лакана можно применить к любому типу психотерапии, даже к самому радикальному. В основе любой психотерапевтической акции всегда лежат диалогические отношения между психотерапевтом и пациентом. Другими словами, любая психотерапия есть языковая игра в том смысле, который придал этому термину Людвиг Витгенштейн (Витгенштейн, 1994), т. е. любое использование языка подразумевает ис-

пользование каких-то правил. Примеры языковых игр, сходных с психотерапией, — исповедь, лекция, беседа, обмен мнениями; примеры несходных с психотерапией языковых игр — отдача команд и распоряжений, любовное объяснение.

Но любая игра, будь то исповедь или адюльтер, подразумевает одну универсальную особенность: в игре кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает. И участники языковой игры всегда в каком-то смысле коммуникативные соперники. Психотерапевт побеждает в том случае, если пациент

выздоровливает. Пациент побеждает в том случае, если он остается больным. Давно уже не секрет, что во взаимодействии терапевта и пациента каждый играет за себя. И врач не менее отстаивает свое здоровье в этой нелегкой языковой игре (впервые об этом стал говорить Юнг), чем пациент свою болезнь. Существует, конечно, «разумное Эго» пациента, сотрудничающее с терапевтом, существует «рабочий альянс», но чем в большей мере больным является пациент, тем меньше в нем разумного Эго и тем более отдаленной становится перспектива установления рабочего альянса. В тяжелых случаях психотерапевту, во-первых, придется продираться сквозь джунгли бесконечных сопротивлений пациента и, во-вторых, постоянно сдерживать себя, не давая воли своему отрицательному контрпереносу.

Когда Брейер и Фрейд начали лечить своих пациенток-истеричек, они придумали новую и увлекательную языковую игру, играть в которую было нелегко, но которая неожиданно сулила большие выигрыши. С этого времени прошло более ста лет, многое изменилось, изменилась техника, у психоанализа появились серьезные соперники — другие психотерапевтические языковые игры, среди них такие легкомысленные и коммерческие, как НЛП, обещающее излечить чуть ли не тяжелого кататоника за три минуты. Но главное осталось прежним: психотерапевт и клиент как были, так и остались соперниками, даже врагами.

В 1971 г. вышла книга знаменитого психотерапевта, представителя антипсихиатрического направления Томаса Саса «Миф психического за-

болевания» (Szasz, 1971). В ней автор, рассматривая, в частности, феномен истерии, возвращается к исходному положению вещей, с которого началось психоаналитическое изучение истерии. Основоположники психоанализа, а также их учитель Жан-Мартен Шарко должны были прежде всего убедить научное сообщество, что истерики — не симулянты, а настоящие больные. Это удалось сделать с большим трудом. В своей книге на новом витке истории Томас Сас утверждает нечто вроде того, что истерики все же подобны симулянтам. Вернее, их недуг не носит характера болезни в точном смысле этого слова. Скорее, они пользуются другим языком, иконическим: истерические стигмы (парезы, астазия-абазия, мутизм и т. д.) передают суть сообщения на иконическом языке. Например, когда человек не может ходить, он тем самым сообщает своему коммуниканту: «Видишь, как мне плохо, я даже не могу стоять на ногах»; если у истерика мутизм, он этим хочет передать информацию: «Мне так плохо, что я даже не могу говорить». Задача психотерапевта в этом случае не вылечить больного, а перекодировать иконическое послание на обычный язык вербальных символов. Когда он это сделает, т. е. когда послание будет расшифровано, «болезнь» пройдет.

Еще более радикальный пафос отрицания традиционного понимания душевной болезни содержится в знаменитой книге основателя антипсихиатрии Рональда Лэйнга «Расколотое Я» (Лэйнг, 1995). Лэйнг в ней говорит о том, что шизофреники — гораздо более привлекательные люди, чем их врачи, просто это люди с

другим внутренним миром, и к ним надо подходить с мерками этого другого мира. Он приводит пример, когда Эмиль Крепелин грубо осматривает психическую больную: «Господа, случаи которые я предлагаю вам, весьма любопытны. Первой вы увидите служанку двадцати четырех лет, облик которой выдает сильное истощение. Несмотря ни на что, пациентка постоянно находится в движении, делая по несколько шагов то вперед, то назад; она заплетает косы, распущенные за минуту до этого. *При попытке остановить ее* мы сталкиваемся с неожиданно сильным сопротивлением: *если я встаю перед ней, выставив руки*, чтобы остановить ее, и если она не может меня обойти, она внезапно нагибается и проскакивает у меня под рукой, чтобы продолжить свой путь. *Если ее крепко держать*, то обычно грубые, невыразительные черты ее лица искажаются и она начинает плакать до тех пор, пока ее не отпускают. Мы также заметили, что она держит кусок хлеба в левой руке так, что *его совершенно невозможно у нее отнять*. <...> *Если вы колете ее иголкой в лоб*, она не моргает и не отворачивается и оставляет иголку торчать изо лба, что не мешает ей неустанно ходить взад-вперед».

А теперь комментарий Лэйнга: «Вот мужчина и девушка. Если мы смотрим на ситуацию с точки зрения Крепелина, все на месте. Он — здоров, она — больна; он — рационален, она — иррациональна. Из этого следует взгляд на действия пациентки вне контекста ситуации, какой она ее переживает. Но если мы возьмем действия Крепелина (выделенные в цитате) — он пытается ее остановить,

стоит перед ней, выставив вперед руки, пытается вырвать у нее из руки кусок хлеба, втыкает ей в лоб иголку и т. п. — вне контекста ситуации, переживаемой и определяемой им, то насколько необычными они являются!» (Лэйнг, 1995, с. 291–292).

В сущности, сумасшедший и врач меняются местами. Согласно комментарию Лэйнга, как сумасшедший ведет себя скорее Крепелин. Пафос апологии душевных болезней вплоть до отрицания их болезненной сути, как в книге Томаса Саса, воплощает Кен Кизи в «Полете над гнездом кукушки» (особенно этот пафос выражен в знаменитой экранизации с Джеком Николсоном в главной роли). Но известно, что призыв антипсихиатров закрыть психушки и выпустить больных ни к чему хорошему не привел (например, участились самоубийства). Как социальный проект антипсихиатрия потерпела поражение. Говоря о «Полете над гнездом кукушки», мы отметим одну парадоксальную и универсальную особенность: психические больные не хотят выздоравливать (почти все больные в упомянутой книге и фильме содержатся в лечебнице добровольно и не хотят уходить отсюда). Всем известно психоаналитическое выражение «бегство в болезнь». Почему же душевнобольные не хотят выздоравливать? Потому что больным быть выгоднее, чем здоровым. Рентный характер душевных болезней подчеркивался еще Фрейдом. Но это не вся правда. Согласно воззрениям, которых придерживаемся мы, душевнобольные не хотят выздоравливать, потому что они *не могут* выздороветь.

В 1997 г. английский психиатр Тимоти Кроу в статье с провокативным

названием «Является ли шизофрения платой за использование homo sapiens дискретного языка?» выдвинул гипотезу, которую обосновал на генетическом уровне. Согласно этой гипотезе, шизофрения не только является специфической болезнью человека как вида (это было известно и до него), но она *определяет* человека как вид, в частности, ген языка и ген шизофрении — это один и тот же ген (Crow, 1997). Иначе говоря, *каждый человек* в той или иной степени немного *шизофреник*, о чем, впрочем, писал и П.Б. Ганнушкин в 1913 г. в статье «К вопросу о шизофренической конституции» (Ганнушкин, 1997). Таким образом, психотерапия — это такая языковая игра, когда один шизофреник пытается вылечить другого, используя при этом не что иное, как язык, который сам является функцией и лейблом шизофренического заболевания.

Что же конкретно психопатологического в языке?

Язык истеричен. Что определяет истерию? Конверсия, вытеснение, демонстративность, иконизация (отелеснивание знака), pseudologia fantastica. Начнем с последнего как с самого очевидного. Можно ли было бы человеку врать, если бы он не обладал языком? Ответ очевиден. Истина и ложь — понятия языка. Возможность утверждать то, что не соответствует действительности, предоставляется самим языком в весьма широких пределах. Истина — островок в море вранья, если перефразировать слова Уилларда Куайна (Quine, 1851). Создан ли язык для того, чтобы передавать истинную информацию? Но уж что-то, а дезинформировать он мастер. А как понимать

истерическую иконизацию в языке? Об этом писал еще Якобсон в замечательной статье «В поисках сущности языка», где приводятся примеры того, как чисто релятивные грамматические категории иконизируются. Например, как правило, прилагательные положительной сравнительной и превосходной степеней распределяются соответственно длине. Слово long (длинный) короче слова longer (длиннее), а слово longest (длиннейший) — самое длинное (Якобсон, 1985). Вообще вся конвенциональность языка как принцип является абстракцией. По ассоциации с каждым словом, будь оно конкретное или абстрактное, в сознании говорящего и слушающего встает какой-то икон. Слова отелесниваются в их речевом использовании. Демонстративность также заложена в языке. Само понятие риторики как возможности украшать речь фигурами и тропами говорит о том, что язык приспособлен к тому, чтобы быть демонстративным, ярким, пышным, вызывающим, кричаще-пестрым. Вообще преобладание в языке означающего над означаемым (закон Лакана, сформулированный им для симптоматической невротической речи) делает его в принципе языком-невротиком. Не может быть такого положения вещей, чтобы означаемых было больше, чем означающих, чтобы вещей было больше, чем слов. Слов всегда больше, чем вещей. Одна вещь может быть обозначена многими словами. Забегая вперед, в пределе — в шизофренической модели языка и в поэзии — *всеми* словами.

Бинарность обсессивно-компульсивной семиотики — стояние на развилке благоприятного и неблагоприятного — также отражена в языке.

Во-первых, структура языка основана по большей части на принципе бинарности. Это прежде всего касается фонологических оппозиций: гласный — согласный, глухой — звонкий, твердый — мягкий. В свое время Якобсон с американскими коллегами построил совершенно одержившую универсальную фонологическую систему, состоящую из 12 признаков, которая описывала фонологию всех возможных языков. Синтаксис и семантика представляют путь бинарных семиотических развилок: подлежащее — сказуемое, определение — подлежащее, обстоятельство — сказуемое и т. д. В семантике то же самое. Одушевленное — неодушевленное, человек — нечеловек, женщина — мужчина, женатый — неженатый. Это семантическое дерево слова «холостяк» — хрестоматийный пример генеративной семантики.

Роль числа, определяющего обсею (Руднев, 2002), в языке достаточно велика. По крайней мере, существует целая грамматическая категория числительных, играющая в языке значительную роль. Во всяком случае, число вне языка в принципе существовать не может так же, как и сама математика. Механизм изоляции, характерный для одерживно-компульсивных расстройств, также характерен для языка. Язык (во всяком случае, как его представляли себе структуралисты) есть замкнутая существующая изолированно от речи система знаков. В целом можно сказать, что истерическое и одерживное начала образуют два полюса в языке, один из которых не может существовать без другого, они вступают друг с другом в непрерывный диалог.

Вопрос о том, содержится ли в языке шизофрения, является ключевым, так как, согласно гипотезе Кроу, именно язык заразил homo sapiens этой болезнью. Да, в определенном и достаточно весомом смысле язык является шизофреническим образованием, так как в нем содержатся все потенциальные высказывания, в частности прямо противоположные друг другу. Вторая шизофреническая особенность языка состоит в том, что он не содержит жестких ограничений на то, чтобы все что угодно было поименовано всем чем угодно, т. е. язык не только не сопротивляется порождению избыточно метафорических высказываний, которые могут восприниматься как бессмысленные, но и своим устройством способствует этому. Если бы язык был устроен так, как об этом мечтали логические позитивисты (без многозначности, омонимии и исключений из правил), на нем не были бы возможны шизофренические высказывания, в частности шизофреническая поэзия типа Хлебникова, Введенского, Хармса или позднего Мандельштама. При этом уровень метафоризации в языке является неконечным. Когда-то основатель генеративной лингвистики Ноам Хомский смоделировал ставшую хрестоматийной фразу в качестве образца бессмысленности — «Бесцветные зеленые идеи яростно спят». Но через некоторое время другой лингвист, Хилари Патнем, показал, что эту фразу можно представить как вполне осмысленную. Идеи вполне могут быть бесцветными, при этом они могут быть «зелеными» (в смысле незрелыми). Идеи могут «спать», т. е. бездействовать,

быть неиспользованными, и при этом «спать» «яростно», т. е. их неиспользование носит активный, агрессивный характер. По-видимому, любое кажущееся на первый взгляд бессмысленным бредовое шизофреническое высказывание при желании может быть таким же или сходным образом расшифровано как вполне осмысленное, просто повышенно метафорическое.

Психотерапия внутри шизофренического сообщества людей — это миф. Но миф не ругательное понятие. При помощи мифа человеческая культура строила грандиозные кос-

могонические и космологические системы. Многие тысячелетия люди жили в мифологическом сознании, да, впрочем, живут и до сих пор. В известном смысле мифом является и наука. Говорить о полезности той или иной мифологической системы можно только *ad hoc*. Тоталитарные мифологические системы, безусловно, вредны для общества, демократическая мифология более или менее полезна. Что касается психотерапии, то она, по крайней мере, хотя бы в подавляющем большинстве случаев безвредна...

Литература

Витгенштейн Л. Избранные философские работы. М.: Гнозис, 1994.

Ганнушкин П.Б. Избранные труды. М.: Наука, 1997.

Лэйнг Р. Расколотое Я: Антипсихиатрия. М.: Академия, 1995.

Руднев В. Характеры и расстройства личности. М.: Класс, 2002.

Якобсон Р.О. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1985.

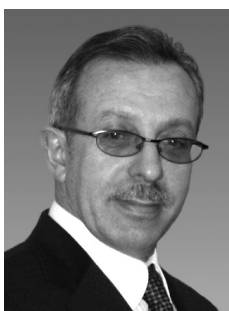
Crow T. Is schizophrenia the price that Homo sapiens pays for language? // *Schizophrenia Research*. 1997. № 28.

Quine W.V.O. From a logical point of view. Cambr. (Mass.), 1951.

Szasz Th. The Myth of mental illness. N.Y.: N.Y. University Press, 1971.

ПСИХОТЕРАПЕВТ И ЕГО МАГИЯ

А.Ш. ТХОСТОВ

Тхостов Александр Шамилович — заведующий кафедрой нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор психологических наук, профессор. Автор более 200 печатных работ в отечественных и зарубежных изданиях, в том числе 4 монографий («Психология телесности», 2002; «Психосемиотика телесности», 2005; «Психологические аспекты зависимостей», 2005; «Реабилитация онкологических больных», 1996).

Область научных интересов: клиническая психология, психосоматика, психология телесности, культура и патология, методологические проблемы клинической психологии и психиатрии, психоанализ.

Контакты: acht@psy.msu.ru

Резюме

Обосновывается тезис об обязательной семиотической составляющей любого психотерапевтического процесса, обеспечивающей вклад в его эффективность. Анализируются проблемы легитимизации психотерапии и возможности ее превращения в идеологический феномен.

Ключевые слова: психотерапия, оценка эффективности, проблема легитимности психотерапии.

Писать проблемную статью о психотерапии — заведомо убыточное предприятие. Во-первых, потому что последователи различных психотерапевтических школ друг друга не читают. Во-вторых, потому, что многие психотерапевты не читают вообще, а в свободное время изобретают свои эзотерические методы психотерапии, герметично закрытые от любой возможной критики. Тем большее уважение вызывает автор, рискнувший покуситься на священную корову «индивидуального знания». Поэтому попытаюсь высказать некоторые соображения, связанные со статьей А.И. Сосланда.

Что такое психотерапия?

Я совершенно согласен с тем, что место психотерапии в общественном сознании довольно зыбко: то ли это область оккультной практики, то ли строгой науки. Правда, нужно отметить, что для обыденного сознания (да и для некоторых форм профессионального сознания) между этими сферами нет непреодолимой преграды: наука часто воспринимается как некая загадочная оккультная практика, оперирующая торсионными полями, энграммами родовой памяти, а явно мистические, каббалистические, ведические и пр. источники

совершенно серьезно обсуждаются с применением практически научной терминологии. Причем это смешение очень часто происходит и внутри определенной психотерапевтической школы: я думаю, на психотерапевтических конгрессах каждый сталкивался с явно вненаучными сообщениями, хорошо закамуфлированными наукообразным языком.

На мой взгляд, проблема заключается в том, что любая психотерапевтическая практика (и теория) представляет собой довольно сложное образование, в котором могут параллельно сосуществовать (в разных пропорциях) психотехнические приемы, элементы педагогики, обучения, возможностей самореализации, смысловые образования, проекты жизнестроительства, заместительная деятельность и пр. Легче было бы ответить, что *не может входить* в психотерапевтическую теорию и практику. Поэтому и невозможно четко локализовать психотерапию в кругу «психологических и медицинских дисциплин». Единое определение психотерапии дать невозможно, как невозможно, например, сказать, что является произведением искусства. В одном случае это может быть куча мусора, называемая инсталляцией, а в другом — Венера Милосская может восприниматься как кусок мрамора. Для одних гигантские скульптуры Будд — исторический шедевр, а для талибов — вредные каменные истуканы. Единственным выходом является уточнение того, в каком контексте мы называем то или иное действие психотерапией.

Помимо конкретных психотехнических приемов, которые мы не будем здесь обсуждать, каждая психо-

терапевтическая процедура вписана еще и в семиотический контекст. Семиотическая составляющая — интерпретация некоторого явления как элемента лечебного процесса — принципиально неустранима из любой конкретной психотерапии. А иногда, как в случае ритуального лечения или плацебо-эффекта, составляет его единственное содержание. Причем не столь уж невесомое: плацебо-эффект составляет в среднем около 30% терапевтического эффекта, а при применении определенных технологий может быть увеличен до 90% (Тхостов, 2002).

Единственное обязательное условие приобретения некоторой деятельностью функции терапии — ее мифологическое опосредование. Субъектом предполагается существование некоторого лечебного действия, связанного с мифом болезни (или сглаза, кары, венца безбрачия) и вытекающими из него представлениями о лечении. Тогда беседа может стать психоаналитической сессией, дружеская пирушка — поэтапной десензибилизацией, а эхолалия — эмпатическим слушанием. Не буду утверждать, что психотерапия сводится к такому опосредованию, подлинное психотерапевтическое воздействие может осуществляться незаметно для самого клиента, совсем необязательно оно должно быть осознано и артикулировано, но в свете тенденции к достижению информированного согласия возможности скрытой психотерапии должны последовательно сокращаться.

Родовое сходство психотерапии с ритуалом очень убедительно продемонстрировано К. Леви-Строссом в работе «Колдун и его магия» (1983).

Это ритуальное исполнение шаманом особого песнопения в момент трудных родов. В нем описывается путешествие шамана по телу больной, заканчивающееся его полной победой. Очевидно, что, хотя никакого реального путешествия не совершается, его психотерапевтический эффект неоспорим. Смысл этого песнопения заключается в следующем: оно переводит неопределенные ощущения больной в четко локализованные, понятные и, предоставляя ей язык, превращает ситуацию в безопасную, не таящую в себе ничего угрожающего.

Объективная верность мифа, лежащего в основе терапии, не имеет принципиального значения. «То, что мифология шамана не соответствует реальной действительности, не имеет значения: больная верит в нее и является членом сообщества, которое в нее верит. Злые духи, духи-помощники, сверхъестественные чудовища и волшебные животные являются частью стройной системы, на которой основано представление аборигенов о Вселенной. Больная принимает их существование или, точнее, никогда не подвергала его сомнению. То, с чем она не может примириться, это страдания, которые выпадают из системы, кажутся произвольными, чем-то чужеродным. Шаман же с помощью мифа воссоздает стройную систему, найдя этим страданиям в ней соответствующее место» (Леви-Стросс, 1983, с. 176). В этом случае различия между деятельностью шамана и, например, психоаналитика, непринципиальны: в обоих случаях цель заключается в том, чтобы перевести в область особого рода переживания,

при котором конфликты реализуются в такой плоскости, которая позволяет пациенту реализовать некоторую деятельность, пусть и чисто символическую. «Из того факта, что шаман не анализирует психику своего больного, можно сделать вывод, что поиски утраченного времени... являются лишь видоизменениями (ценностью которых пренебречь нельзя) основного метода» (там же, с. 176–182).

Проблема легитимности

В столь важной области, как охрана здоровья, во все времена и во всех странах выстраивались достаточно жесткие правила обоснования легитимности. Частично они вытекали из самих представлений о происхождении болезней или проблем, которыми занимались психотерапевты того времени, частично были обусловлены финансовыми соображениями: чем труднее стать легитимным врачом, тем лучше рынок труда, на котором он будет работать. Последнее соображение редко высказывается, но именно оно чаще всего реально действует. Часто оно обосновывается через отнесение к первому постулату: личность — настолько тонкая материя, а терапия столь сложна, что подготовка хорошего специалиста требует чрезвычайных усилий. Лучше даже, если количество усилий будет невозможно формализовать, тогда осуществляется практически прямая передача некоего сакрального знания «из рук в руки». Эзотеризм психотерапевтических знаний подчеркивается «языком посвященных», созданием специальных, практически кастовых процедур инициации.

Эти процедуры обязательно нужны, поскольку они обосновывают в глазах потребителя право на психотерапевтическую деятельность. А то мало ли кто объявит себя новым мессией! Нужны доказательства: стигмы, указания свыше, стихийные бедствия, разверстые небеса, хрустальные сферы, колпаки звездочетов, оживления трупов, в крайнем случае — золотообрезные дипломы в рамках. Это только совсем уж отчаянные люди могут рассказывать о своем божественном происхождении или о прохождении психоанализа в условиях сталинских лагерей. Правда, каждая каста, берущая на себя функции легитимизации, по законам групповой динамики стремится стать монополистом.

Часть демократически настроенных, а главное, не попавших в эти касты психотерапевтов периодически организует революции, требуя прозрачной и понятной процедуры легитимизации. Создаются новые общества, постепенно обрастающие своей иерархией. Это, конечно, плохо, но мне кажется, что отсутствие иерархии — тоже не самый лучший выход. В области психотерапии создано такое несусветное количество методик, или как их теперь называют «модальностей», что невольно закрадывается подозрение: многим проще создать свою «авторскую методику», чем освоить уже существующую. В результате рождаются такие терминологические вазелины, как «гомеопатический психоанализ», «тантрическая очистка», «акупунктурное кодирование», «снятие венца безбрачия, восстановление девственности, психоанализ», а психотерапевтические объявления напоминают рекламу недо-

рогого публичного дома. Главное, человек изобрел новый, никому до этого не известный метод, а то, что его эффективность никем не подтверждена, не столь уж и важно. Много ли общепризнанных методов имеют объективное подтверждение?

Проблема эффективности

Хотя А.И. Сосланд говорит, что эффективность психотерапии — дело давно доказанное, позволю себе с ним не согласиться. Корректно проведенные исследования весьма немногочисленны, а утверждения самих психотерапевтов о безусловной эффективности их методов можно принимать только на уровне веры (Huber, 1996). Я не знаю ни одного психотерапевта, применяющего в своей практике даже самый дикий психотерапевтический прием, чтобы он не нашел своих последователей и не мог бы продемонстрировать несколько человек, «которым стало лучше». Вопрос в том, как измерить и оценить это «лучше».

Интересны данные американского проекта Consumer reports, приводимые в статье А.И. Сосланда. Но я бы кое-что добавил к обсуждаемым фактам.

1. Никакой из методов психотерапии не имеет преимуществ перед другими. Могу поспорить, что эффективность большинства из них колеблется в районе 30%, т. е. величины плацебо-эффекта за счет общей семиотической составляющей.

2. Более длительные терапии являются более эффективными. Может быть, потому, что речь идет о более мотивированных и более «верующих» пациентах. Можно добавить,

что такую же зависимость можно ожидать в отношении более дорогостоящих методов лечения и тех случаев, когда пациенту нужно ожидать приема в длинной очереди.

5. Квалифицированные психотерапевты лучше других достигают успехов в лечении. Как и гинекологи. Но есть еще один аспект: слава терапевта — весомый вклад в семиотическую составляющую. Знаменитый целитель помогает лучше не потому, что он лучше лечит, а потому, что он более знаменит. Дорогие лекарства помогают лучше дешевых.

Сложность проведения исследований эффективности в области психотерапии по стандартам доказательных исследований (двойной или тройной слепой метод, плацебо-контроль, экспертная оценка, формализованные критерии и пр.) вполне понятна. А если исходить из идеи информированного согласия, то пациент должен знать, что он может попасть в группу плацебо. Как это совместить с этическими требованиями и тем, что плацебо, заявленное в качестве такового, — уже не настоящее плацебо, не очень понятно. Но решение, пусть и не идеальное, искать нужно. Даже непонятно, по какому поводу идет спор, вроде как у С. Довлатова: «Давайте еще обсудим, можно в гостях ложки красть или нет». Я бы согласился с мнением Ф.Е. Василюка (Василюк, 2003), что довольно нелепо требовать «объективных критериев» в деле, вся суть которого «субъективна», если бы не несколько «но»...

Во-первых, за свою «объективно неизмеримую работу» психотерапевт хочет получать вполне измеримую объективную плату. Согласимся, что у страховой кассы или работо-

дателя могут появиться основания для сомнения в качестве принципиально необъективируемого вида труда.

Во-вторых, я бы не абсолютизировал идею «субъективного улучшения». Конечно, это краеугольный камень для оценки деятельности психотерапевта. Если пациент субъективно себя чувствует лучше, то ссылки на отсутствие объективных изменений мало помогают. Но можно, например, напомнить, что нарастание когнитивного дефицита часто приводит к снижению критичности и, как следствие, некоторой эйфории, а при психотерапевтическом лечении злокачественных новообразований субъективное улучшение иногда препятствует проведению реально эффективной терапии.

В-третьих, переоценка субъективной эффективности приводит к феномену «квесалидизма» в деятельности психотерапевта. Франц Боас описал историю туземца по имени Квесалид. Не верящий в могущество колдунов и побуждаемый желанием раскрыть их обман, он добился посвящения в шаманы. Его обучили симулировать обмороки, петь магические песни, использовать «видящих», т. е. шпионов, обязанных подслушивать частные разговоры и тайно сообщать шаману сведения об источнике и симптомах болезней. Когда Квесалид решил разоблачить колдунов, он столкнулся с тем, что его лживые приемы приносили очевидный терапевтический эффект и громкую славу шамана, что заставило его переосмыслить свое отношение к колдовству (Boas, 1930). Суть феномена «квесалидизма» заключается в том, что как никакой терапевтический

эффект магических ритуалов не может обосновать существования таких хронотопов, как демоны, злые силы и пр., так и никакой успех практикующего психотерапевта не доказывает научной обоснованности теоретических постулатов, лежащих в основании используемой им техники.

Концепция аттрактив-анализа

В качестве одного из возможных метарешений А.И. Сосланд предлагает авторскую концепцию аттрактив-анализа. Он полагает, что теории и техники различных психотерапевтических школ имеют общую структурную основу и, исходя из политкорректности, признает равные права всех методов. Эта общая структура может быть описана посредством общего метаязыка. Если исключить явное злоупотребление красивыми неологизмами, отвечающими за роль метаязыка, суть проблемы, насколько я понял, сводится к следующему. Автор пытается обосновать общую структурную основу всех методов психотерапии через решение вопроса о том, что составляет ее привлекательность для заказчика. Причем привлекательность для потребителя в основном ориентирована на получение гедонистического удовольствия, а привлекательность для контролирующих (и оплачивающих) инстанций имеет рациональный характер. То, что страховая касса в принципе лишена возможности получения гедонистического удовольствия, возражений не вызывает, но непонятно, почему у субъекта не может быть рациональных оснований для занятий психотерапией. Бывает конечно, когда в рамках психотерапии происходит

смещение целей и она начинает напоминать мастурбаторную активность или превращается в специфический вариант «зависимости от психотерапевта», но никто не отменял цели адаптации субъекта к реальности.

Здесь, мне кажется, у автора происходит незаметная семиотическая подмена мусора на инсталляцию: конечно, психотерапия может быть формой иллюзорной деятельности; да, социализация связана с усвоением запретов, а психотерапия предлагает возможности их легального смягчения; да, она заполняет вакуум межличностных отношений, становится суррогатом религии. Но почему нужно представлять общество имманентно враждебным социуму, почему социализованный человек обязательно должен быть несчастным? Это не более чем иллюзия гуманистически ориентированных психотерапевтов, неявным образом исповедующих руссоистский тезис о «счастливом дикаре» и необходимости возвращения к природе. Обычно при этом речь идет не о реальной природе, полной опасностей и бытовых неудобств, а о чем-то вроде английского сада, населенного пейзажами и пейзажками.

Рассматривая психотерапевтический проект как вариант «идеобаллического сообщества», А.И. Сосланд, как мне кажется, излишне обобщает ситуацию. Я полностью с ним согласен, что очень часто психотерапевтические направления *могут стать* вариантами предприятий по производству идеологии. Живой пример этого — психоанализ, ставший в XX в. одним из господствующих идеологических течений. Это

меняет ситуацию, превращая определенные положения, лежащие в основании психотерапии, в жанр мировоззрения. Тогда, безусловно, необходима специальная процедура оценки их эффективности, но это будет исследование совсем иного дизайна. Верно и то, что часто даже относительно простые, внешне идеологиче-

ски не нагруженные виды психотерапевтической техники содержат скрытые идеологические конструкты. Но это совсем не отменяет проблемы легитимизации и оценки эффективности собственно психотерапевтической техники, которая может быть полезной или бесполезной и вне всякой идеологии.

Литература

Васильюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М.: МГППУ; Смысл, 2003.

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Прогресс, 1983.

Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002.

Boas F. The Religion of Kwakiult Indians // Columbia University Contribution to Anthropology. N.Y., 1930. № 8. P. 1–41.

Huber W. La psychologie clinique aujourd'hui. Paris: Mardaga, 1996.

Заключительное слово

НАС СПАСЕТ КЛИЕНТ

А.И. СОСЛАНД

Резюме

В тексте обсуждаются реакции коллег на статью «Психотерапия в сети противоречий». Рассматриваются позиции, с которых выступает каждый из авторов. Разбираются как методологические основания их критики, так и конкретные замечания, высказанные ими. Высказываются соображения по поводу возможных путей развития психотерапии.

Поистине счастлив тот автор, которому дано узнать, как его «слово отзовется».

Я получил пять очень ярких и интересных откликов на свою статью. Все авторы, ответившие мне, очень хорошо известны в профессиональном сообществе. За каждым из ответов стоит отдельная концепция психотерапии. Постараемся ответить на каждый отклик по очередности их поступления в редакцию.

В. Рудневу Лингво-психопатологический подход

В своем провокативном тексте В.П. Руднев пытается рассмотреть психотерапию в духе Л. Витгенштейна, т. е. как языковую игру.

Вот что он пишет: «Но любая игра, будь то исповедь или адюльтер, подразумевает одну универсальную особенность: в игре кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает. <...> Психотерапевт побеждает в том случае, если пациент выздоравливает. Пациент побеждает в том случае, если он остается больным». Далеко не всякая игра кончается победой и поражением.

Судя по классификации игр, предложенной Роже Кайуа (Caillois, 1958), оппозиция победа — поражение имеет отношение только к одному виду игр, обозначенному как «агон» — борьба. Другие игры — мимесис (подражание — искусство во всех проявлениях) и иллингс (головокружение — различные игры, направленные на создание экстремальных ощущений) — не имеют отноше-

ния к «победительно-пораженческому» контексту, а такой вид игр, как алеа (жребий — рулетка и проч.), связан с этим контекстом весьма относительно: борьба личностей здесь не самое главное.

Психотерапевт и клиент вовлечены в процесс борьбы друг с другом, и мы все хорошо знаем, что порой это именно так. Однако эта борьба вовсе не исчерпывает содержания психотерапевтической работы. Давно известно, какое значение сопротивлению придавали психоаналитики. Анализ сопротивления и переноса в психоанализе считается делом не менее важным. Думается, что на усиленную артикуляцию этих закономерностей очень повлияли классовые интересы психоаналитиков.

Мой собственный — весьма немалый — психотерапевтический опыт свидетельствует в пользу того, что клиент (особенно современный) — это существо с сильным прагматическим запросом. Никакой анализ переноса, никакой анализ сопротивления не могут сравниться по своему значению в терапевтическом процессе с проблемами той реальности, в которой живет клиент. Перенос и сопротивление — не более чем частные проблемы терапевтической работы, их значение в деле достижения эффекта несколько преувеличено. Наоборот, их огромный удельный объем в общем корпусе психоаналитической литературы более чем понятен, если учесть, какую именно пользу извлекают из них для себя психотерапевты.

Не в первый раз В.П. Руднев цитирует работу Тимоти Кроу «Является ли шизофрения платой за использование homo sapiens дискретного

языка?». Почему же только шизофрения? Душевная болезнь вообще есть такая плата, если все это на самом деле так. Никаких, однако, мало-мальски валидных доводов в пользу такого предположения не приводят ни В.П. Руднев, ни сам Т. Кроу.

Какова мотивация автора таких заявлений? Она очевидна. И по настоящей работе, и по другим публикациям мы видим, что безумие, психопатология превращаются для него в универсальные метафоры. Тем или иным способом он пытается любое проявление личности, любой вид деятельности превратить в психопатологический симптом. Все без исключения культурные практики, коммуникативные ситуации, личностные проявления рассматриваются им *sub specie dementiae*, под углом зрения безумия.

«Обратное превращение Бедлама в Вифлеем, вот вам Достоевский» — говорит герой набоковского «Дара». В.П. Рудневу этого, конечно же, мало. Мало того, что он действует в направлении, противоположном Достоевскому, судя по приведенной цитате, он превращает в Бедлам, так сказать, все, что попадает на пути.

А. Ф. Бондаренко **Социально-критический подход**

Текст А.Ф. Бондаренко лежит совсем в иной плоскости. Большое значение здесь придается социальному контексту, в рамках которого функционирует психотерапия. Социально-критический, откровенно левацкий по своей политической ориентации текст был, не скрою, достаточно неожиданным для меня в устах преуспевающего, востребованного

киевского психотерапевта, состоявшегося ученого, популярного не только в Украине автора исследований по психотерапии, ну и наконец, видного представителя христианского психологического сообщества¹.

А.Ф. Бондаренко рассматривает современную психотерапевтическую ситуацию с социологической точки зрения. Важнейшее обстоятельство современной эпохи, оказывающее влияние на психотерапию, — возникновение общества массового потребления, вначале в США, а затем и в других странах «золотого миллиарда».

Ситуация, по А.Ф. Бондаренко, нашла свое оформление в языке: «...К. Роджерс, заменив термин "пациент" (страждущий) на термин "клиент" (заказчик), окончательно инсталлировал в массовое сознание психотерапию как **одну из услуг** наряду с другими, что наилучшим образом соответствует психологии и идеологии общества массового потребления. И в самом деле, приравнивание услуг психотерапии к услугам парикмахера или косметического хирурга убивало сразу двух зайцев — спасало самооценку и повышало покупательский спрос на психотерапию. Тем самым психотерапия в том виде, в котором она сложилась во второй половине XX в., стала формой обслуживания сытых и богатых и, насколько я понимаю, таковой и пребывает».

Трудно спорить с этими утверждениями, но мне они глубоко несимпатичны. Объясню: А.Ф. Бондаренко рассматривает психотерапевтическую практику со стороны, отдаленно, не вдаваясь ни в суть, ни в тонко-

сти работы. По своему опыту скажу: на самом деле наша клиентура — это в первую очередь upper middle class (если повезет, то и upper upper), т. е. люди вполне обеспеченные. Но никто не потребляет (или, по меньшей мере, я такого не встречал) психотерапевтический товар ради самого потребления. Всегда решение пойти к психотерапевту — это результат определенной внутренней борьбы, колебаний, где реальная потребность чаще всего совпадает с серьезной клинической симптоматикой, драматическими проблемами и проч.

Порой приходится слышать рассуждения о скучающих женах «новых русских», которые, не зная, куда девать деньги и свободное время, праздно осаждают психотерапевтов с некими псевдопроблемами. В моей профессиональной жизни ничего такого никогда не было. Вне зависимости от классового происхождения клиента (а бывают, конечно, на приеме и очень небогатые люди) психотерапия всегда имеет дело с трагедиями, надрывами, неудавшимися судьбами, утерянными смыслами. Это, собственно, и есть главное в психотерапии. Внутри себя она представляет собой нечто интересное, яркое, интенсивное, наполненное. Со стороны — под биноклем отчужденного, в частности социологического, взгляда — психотерапия — это не более чем товар.

А.Б. Орлову Научковедческий подход

Статья А.Б. Орлова из всех пяти — самая полемически заостренная, на-

¹Откроем еще маленькую тайну — прекрасного лирического поэта и барда.

сыщенная оценочными суждениями. Его диагноз достаточно суров: «...психотерапии нет, пока психотерапия — это фигура умолчания. Пока она не психологическая и не медицинская специальность, она — не специальность вообще. Она — не отрасль медицины и не ее придаток. Она — не отрасль психологии и не ее придаток». Скажем сразу: психотерапия — все что угодно, но не «фигура умолчания».

А.Б. Орлов не ссылается на большое количество других авторов, высказавших аналогичные взгляды. Отношение к психотерапии как к «допарадигмальной» науке, в частности, разбирается в известном сборнике статей под редакцией А. Притца (Психотерапия — новая наука о человеке, 1999). Авторы того же круга давно дали внятный ответ на вопрос о самостоятельности психотерапии. Солидные и компетентные рассуждения на эту тему потребовали бы от нас длительной рефлексии по поводу статуса науки вообще, критериев научности и проч. Для А.Б. Орлова все намного проще. Множественность школ — нет науки, единая психотерапия — наука.

В реальности дело обстоит намного сложнее. Не лишено основания и противоположное мнение, а именно: все основные возможные идеи в этой области уже неоднократно высказаны и подробно рассмотрены, и дальнейшее развитие психотерапии будет идти только в направлении уточнения, селекции этих идей. Иначе говоря, здесь мы видим ситуацию «конца новизны», о которой применительно к искусству писали многие культурологи (Гройс, 1993; Мартынов, 2002).

Более того, получив от нашего уважаемого коллеги перечень «факторов эффективности психотерапии», мы констатируем, что он фактически описывает хорошо известную теорию «действенных факторов», которую мы обсуждали в нашей статье на примере проекта «Allgemeine Psychotherapie» (общей психотерапии) К. Граве. Таких проектов к сегодняшнему дню накопилось немало, начиная с трудов Дж. Франка и Дж. Мармора (Цапкин, 2004, с. 127). С тех пор, как мы знаем, количество авторов, предлагающих концепции «действенных факторов», «неспецифических факторов» увеличилось в геометрической прогрессии. Ясно, что присоединяться к компании «общих психотерапевтов» без основательной рефлексии по поводу уже существующих достижений в этой области немного странно, если не сказать больше. Мы привели также вполне разумные критические оценки этих взглядов («лекарства от жажды, которые надо запивать водой»).

Но уменьшают ли авторы «общих теорий» путаницу, на которую мы сетуем? Хотелось бы надеяться, что это осуществится в дальнейшем, пока же этого нет совсем. «Общая психотерапия», как это ни забавно, тоже развивается школами, как и вся предшествующая психотерапия. Разные авторы предлагают разные «общие факторы», и недалек тот день, когда представители различных направлений «единой психотерапии» сойдутся в нешуточной схватке, отстаивая свои «неспецифические» факторы эффективности. Добавим: разговоры об эффективности в середине XIX и в начале XXI в. — это два разных разговора.

Мы живем, как это ни печально, в эпоху доказательной медицины, и все заявления в этой области должны начинаться с публикации данных контролируемых исследований, проведенных по критериям, о которых А.Ш. Тхостов пишет как о трудновыполнимых: «Сложность проведения исследований эффективности в области психотерапии по стандартам доказательных исследований (двойной или тройной слепой метод, плацебо-контроль, экспертная оценка, формализованные критерии и пр.) вполне понятна».

Другой интересный для нас момент в тексте А. Б. Орлова связан с кратким анализом моей книги, сделанным вскользь, но с вполне внятным оценочным суждением. Вот что он пишет:

«Есть прецедент еще более глубоких исследований, которые на языке нашей сквозной метафоры можно было бы обозначить как своего рода "эмбриональную патологоанатомию": анализ структурных основ построения теорий и техник в психотерапии (Сосланд, 1999). Основным недостатком этой в целом замечательной попытки видится нам прежде всего в излишней увлеченности инвентаризацией уже существующего в плане психотерапевтических теорий (мифов) и техник. На наш взгляд, из трех обязательных компонентов любой психотерапевтической формы (теория, техника, практика) существенным для построения общей или единой психотерапии является толь-

ко третий компонент². Поэтому вся последующая блистательная лексикографическая работа, компаративистика, проектирование и построение "интегративных и эклектических концепций" — лишь умножение псевдосущностей и экспликация не столько "структуры психотерапии" (еще просто не сложившейся!), сколько "структуры наличного до- и псевдопсихотерапевтического поля"».

Тут надо бы внести уточнение относительно «умножения псевдосущностей». Ясно, что в моем исследовании речь идет в первую очередь об их сокращении. Предложенные «зонтичные» концепты, объединяющие многое, так сказать, под собой — это однозначно сокращающая, упаковочная процедура. Умножение псевдосущностей — это именно создание новых методов без реальных на то оснований. Это деятельность, не имеющая чаще всего никакого отношения к интересам клиента. Иронически-провокативный подзаголовок моей книги («Как создать свою школу в психотерапии»), а также пародийные проекты возможных школ имели своей целью, помимо всего прочего, поставить под вопрос как раз вечную игру «в умножение псевдосущностей» (читай: создание новых методов), которую так любят психотерапевты. Но, конечно, я не так наивен, чтобы полагать, что одна книга сможет хоть как-то окоротить психотерапевтов, для которых главное дело — любой ценой заявить новый, пусть

²Не первый раз приходится слышать о предпочтении практики перед теорией. Но все эти рассуждения сами по себе уже есть теория. Все это напоминает известный парадокс Б. Рассела: «То, что написано на этой странице, есть ложь».

абсолютно никому не нужный, но свой авторский метод. Они в эту игру продолжают с азартом играть и по сей день, и конца-края этому не видно.

Итак, по А.Б. Орлову, большие современные психотерапевтические школы — это все «недонаука», предыстория. Интересно его отношение к современным российским исканиям в этой области. Он описывает три современных проекта, а именно синергичную психотерапию Ф. Василюка, диалогическую психотерапию А. Копьева и майевтическую психотерапию А. Пузыря. Справедливо сетует при этом на то, что «...мы присутствуем отнюдь не при рождении психотерапии как таковой... а при создании очередной психотерапевтической школы, еще одной недоношенной и уродливой (т. е. частичной) психотерапевтической формы».

И далее: «Для всех трех попыток собственно психотерапевтическое отношение, психотерапевтическая практика, конкретное общение вот этого психотерапевта и вот этого клиента/пациента отодвигается за ненадобностью на какой-то несущественный (почти несуществующий) десятый план». А.Б. Орлов заметил существенную деталь, которая почти всегда присутствует при формировании новых методов, а именно создание интеллектуальных конструкций без того, чтобы уделять слишком большое внимание реальному клиенту. Здесь я с ним не просто согласен, а был согласен еще семь лет тому назад (Сосланд, 1999).

При этом наш оппонент делает очень интересное замечание: «Конечно, нельзя отрицать того очевидного факта, что во всех этих случаях

осуществляются самые чистые и благие намерения». Эти «благие намерения» он противопоставляет отдельным идеям моей книги, уже обсуждавшейся выше: «Данное обстоятельство (видимо, «чистота и благородство намерений». — А.С.) находится в полном противоречии со всеми теми инвективами и подозрениями А. И. Сосланда, адресованными всем создателям психотерапевтических форм и развернуто представленными в его замечательной книге (Сосланд, 1999)». Судя по всему, под инвективами имеется в виду мой подробный анализ властной мотивации при создании психотерапевтической школы.

Честно говоря, я знаю только одно-единственное «чистое и благое намерение» при создании психотерапии — интересы клиента. Как раз этими интересами очевидным образом пренебрегают, по словам А.Б. Орлова, «благонамеренные» создатели трех упомянутых методов. Новыми методами сегодня никого не удивишь. Эти три — капля в море. Каждый день мы узнаем в этой области что-то новое. Но вот что интересно: по удивительному совпадению все трое — люди из моего дружеского круга, и поэтому я неплохо осведомлен о том, в каком состоянии находятся их проекты.

Что касается А.Ф. Копьева, то, к великому сожалению поклонников его научного таланта, последние годы он занимается преимущественно бизнес-консультированием и к психотерапии обращает свой взор нечасто. Его публикации по диалогическому подходу можно пересчитать по пальцам одной руки, и это не дает никаких возможностей считать этот подход даже «кесаренком», по образному

выражению А.Б. Орлова. Не намного лучше в смысле создания и продвижения майевтической психотерапии обстоят дела у А.А. Пузыря. Она пока не достигла того уровня, который позволяет нам говорить о состоявшемся методе — ни в том, что касается проработки, ни в том, что касается институционализации. Совершенно по-иному складываются обстоятельства у Ф.Е. Василюка, и на этом следует остановиться поподробнее.

Методы, продвигаемые Ф.Е. Василюком (понимающая и синергичная психотерапия³), получили намного более широкое распространение, чем два вышеупомянутых. Это произошло в силу того, что Ф.Е. Василюк тратит множество усилий не только на их концептуальную проработку, но и на их распространение. Он придает огромное значение формированию пространства своего влияния. Нет такого метода в психотерапии, о котором он не отзывался бы (устно и письменно) или резко критически, или как-нибудь еще того хуже. Короче говоря, нет более подходящего примера, чем Ф.Е. Василюк, для демонстрации нашего положения, что создание психотерапевтического метода — род не просто духовного производства, но и социального поведения, которое отличается интенсивной амбициозностью, почти паранойальным упорством и известной агрессивностью. Следует ли считать все это «чистыми и благими намерениями», оставляю на усмотрение моего оппонента. Отмечу только,

что в том, что касается формирования и продвижения своего метода, радикально амбициозный Ф.Е. Василюк продвинулся намного дальше, чем другие.

А.Ш. Тхостову Мифотворческий подход

Приятно среди оппонентов встретить также и единомышленника. Вот что пишет А.Ш. Тхостов с полным на то основанием:

«Единственное обязательное условие приобретения некоторой деятельностью функции терапии — ее мифологическое опосредствование. Субъектом предполагается существование некоторого лечебного действия, связанного с мифом болезни (или сглаза, кары, венца безбрачия) и вытекающими из него представлениями о лечении».

В самом деле, трудно найти такой род гуманитарной деятельности, который не может быть встроен в психотерапевтический контекст. Но все же по большей части психотерапия, особенно современная, растет, скажем так, из себя самой. Это важное соображение: в самом деле, кто бы что ни говорил, психотерапия как практика, наука — пускай гуманитарная, ориентированная на качественные исследования — накопила больше чем достаточно собственного опыта и уже не нуждается, как раньше, в заимствованиях извне.

Исключительно интересны рассуждения А.Ш. Тхостова по поводу

³При всем своеобразии их трудно назвать революционными в смысле идейной или технической новизны. О проблеме же их клинической валидации скромно промолчим в духе Л. Витгенштейна: «О чем нельзя говорить, о том следует молчать».

роли плацебо в психотерапии. Именно здесь следует искать секрет успехов любых, даже самых откровенных шарлатанов. Само по себе понимание клиента, что им интенсивно занимаются, что есть некий человек, который предпринимает серьезные усилия по преодолению его проблем, — все это само по себе уже действительно. Думаю, что у всех психотерапевтов в послужном списке есть случаи «чудесного исцеления», когда затраченные усилия (минимальные) вдруг приводят к выдающимся терапевтическим последствиям. Высокий уровень клиентского ожидания, соответствие терапевта этим ожиданиям — все это и еще многое другое могло бы стать предметом исследований. Но первый шаг в этом направлении уже сделан в рамках интереснейших исследований эффекта плацебо, проведенных А.Ш. Тхостовым.

И третий, очень важный для нас момент в тексте А.Ш. Тхостова связан с тем, что он называет «квесалидизм». Внутренние противоречия «диссидента» внутри шаманизма Квесалида удивительно напоминают мне мои собственные сомнения, порой даже угрызения совести. Это происходит всякий раз, когда счастливый исцеленный клиент рассыпается в изъявлениях благодарности, в то время как ты, принимая его наивные восторги с ложной скромностью, на самом деле плохо понимаешь, как и чем ты помог. Живая работа, повторяюсь, оказывается очень сложным и не поддающимся учету предприятием. Она крайне редко соответствует тому, что мы встречаем в книжных описаниях, в обучающих тренинговых ситуациях и проч.

Е.Л. Михайловой **Социокультурный подход**

Е.Л. Михайлова вводит в структуру нашей полемики очень важную фигуру: «...психотерапия является не только "клинической и научной дисциплиной, доказавшей свою эффективность", но и *социокультурной практикой* особого рода». Нельзя с этим не согласиться, тем более, что этой теме посвящена существенная часть нашего исследования (Сосланд, 1999). Интересно здесь, думается, не просто это обстоятельство само по себе, а то, что между психотерапией как терапией и психотерапией как культурной практикой существует определенный конфликт. Приходится даже говорить о частичном забвении психотерапией своей основной функции в пользу культурного реноме. Существенная часть психотерапевтического дискурса, серьезная часть внутрипрофессиональной полемики не имеет отношения к клиенту с его нуждами и проблемами. Идеологическое и культур-центрированное расширение психотерапии, как нам представляется, есть ее судьба, нечто неизбежное, но одновременно создающее особую привлекательность психотерапии как специфической практики.

Мы разделяем также тревогу Е.Л. Михайловой по поводу судеб психотерапии на фоне процессов ее легитимизации и официализации. Ссылаясь на работу П. Бурдые «Практический смысл», где он пишет о том, что эти процессы подрывают основы культурной практики, Е.Л. Михайлова не без оснований тревожится, что «как раз официализация является главным искушением

психотерапии последней четверти XX в.».

Эта мысль весьма понятна. В самом деле, психотерапия развивалась как маргинальное дело, стоящее до последнего времени вне официальных институтов. Признание со стороны университетской науки, с одной стороны, дает психотерапевтам более надежный статус, страхует их и клиентов. С другой стороны, мы не без оснований опасаемся, что исчезнет что-то самое интересное в нашей работе. Креативное действие осуществляется за пределами регламента, надзора, упорядоченности, репрессии — словом, всего того, что несет с собой легитимизация. Забота об официальном признании психотерапии началась, как известно, еще с Фрейда, который положил на это много усилий. Рассуждая, однако, таким образом, Е.Л. Михайлова, как и многие другие, продолжает развитие психотерапевтического дискурса как дискурса культурной практики, о чем говорилось выше. Ясно, что клиенту относительно безразличны соображения интеллектуальной иерархии внутри профессионального сообщества, он ориентирован на непосредственную помощь и на возможность защиты в непредвиденных ситуациях.

Конец или начало?

Нам приходилось уже писать о весьма распространенном в последнее время типе текстов, которые были нами обозначены как «псевдоапокалиптические» (Сосланд, 2000). Речь идет о провозглашениях разного рода «конца автора, искусства, субъекта» и проч. Аналогичное рас-

суждение можно представить себе и по отношению к психотерапии.

Можно говорить о некоем вызове конца истории психотерапии. Сегодняшний день развития психотерапевтического дела характеризуется, на наш взгляд, сочетанием ощущения избыточности деятельности в области создания новых методов и одновременно ощущением исчерпанности возможностей для этой работы. С другой стороны, как стало особенно ясно из данного обсуждения, легитимизация, исследования эффективности — все это процессы, далеко не однозначно благие в области психотерапии. Непонятно, находимся ли мы сейчас в начале каких-то важных процессов или в ситуации некоего конца. Выход мне видится один; возможно, это прозвучит неясно и риторически.

Итак, кто же нас спасет?

Психотерапия, как это видно из всех выступлений, есть нечто такое, что само по себе нуждается в определенном роде терапии. Хочется спросить: кто же нас, психотерапевтов, спасет?

Спасет клиент, скромно стоящий где-то в стороне. Робко ждущий того момента, когда важные ученые господа, занятые проблемами мифотворчества, культурных практик, уделят внимание и ему. Следует обратить внимание на то, что, обсуждая разные аспекты психотерапевтического знания, все участники дискуссии, включая автора этих строк, поразительно мало касались именно этой фигуры, ключевой для всей психотерапии. Думается, необходимо культивировать такие формы дискурса,

в которых клиент, а не психотерапия как некая самостоятельная сущность был бы центральной фигурой.

Большая шпаргалка

С этой точки зрения вся сумма психотерапевтических знаний приобретает новый статус: мы должны ориентироваться не на свои предпочтения и вкусы, а иметь в виду все воз-

можные концепции и приемы. Всю сумму психотерапевтического знания следует рассматривать как одну большую шпаргалку, которую мы держим в голове и пускаем в ход тогда, когда нам это необходимо. Тогда и процесс образования претерпит определенные изменения — обретет характер тотальности, и вся сумма знаний будет представлена в нем адекватно.

Литература

Гройс Б. О новом // Утопия и обмен. М.: Знак, 1993. С. 113–244.

Мартынов В.И. О проблеме новизны // Конец времени композиторов. М.: Русский путь, 2002. С. 121–128.

Психотерапия — новая наука о человеке. Екатеринбург; М.: Академический проект, 1999.

Сосланд А.И. Фундаментальная структура психотерапевтического мето-

да, или Как создать свою школу в психотерапии. М.: Логос, 1999.

Сосланд А.И. Удовольствие от Апокалипсиса // Логос. 2000. № 3–4. С. 108–115.

Цапкин В.Н. Единство и многообразие психотерапевтического опыта. М.: МГППУ, 2004.

Caillois R. Les Jeux et les hommes. Gallimard, Paris, 1958.

Короткие сообщения

ПСИХОДИАГНОСТИКА КАК НАУЧНАЯ ОСНОВА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАКТИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА

А.Ф. АНУФРИЕВ

В настоящее время значительно возросло внимание к теоретическим проблемам психологической диагностики (Бурлачук, Морозов, 1999; Войтко, Гильбух, 1976; Диагностика способностей..., 1989; Общая психодиагностика..., 2000; Психодиагностика..., 1986; Психологическая диагностика..., 2001, и др.). Психологическая диагностика в своем развитии достигла такого этапа, когда только дальнейшее увеличение числа методик и их совершенствование, связанное с усилением их разрешающей способности и достижением более высоких психометрических характеристик, не позволяет обеспечить повышения эффективности психологического диагноза и качественного улучшения подготовки практического психолога. Одним из условий успешного развития психологической диагностики является опора на методологические положения общей теории диагноза, синтезирующей опыт осуществления диагностической деятельности в различных областях

общественной практики (медицине, технике, экономике и т. п.). Актуальной становится реализация тезиса о единстве общего и специфического в психологическом диагнозе. Такой подход позволяет шире взглянуть на проблемы психологической диагностики с позиций имеющихся в различных областях современной практики и науки достижений, определить уровень ее развития, а также более конкретно представить его дальнейшие пути.

В данной работе излагаются результаты проведенного автором теоретико-методологического анализа психодиагностики с позиций общей теории диагноза (Ануфриев, 1993).

Психодиагностика как практическая деятельность и научная дисциплина. Психодиагностика как практическая деятельность представляет собой: 1) процесс распознавания 2) актуального состояния психологических особенностей отдельного человека или группы людей как причин параметров деятельности или психи-

ческого состояния 3) с точки зрения соответствия норме, задаваемой в рамках той или иной концепции. Процесс распознавания 4) осуществляется на основе известной диагносту системы понятий как подведение обследуемого (человека или группы) под общий тип или категорию 5) в целях прогнозирования психологических особенностей, реализации профилактического, развивающего или коррекционного воздействия на них для обеспечения требуемых параметров деятельности или психического состояния.

Психодиагностика как научная дисциплина является разделом практической психологии, который выполняет функцию непосредственной теоретической основы одного из видов деятельности практического психолога, а именно диагностической. С содержательной точки зрения психодиагностика представляет собой сконцентрированный, обобщенный и проанализированный опыт диагностической деятельности практического психолога, изложенный в удобной для других форме и направленный на улучшение психологического диагноза.

Структура психодиагностики как научной дисциплины. Психодиагностику образуют четыре неразрывно связанных компонента — семиотический, технический, деонтологический и логический. Семиотический

компонент содержит описание диагностических признаков нормального состояния объекта психодиагностики и отклонений от него. В нем осуществляется описание видов отклонений в поведении и психическом состоянии обследуемого, а также описание их возможных психологических причин. В техническом компоненте дается характеристика методов обследования объекта диагностики, формулируются принципы разработки и использования психодиагностических методик. Деонтологический компонент связан с вопросами взаимоотношения диагноста с обследуемым, с комплексом этических правил, которыми должен руководствоваться психолог-практик. Здесь формулируются принципы поведения и общения диагноста с обследуемым. В логическом компоненте¹ характеризуется диагностическое мышление практического психолога, процесс постановки психологического диагноза. Этот компонент является наиболее важным. Он предъявляет ко всем остальным компонентам ряд требований, необходимость выполнения которых определяет их подчиненное значение. К семиотическому компоненту он предъявляет требование полноты описания структуры объекта диагностики и видов отклонений в его состоянии на феноменологическом уровне и на уровне причинных оснований, к техническому —

¹Термин «логический» не совсем удачен для обозначения компонента психодиагностики, характеризующего диагностическое мышление практического психолога, поскольку мышление психолога по установлению диагноза может быть не только логическим, но и интуитивным. Однако мы полагаем, что на данном этапе анализа этот термин можно оставить без изменения, учитывая высказанное уточнение относительно двоякой формы протекания мыслительного процесса при установлении диагноза.

портативности применяемых психодиагностических методик, их адекватности запросу и выдвигаемым гипотезам, надежности и точности измерения, к деонтологическому — получения необходимой для постановки диагноза информации без нанесения ущерба обследуемому и соблюдения этических норм.

При определении современного состояния психодиагностики следует отметить, что наибольшее развитие в настоящее время получил технический компонент, связанный с разработкой психодиагностических методик.

Процесс постановки психологического диагноза. В литературе, посвященной теоретико-методологическим проблемам психодиагностики, проводится содержательное изучение отдельных понятий, характеризующих процесс установления психологического диагноза, — объекта психодиагностики (Войтко, Гильбух, 1976), психодиагностического процесса (Психодиагностика..., 1986; Бурлачук, Морозов, 1999), психодиагностической ситуации (Общая психодиагностика..., 2000; Дружинин, 1990), диагноза (Войтко, Гильбух, 1976; Бурлачук, Морозов, 1999). Вместе с тем задача построения и обоснования целостной концептуальной схемы, полно описывающей психодиагностический процесс, остается нерешенной.

Поскольку психодиагностика выступает в качестве непосредственной теоретической основы «живой» диагностической деятельности практического психолога, понятийный аппарат, характеризующий процесс постановки психологического диагноза, представляет собой вторичную, отра-

женную форму существования психодиагностической практики. В связи с этим в систему его основных понятий включаются такие понятия, как объект и субъект психодиагностической деятельности, психодиагностическая задача и ситуация, психодиагностические средства, процесс и психологический диагноз.

Объект психодиагностики. В самом общем смысле объектом психодиагностики является обследуемый (человек или группа людей). Для практического психолога он выступает в двух аспектах: как сосубъект деятельности распознавания и как система психической регуляции. Как сосубъект деятельности распознавания обследуемый обладает правом свободного поведения в диагностической ситуации, способствует или препятствует получению психодиагностической информации при проведении обследования.

Как система психической регуляции объект психодиагностики имеет иерархическое строение. В нем различаются два уровня: феноменологический и причинных оснований. Первый уровень образуют задаваемые требованиями практики или обусловленные необходимостью адаптации к окружающей среде феноменологические переменные. Элементы уровня причинных оснований представляют собой психические явления, выступающие в функции регуляции деятельности или психического состояния. Отклонения значений феноменологических переменных, в качестве которых выступают параметры деятельности или психического состояния обследуемого, служат показателями того, что соответствующие психические регуляторы в

данное время действуют недостаточно эффективно, и, соответственно, задача практического психолога состоит в том, чтобы их найти и обеспечить необходимое развивающее или коррекционное воздействие.

В качестве *субъекта психодиагностики* выступает отдельный человек, группа людей, организация или сам обследуемый, но не тест или набор тестов. Существенной характеристикой субъекта психодиагностики как носителя деятельности распознавания является оказание практической помощи обследуемому на основе учета его психологических особенностей. По наличию специальной подготовки и стремлению строго определить границы компетенции различают субъекта житейски-эмпирической и научной психодиагностики.

Психодиагностическая задача. Отражая состояние реального объекта психодиагностики, с которым имеет дело практический психолог, практическая психодиагностическая задача представляет собой совокупность сведений о состоянии обследуемого при указании его желаемого состояния, принимаемого за норму, и поставленной цели установить диагноз в случае реального или предполагаемого отклонения состояния от нормального.

Структуру психодиагностической задачи образуют цель и условия. Целью психодиагностической задачи является ответ на вопрос о причинах, обусловивших определенное состояние объекта психодиагностики. Своеобразие условий психодиагностической задачи заключается в том, что значительная их часть не дана диагносту явно и в полном объеме в самом начале решения за-

дачи, а устанавливается и формулируется им в ходе проведения обследования.

Другая особенность условий психодиагностической задачи состоит в том, что, помимо указанной эмпирической, они имеют еще априорную составляющую, которую образуют имеющиеся у практического психолога до проведения обследования сведения, в частности, представление о структуре психики, на которое опирается психолог при выполнении диагностической деятельности.

Психодиагностическая ситуация. Психодиагностическая ситуация представляет собой совокупность не изменяющихся на протяжении установления диагноза общих организационных условий осуществления диагностической деятельности. Она задается требованиями практики и определяется наличием или отсутствием у обследуемого права самостоятельно вступать в диагностический процесс и выбрать свое поведение на основе его результатов. Психодиагностическая ситуация обусловливает продуктивность взаимодействия преследующих собственные цели (совпадающие или не совпадающие) участников диагностического процесса, влияет на получаемую диагностическую информацию, в частности на результаты тестовых испытаний (Общая психодиагностика..., 2000).

Психодиагностическая ситуация создается совместными усилиями участников диагностического процесса — практического психолога и обследуемого. Различие их позиций заключается в том, что для практического психолога работа с обследуемым в диагностической ситуации является

необходимым условием решения научно-практической задачи. Для обследуемого же взаимодействие с диагностом — событие, определяющее его дальнейший жизненный путь. Личностная значимость для обследуемого полученных в диагностическом процессе результатов обуславливает его активную позицию в нем.

Средства психодиагностики. С помощью средств психодиагностики осуществляется психодиагностическая деятельность практического психолога. Это не только психодиагностические методики, но и специфические описания объекта практической деятельности, психодиагностического процесса, методы построения диагностического заключения. Специфические описания объекта психодиагностики включают классификации отклонений в параметрах деятельности, психического состояния и классификации соответствующих им психологических причин, схемы психологической детерминации, психодиагностические таблицы, структурные модели психики. К специфическим описаниям психодиагностического процесса относятся психодиагностограммы, диагностические алгоритмы, программы и схемы обследования. Методами построения психодиагностического заключения являются интуиция и логические методы постановки диагноза.

Психодиагностический процесс. Психодиагностический процесс характеризуется по форме его реализации и содержанию. По форме осуществления он представляет собой опосредованное психодиагностическими методиками взаимодействие диагноста с обследуемым, направленное на установление психологи-

ческого диагноза. По содержанию это выбор ограниченного количества из множества гипотез о психологических причинах отклонений параметров деятельности или психического состояния обследуемого.

Психологический диагноз. Психологический диагноз является результатом деятельности практического психолога. В содержательном отношении он представляет собой соответствующее запросу логическое заключение о состоянии психологических переменных, обуславливающих определенные параметры деятельности или психического состояния обследуемого. Психологический диагноз формулируется в понятиях современной психологической науки. Он выполняет функции описания, объяснения, предсказания, а также средства оказания психологической помощи.

Эвристичность общенаучного подхода. Реализация общенаучного подхода к психодиагностике позволила оценить ее современное состояние, установить (и подтвердить) важные для психодиагностики теоретические положения. Наиболее значимые среди них следующие:

1) необходимо различать психодиагностику как один из видов деятельности практического психолога и как научную дисциплину, выполняющую функцию непосредственной ее теоретической основы;

2) психодиагностика как научная дисциплина имеет четырехкомпонентное строение, включающее семиотический, технический, деонтологический и логический компоненты;

3) ведущая роль принадлежит психодиагностике как науке об установлении диагноза практическим

психологом, т.е. ее логическому компоненту, а все остальные компоненты имеют подчиненное значение;

4) распространенное понимание психодиагностики как науки о разработке и применении психодиагностических методик предполагает, что на научной основе могут разрабатываться только диагностические методики. Возможность изучения диагностической деятельности практического психолога с помощью научных методов в рамках такого понимания исключается, и соответственно снимается перспектива ее оптимизации на базе научных данных;

5) представление о психодиагностике как науке о разработке и применении психодиагностических методик приводит также к отождествлению психодиагностики с одним из ее компонентов (техническим), искажает конечные цели психодиагностики. Основной задачей диагностики признается не оказание помощи обследуемому, а разработка одного из видов ее инструментов;

6) понятийный аппарат, характеризующий процесс установления диагноза практическим психологом, представляет собой отраженную форму существования психодиагностической практики.

Перспективы. Психодиагностическая практика. Полученное в результате теоретико-методологического анализа представление о психодиагностике как науке об установлении диагноза практическим психологом позволяет оптимизировать диагностическую деятельность практического психолога, повысить ее эффективность посредством:

– формулирования требований к оснащению рабочего места практиче-

ского психолога специальными средствами диагностической деятельности, в числе которых специфические описания объекта психодиагностики, средства оценки состояния элементов объекта психодиагностики (диагностические методики), специфические описания психодиагностического процесса. Использование перечисленных средств позволит сократить количество выдвигаемых гипотез, время диагностического поиска, повысить качество психологического диагноза;

– регуляции психодиагностического поиска, обнаружения его противоречий и недостатков на базе основных понятий, характеризующих процесс установления диагноза практическим психологом и выполняющих в диагностическом поиске роль стратегических ориентиров;

– описания случаев из диагностической практики на основе единой схемы, которая позволяет осуществить регистрацию и накопление собственного опыта диагностической деятельности, предоставляет возможность знакомства с опытом других практических психологов.

Исследовательская и научно-практическая работа. Помимо совершенствования психодиагностической практики, проведенный анализ теоретических основ психодиагностической деятельности позволяет наметить программы исследовательской и научно-практической работы в области психологической диагностики. Первая предполагает выделение особого предмета исследования, обуславливающего новое направление научной работы в психологии, – деятельности психолога по установлению диагноза у обратившегося за

помощью человека, т. е. психодиагностической практики.

Программа научно-практической работы, не предполагая получения новых знаний относительно современного уровня развития психологической науки, имеет целью обобщение опыта диагностической работы в различных областях практики и преобразование знаний фундаментальной психологической науки в способы их применения на практике. Она включает построение для типовых диагностических задач психодиагностических таблиц, схем психологической детерминации, структурных

моделей объекта психодиагностики, схем обследования; создание пакетов психодиагностических методик и т. д.

Реализация программ исследовательской и научно-практической работы предполагает учет опыта функционирования психологических служб, требует привлечения большого количества специалистов из различных сфер общественной практики. От успешности реализации указанных программ будут зависеть эффективность диагностической деятельности практического психолога и возможности оказания психологической помощи на ее основе.

Литература

Ануфриев А.Ф. Психологический диагноз: система основных понятий. Киров, 1993.

Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психологической диагностике. СПб., 1999.

Войтко В.И., Гильбух Ю.З. О некоторых основных понятиях психодиагностики // Вопросы психологии. 1976. № 4. С. 16–31.

Диагностика способностей и личностных черт учащихся в учебной деятельности / Под ред. В.Д. Шадрикова. Саратов, 1989.

Дружинин В.Н. Психологическая диагностика способностей: теоретические основы. Саратов, 1990.

Общая психодиагностика: Основы психодиагностики, немедицинской психотерапии и психологического консультирования / Под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. М., 2000.

Психодиагностика: теория и практика / Под ред. Н.Ф. Тальзиной. М., 1986.

Психологическая диагностика / Под ред. К.М. Гуревича и др. М., 2001.

Ануфриев Александр Федорович, Московский государственный открытый педагогический университет им. М.А. Шолохова, доктор психологических наук, профессор

Контакты: alexfedo@rol.ru

ТЕНДЕНЦИИ ВОСПРИЯТИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА ПО ЧАСТИЧНО ОТКРЫТОМУ ЛИЦУ

В.А. БАРАБАНЩИКОВ, А.О. БОЛДЫРЕВ

Существуют экспериментальные данные, согласно которым по фотоизображению анфас целого лица две трети индивидуально-психологических свойств натурщиков оцениваются верно (Барабанщиков, Носуленико, 2004). Изменяются ли эти оценки, если наблюдателю в силу окклюзии будет открыта лишь часть лица, например правая (левая) или верхняя (нижняя) половины? Решение этой задачи представляет интерес в трех отношениях. Во-первых, задача отвечает требованиям экологической валидности, приближая исследования восприятия выражения лица к естественным условиям. Во-вторых, проливает свет на конкретные механизмы формирования образа личности человека в процессе общения. В-третьих, имеет практический выход — определение эффективных способов маскировки и распознавания выражения лица.

Хотя экспериментально обоснованный ответ на поставленный вопрос отсутствует, известен ряд данных позволяющих высказать общие пред-

положения. В частности, основные элементы лица (глаза, рот, нос, лоб, брови и т. д.) являются индикаторами определенных свойств и состояний личности (Bruce, Young, 2000; Ekman, 2004). Каждая половина лица несет определенную функциональную нагрузку: левая более экспрессивна и изменчива, правая — больше привлекает внимания (Леви, 1995); в верхней части располагается смысловой центр лица (глаза), в нижней — основной источник информации о состоянии человека и его готовности действовать (рот) (Барабанщиков, 2002; Ekman, Friesen, 1975). Вместе с тем в процессе оценивания личности человека наблюдатели ориентируются не столько на отдельные элементы фотоизображения, сколько на лицо в целом. Лицо как целое оказывается более информативным, чем совокупность его частей (Tanaka, Fara, 2003). Ключевым условием эффективного распознавания лица является взаимосвязь между его элементами либо частями (Ellis, 1986). Наиболее точно оцениваются полная экспрессия, т. е.

¹Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 04-06-00 289а.

состояние человека, представленное одновременно во всех зонах лица (Барабанщиков, Малкова, 1986).

Таким образом, эмпирический материал указывает на то, что при окклюзии лица весьма вероятно снижение адекватности восприятия индивидуально-психологических свойств и состояний коммуниканта. Если это действительно так, то на сколько и при каких условиях происходит снижение адекватности? Отражается ли это на основных процессах межличностного восприятия — идентификации, проекции, интроекции, атрибуции? Ответы на подобные вопросы могло дать только прямое экспериментальное исследование.

Методика исследования

Технология исследования построена на сопоставлении черт личности натурщика, зрителя (испытуемого) и оценок зрителем индивидуально-психологических особенностей натурщика по фотоизображению его лица — целого либо фрагментарного. В значительной степени она повторяет методику В.А. Барабанщикова и С.М. Федосенковой (Барабанщиков, Носуленко, 2004; Федосенкова, 2003) с одним существенным добавлением:

вводится окклюзия различных частей фотоизображения лица.

Стимульный материал. В качестве тест-объектов использовались черно-белые фотографии (9×12 см) двух мужских (25 и 33 года) и двух женских (24 и 28 лет) лиц до плечевого пояса анфас. Испытуемым демонстрировалось пять разновидностей каждого из фотоизображений: полное и четыре фрагментарных, представленных нижней (подбородок, рот, кончик носа), верхней (глаза, брови, лоб), правой и левой половинами лица. Фрагментарность изображений достигалась окклюзией (загораживанием) противоположной части лица, причем таким образом, чтобы его контур оставался неизменным (рис. 1).

Процедура. Фотографии демонстрировались в случайном порядке на экране дисплея. От испытуемого требовалось оценить черты характера человека, изображенного на фотографии, с помощью шестнадцати семибальных шкал, построенных на основе 16 PF Кеттелла. В отличие от более ранней методики каждому фактору Кеттелла ставилось в соответствие не три, а только одна из особенностей личности, получившая наивысший экспертный балл (см.: Барабанщиков,

Рис. 1

Пример стимульного материала

Носуленко, 2004, с. 377–379). До выполнения основного задания оценивались индивидуально-психологические особенности натурщиков и испытуемых.

Испытуемые. В экспериментах приняли участие 120 испытуемых (80 женщин и 40 мужчин) — студенты Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского в возрасте 16–25 лет. Это дало 2400 ситуаций восприятия выражения лица, образовавших поле первичных данных.

Принципы анализа. В ходе исследования было получено три ряда личностных профилей: 1) испытуемого (зрителя), 2) натурщика и 3) его оценки испытуемым по фотографии. Последний характеризует состав и структуру восприятия черт личности натурщика, изображенного на фотографии. Степень соответствия оценочного профиля профилю натурщика рассматривалась как мера адекватности восприятия его личности. Величина согласования оценочного профиля и профиля личности испытуемого указывала на включенность в перцептивный процесс Я-концепции зрителя (в форме резонанса либо проекции). Рассогласование оценочного профиля с профилями личности и натурщика, и зрителя давало информацию о коммуникативном опыте зрителя, его представлении о других людях (в форме интроекции либо атрибуции).

По каждому оценочному профилю подсчитывались процент совпадений значений шкал с соответствующими значениями профиля натурщика и профиля испытуемого, а также степень их согласованности.

В качестве зависимых переменных использовались базовые показатели межличностного восприятия (резонанс, проекция, интроекция, атрибуция) и ряд специальных коэффициентов (см. ниже), подсчитанных индивидуально для каждой ситуации восприятия.

Понятийный аппарат. При обработке и анализе экспериментальных материалов учитывались следующие соотношения индивидуально-психологических особенностей натурщика и зрителя: 1) *консонанс* (С) — совпадение значений шкал в профилях натурщика и зрителя; 2) *резонанс* (R) — совпадение значений одних и тех же шкал в профилях натурщика, зрителя и оценки натурщика зрителем; 3) *проекция* (P) — совпадение значений одних и тех же шкал в оценочном профиле и профиле индивидуально-психологических особенностей зрителя при их отсутствии в профиле личности натурщика; 4) *интроекция* (I) — совпадение значений шкал оценочного профиля и профиля натурщика, отсутствующих в личностном профиле зрителя; 5) *атрибуция* (A) — значения шкал оценочного профиля, которые не соответствуют ни профилю зрителя, ни профилю натурщика.

Величина консонанса указывает на близость индивидуально-психологических особенностей зрителя и натурщика. Резонанс выражает совокупность общих черт личности коммуникантов. Перенос собственных свойств зрителя на личность натурщика, которых он в действительности лишен, характеризует проекцию. Ее противоположностью является интроекция, или обнаружение действительных черт личности натурщика,

отсутствующих у воспринимающего. Наконец, атрибуция означает наделение натурщика индивидуально-психологическими особенностями, которыми не обладает ни он сам, ни зритель. Перечисленные феномены носят операциональный характер, дополняют друг друга и выступают как различные стороны одного и того же целого — межличностного восприятия.

Обработка данных. Статистическая обработка проводилась с использованием пакета SPSS 10.0 методом дисперсионного анализа по схеме $2 \times 2 \times 5$. Пол зрителя (2 уровня — мужской/женский) относился к межсубъектным факторам; тип фотоизображения (2 уровня — мужское лицо/женское лицо) и тип окклюзии (5 уровней — нулевой/сверху/слева/справа/снизу) выступали в качестве внутрисубъектных факторов. Статистическая значимость эффектов фиксировалась на уровне $p = 0.05$ (при этом в большинстве случаев p -значения не превышали 0.001). Все построенные модели обладают статистической значимостью.

Результаты исследования

Оценка индивидуально-психологических особенностей натурщика по целостному изображению его лица. Согласно полученным данным, средние доли резонанса, проекции и интроекции в формировании образа натурщика примерно одинаковы: $R = 18.0\%$ ($SD = 11.2$), $P = 20.5\%$ ($SD = 11.6$), $I = 21.9\%$ ($SD = 11.2$); общий диапазон изменений параметров — 0–63%. Существенно большее влияние оказывает атрибуция: $A = 40.1\%$ ($SD = 15.1$); диапазон

изменений — 6–81%. Общее соотношение параметров носит устойчивый характер и не зависит от пола испытуемых и типа лица натурщика. Вместе с тем в каждом конкретном случае оно широко варьирует, а один или два из них становятся доминирующими.

Таким образом, по фотоизображению целостного лица верно оценивается почти 40% черт личности натурщика (диапазон адекватных оценок — 6–81%); из них около половины связано с Я-концепцией зрителя. Сопоставление полученных данных с результатами исследования В.А. Барабанщикова и С.М. Федосеевской показывают, что ключевые тенденции межличностного восприятия, обнаруженные ранее, сохраняются; различия касаются распределения долей и связанных с ними абсолютных значений параметров. В частности, в данном исследовании вклад проекции уравнивается со вкладами резонанса и интроекции, а средняя адекватность восприятия по всей выборке падает на 20%. Очевидно, что последнее вызвано различиями в технологии получения первичных данных: по отношению к прототипу новая методика носит упрощенный, или вырожденный (в математическом значении термина), характер.

Адекватность оценок личности натурщика. Основным показателем адекватного восприятия личности натурщика служит специальный коэффициент, который выражает отношение разности смешанного резонанса ($R + I$) и смешанной атрибуции ($A + P$) к сумме всех оцениваемых параметров:

$$K_{ad} = \frac{(R + I) - (A + P)}{R + I + A + P}$$

Чем больше $R + I$, тем объективнее воспринимается натурщик, и наоборот. При $K_{ad} > 0$ преобладает адекватное, при $K_{ad} < 0$ — неадекватное восприятие личностных свойств.

В использованной выборке общий диапазон изменений $-0.88 \leq K_{ad} \leq 0.63$, средние значения у женщин и мужчин не различаются ($K_{ad} = -0.21$ ($SD = 0.28$)). Следовательно, в целом люди, изображенные на фотоснимках, оцениваются не совсем такими, какими они кажутся сами себе, а возможно, и являются на самом деле.

Дисперсионный анализ данных, проведенный без учета влияния пола зрителя (тип лица натурщика \times разновидность окклюзии), демонстрирует значимое влияние на K_{ad} типа лица ($p < 0.01$), наличия и расположения окклюзии ($p < 0.01$) и их взаимодействия ($p < 0.01$). Сравнение доверительных интервалов (95%) приводит к следующим результатам.

Эффективность восприятия личности натурщика по правой ($M = -0.293$, $SD = 0.019$) и левой ($M = -0.295$, $SD =$

0.019) половинам лица практически совпадает и неотличима от оценок изображения в целом ($M = -0.289$, $SD = 0.019$). Менее точно оценивается нижняя часть лица ($M = -0.328$, $SD = 0.019$) и хуже всего — верхняя ($M = -0.365$, $SD = 0.02$) (рис. 2).

Полученный результат указывает на сходство механизмов восприятия целого и вертикально разделенного лица и их отличие от механизмов восприятия лица, разделенного по горизонтали. Это предположение подтверждается тем, что значимых различий в действии соответствующих условий (открытое лицо, окклюзия справа, окклюзия слева) на оценку выражения разных типов лица не выявлено. Эффект взаимодействия типов лица натурщика и его окклюзии проявляется только для горизонтального разделения и имеет следующий вид (рис. 3).

Согласно графикам, окклюзия верхней половины лица натурщиц-женщин улучшает, а окклюзия нижней — ухудшает оценку индивидуально-психологических особенностей. При восприятии натурщиков-мужчин это

Рис. 2

Зависимость K_{ad} от типа окклюзии (Ок) лица натурщика
(1 — Ок отсутствует, 2 — Ок сверху, 3 — Ок справа, 4 — Ок слева, 5 — Ок снизу)

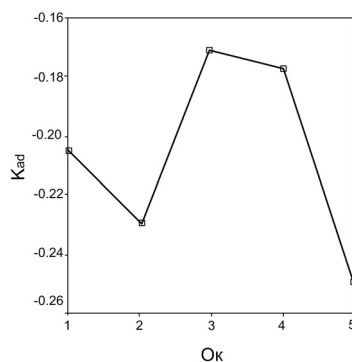
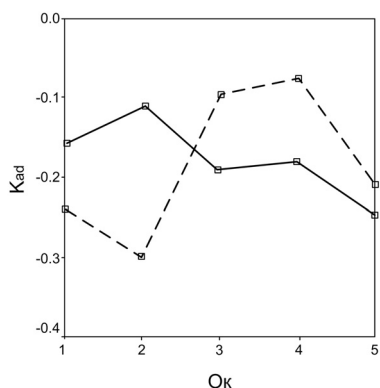

Рис. 3

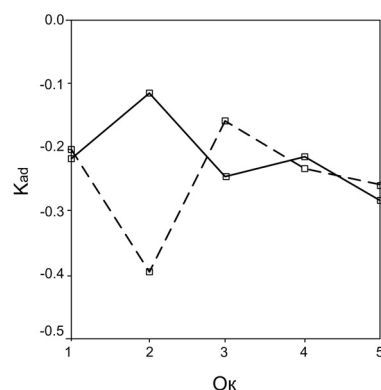
Взаимодействие типа лица натурщика и типа окклюзии (Ок)

(группировка испытуемых по полу):

сплошная линия — женское лицо, пунктирная линия — мужское лицо; 1 — Ок отсутствует, 2 — Ок сверху, 3 — Ок справа, 4 — Ок слева, 5 — Ок снизу

а) Испытуемые-мужчины

б) Испытуемые-женщины

отношение меняется на противоположное: выражение верхней части мужского лица воспринимается более адекватно, чем нижней.

Обратим внимание, что адекватность восприятия выражения целого лица не всегда является высокой. Например, мужское лицо, разделенное по вертикали (рис. 3а) и нижняя половина женского лица (рис. 3б) оцениваются более эффективно ($p < 0.001$), чем без окклюзии. Это говорит о различной природе механизмов восприятия целого и фрагментарного лица.

Учет дополнительного фактора — пола зрителя — показывает, что по сравнению с испытуемыми-женщинами ($M = -0.339$, $SD = 0.028$), испытуемые-мужчины оценивают личностные черты натурщиков более адекватно ($M = -0.263$, $SD = 0.02$). Этот результат соответствует и оценкам открытого лица. Вместе с тем значимых взаимодействий пола зри-

теля и типа лица натурщика, пола зрителя и типа окклюзии, а также пола зрителя, типов лица натурщика и окклюзии не обнаружено. Следовательно, гендерные различия зрителей сами по себе не оказывают влияния на восприятие целого и фрагментарного лица. Не зависят от пола испытуемых взаимодействия типов лица натурщика и разновидностей окклюзии, описанные выше.

Обсуждение результатов

Таким образом, окклюзия лица действительно меняет характер его оценок. Они многозначны, зависят от типа (пола и конституции) лица натурщика и расположения окклюзии. Влияние на эти оценки гендерных различий весьма ограничено. Хотя средняя эффективность распознавания личностных черт по сравнению с целым лицом остается

неизменной, соотношение показателей межличностного восприятия оказывается иным.

Целесообразно отметить две наиболее общие тенденции межличностного восприятия, выявившиеся в условиях окклюзии лица.

1. Демонстрация целого лица сама по себе недостаточна для эффективного распознавания индивидуально-психологических свойств натурщика. Окклюзия способна как ослабить, так и усилить адекватность восприятия выражения лица.

Это означает, во-первых, что каждая часть лица обладает собственными возможностями выражения личностных черт натурщика, т. е. обладает экспрессивным потенциалом; во-вторых, эти возможности неодинаковы и зависят от типа лица натурщика и разновидности окклюзии; в-третьих, между частями лица существуют взаимовлияния, сохраняющие, усиливающие либо ослабляющие экспрессивный потенциал отдельных частей и лица в целом. Возможность адекватного выражения внутреннего мира личности может быть как высокой, так и низкой, равномерно и неравномерно распределенной по поверхности лица, одно-сторонней или многосторонней. Различными оказываются и влияния фрагментов лица друг на друга: они могут быть сильными или слабыми, симметричными и асимметричными. Своеобразный сплав экспрессивных возможностей и взаимовлияний частей лица образует тип его экспрессивной организации.

Сколько-нибудь универсального способа взаимоотношений частей лица не обнаружено. Гештальт-истская формула, согласно которой це-

лое больше своих частей, применительно к восприятию выражения лица отражает лишь частный и очень специальный случай межличностного восприятия. Подобная картина наблюдается в исследованиях восприятия эмоциональных состояний человека по выражению его лица (Барабанщиков, Малкова, 1981; 1986; Барабанщиков, 2002; Ekman, Rosenberg, 2005; Russell, Fernandez-Dols, 2002).

2. Влияние независимых переменных на оценки испытуемых отчетливо распределяется по четырем группам: а) лицо в целом, б) правая/левая, в) верхняя/нижняя половины лица, г) мужское/женское лицо.

Этот результат позволяет предположить наличие различных способов восприятия выражения целого и фрагментарного лица, форма проявлений которых обусловлена гендерными различиями натурщиков. В большинстве случаев выражение женского лица адекватнее определяется по его нижней части, мужского — по правой либо левой половине. Гендерные различия зрителей также оказывают влияние на восприятие личности, но не регулярно.

Выводы

1. Окклюзия фотоизображения лица значительно влияет на оценку индивидуально-психологических особенностей натурщика. Средняя адекватность восприятия выражения лица по его правой и левой сторонам совпадает с оценкой выражения лица в целом. Менее адекватно воспринимаются его нижняя и особенно верхняя половины. В последнем случае выполняемые оценки зависят от пола натурщика: выражение женского лица

более точно распознается по нижней половине, мужского — по верхней.

2. Соотношение основных процессов межличностного восприятия (резонанса, проекции, интроекции и атрибуции) варьирует в зависимости от пола и структуры личности натурщика, типа его лица, разновидности окклюзии и пола зрителя.

3. Фрагменты лица, разделенного ортогонально, обладают разными экспрессивными возможностями и по-разному влияют друг на друга. Потенциал целого лица экспрессивно избыточен, а его окклюзия может как повысить, так и понизить адекватность восприятия личностных черт натурщика.

Литература

Барабанищikov В.А. Восприятие и событие. СПб.: Алетейя, 2002.

Барабанищikov В.А., Носуленко В.Н. Системность. Восприятие. Общение. М.: Изд-во ИП РАН, 2004.

Барабанищikov В.А., Малкова Т.Н. Зависимость точности идентификации лица от локализации мимических проявлений // Вопросы психологии. 1986. № 5. С. 131–140.

Левин Д. Церебральная асимметрия и эстетическое переживание // Красота и мозг. М.: Мир, 1995. С. 227–250.

Федосееенкова С.М. Восприятие индивидуально-психологических особенностей человека по фотоизображению его лица: Дис. ... канд. психол. наук. М.: 2003.

Bruce V., Young A. In the eye of the beholder: the science of face perception. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Ekman P. Emotions revealed. N.Y.: An owl Book, 2004.

Ekman P., Friesen W. Unmasking the face. N.Y.: Prentice-Hall, 1975.

Ekman P., Rosenberg E. (eds.) What the face reveals: basic and applied studies of spontaneous expression using the facial action coding system (FACS). Oxford: Oxford University Press, 2005.

Ellis H.D. Face recall: a psychological perspective // Human Learning. 1986. Vol. 5. P. 189–196.

Koffka K. Principles of gestalt psychology. N.Y.: Brace, 1935.

McKone E., Martini P., Nakayama K. Isolating holistic processing in face (and perhaps objects) // Perception of Face, Objects, and Scenes / M.A. Peterson, G. Rhodes (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 92–119.

Russell J.A., Fernandez-Dols J.M. (eds.) The psychology of facial expression. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Tanaka J.W., Farah M. The holistic representation of face // Perception of Face, objects, and Scenes. Peterson M.A., Rhodes G. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 53–74.

Барабанищikov Владимир Александрович, заведующий лабораторией ИП РАН, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор

Контакты: sbar@psychol.ras.ru

Болдырев Александр Федорович, Московский гуманитарный университет, аспирант

РЕГУЛЯЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ В СУПРУЖЕСКОЙ ПАРЕ В ПЕРИОД ОЖИДАНИЯ РЕБЕНКА

Ю.В. КОВАЛЕВА

На настоящем этапе изучения контроля поведения как интегративной характеристики индивидуальности и одной из основ саморегуляции делается предположение о его ресурсном характере. Контроль поведения объединяет когнитивный, эмоциональный и волевой ресурс человека и проявляется в своеобразии информационного обеспечения поведения и деятельности, особенностях эмоционального реагирования и организации действий при возникновении препятствий (Сергиенко, 2005; Ковалева, Сергиенко, 2005).

При изучении этой характеристики в условиях беременности как естественной модели трудной жизненной ситуации нами показано, что взаимодополняющие и компенсаторные связи между ее составляющими соотносятся с неосложненным вынашиванием ребенка и более адаптивными характеристиками развития детей после рождения. Концепция контроля поведения как ресурса подразумевает также связь этой характеристики с личностными качествами и опытом человека, поскольку субъект организует собственную ак-

тивность на основе всех доступных возможностей в актуальной жизненной ситуации (Ломов, 1984; Брушлинский, 1999; Абульханова, 2002; Анцыферова, 1994; Сергиенко, 2000; 2002). Во время беременности контроль поведения оказывается связанным с интернальностью, определяющей активную личностную позицию, а также с представлениями о раннем семейном опыте, а именно о собственной компетентности в детстве (Ковалева, 2004).

Признание роли семейных отношений в детстве для дальнейшего развития ребенка является одним из основных положений для большого числа теорий (Захаров, 1998; Мухамедрахимов, 2003). Тем не менее включение раннего семейного опыта в структуру саморегуляции человека можно встретить лишь в немногих западных исследованиях (Rieder, Cicchetti, 1989; Pulkkinen, 1994).

Наши данные позволяют делать предположения о существовании семейной основы регуляции поведения, которая может способствовать реализации индивидуального ресурса либо провоцировать конфликт

возможностей и насущных задач. В рамках этого можно также допустить, что регуляция поведения связана не только с ранним семейным опытом, но и с отношениями человека в актуальном жизненном периоде в нуклеарной семье. В соответствии с положениями системной семейной терапии взаимодействия в семье направлены на поддержание равновесия в отношениях, т. е. максимальной адаптации супругов к совместной жизни в соответствии с их индивидуальными особенностями. Нарушение баланса за счет привнесения в семейную систему информации, связанной с новой ситуацией, например беременностью, обнажает слабые точки взаимодействия супругов, требует от них усилий для поддержания семейного гомеостаза (Варга, 2001; Черников, 2001). Подобные положения системной семейной терапии могут быть соотнесены с понятием группового или коллективного субъекта. «Целостность как качество группы или коллектива основана на реальных и различных видах взаимных связей составляющих ее индивидов» (Журавлев, 2002). Таким образом, анализ взаимного соответствия индивидуальных характеристик супругов на различных этапах развития диады или семьи в целом является одним из способов изучения семейной организации или семейного субъекта.

Наша работа была направлена на выявление связей между показателями контроля поведения и личностных качеств супругов на этапе беременности. Была предпринята попытка объяснить полученные данные с точки зрения особенностей этого этапа развития семьи. Предполагается, что определенные сочетания ха-

рактеристик будущих родителей отражают необходимые отношения в семейной системе в контексте целей и задач периода беременности. Мы считаем, что организация поведения женщин во время вынашивания ребенка может являться частью семейной организации поведения и закономерно соотноситься не только с собственным ранним опытом, но и с особенностями эмоционального реагирования, личностными качествами и детским опытом их мужей.

Изучались составляющие контроля поведения, личностные качества и представления о раннем семейном опыте будущих родителей, и выявлялись различия в уровне изучаемых показателей и способ их согласования. Когнитивный контроль (показатели «Планирование», «Программирование», «Моделирование», «Гибкость», «Оценка результата», «Самостоятельность», «Общий уровень регуляции поведения») изучался с помощью опросника «Стиль саморегуляции поведения-98» В.И. Моросановой (Моросанова, Коноз, 2001). Волевой контроль (показатели «Контроль за действием при неудаче, планировании и реализации») измерялся с помощью «Шкалы контроля за действием» Ю. Куля (Шапкин, 1997). Для изучения эмоциональной регуляции (показатели «Личностная тревожность», «Реактивная тревожность» и «Уровень депрессии») использовались «Методика диагностики самооценки» Ч.Д. Спилбергера и «Методика дифференциальной диагностики депрессивных состояний» В.А. Жмурова. Показатели интернальности изучались с помощью «Методики диагностики уровня субъективного контроля» Дж. Роттера. Для изучения пред-

ставлений о раннем семейном опыте применялось структурированное интервью на основе «Методики диагностики родительского отношения» А.Я. Варги и В.В. Столина (Практическая психодиагностика, 1999). Интервью проводилось с использованием новой инструкции: «Ответьте на вопросы о ребенке так, как на них могла бы ответить ваша мама или другой близкий взрослый, воспитывавший вас в детстве» (Ковалева, 2004).

Исследование проходило на базе родильного дома № 4 г. Москвы. Участниками эксперимента были 20 семейных пар, ожидающих ребенка. В соответствии с задачами исследования супружеские пары, ожидающие ребенка, были разделены на две группы участников эксперимента — будущих матерей (N=20) и будущих отцов (N=20).

При статистической обработке данных и проверке гипотез использовался метод ранговой корреляции Спирмена.

В связи с отсутствием данных об изучаемых показателях на других этапах семейного развития невозможно утверждать, что обнаруженные нами соотношения характерны именно для этапа вынашивания ребенка. Например, если эти соответствия существовали уже на этапе образования пары, то они могли бы проиллюстрировать принцип выбора партнера по схожести признаков, или принцип ассортативности (Бутовская, 2004).

Тем не менее нами была предпринята попытка объяснить полученные результаты с точки зрения семейных отношений во время беременности, что позволило обозначить тенденции в семейной организации, характер-

ные для вынашивания. При интерпретации данных мы придерживались предположения, что организация семейного субъекта на различных этапах развития семьи соответствует задачам этого периода. Так, появление во время беременности у супругов общей цели — рождения ребенка — должно способствовать специальной организации семейных отношений для ее достижения, что может приводить к определенному согласованию поведения будущих родителей.

При корреляционном анализе были получены следующие результаты.

Данные о соотношении показателей эмоциональной регуляции будущих отцов и показателей будущих матерей представлены в табл. 1.

В результате анализа полученных корреляционных связей можно сказать, что тревожность как состояние и как черта у будущих отцов по-разному соотносятся с организацией поведения будущих матерей.

Согласно опубликованным данным других исследований, тревожность во время беременности характерна не только для женщин, но и для мужчин. Основными причинами этого состояния являются новые обстоятельства жизни, отношений и высокая значимость перспективы появления ребенка (Крайг, 2000). Таким образом, умеренная тревожность может свидетельствовать о вовлеченности будущих отцов в ситуацию беременности. Предположительно это создает ресурс поддержки и компенсирует реактивную тревожность, способствует проявлению активности и самостоятельности будущих матерей.

Личностная тревожность, напротив, свидетельствует о неуверенности мужчины в широком круге ситуаций.

Табл. 1

Коэффициенты корреляции показателей эмоциональной регуляции будущих отцов и показателей будущих матерей

Показатели будущего отца	Показатели будущей матери	Коэффициент корреляции
Реактивная тревожность	Реактивная тревожность	-0.55**
	Самостоятельность	0.47*
	Оценка результата действия	0.43*
	Интернальность в достижениях	0.43*
Личностная тревожность	Уровень депрессии	0.46*
	Моделирование	-0.46 *

* – $p \leq 0.05$; ** – $p \leq 0.01$

Табл. 2

Коэффициенты корреляции показателей интернальности будущих отцов и показателей эмоциональной регуляции будущих матерей

Показатели будущего отца	Показатели будущей матери	Коэффициент корреляции
Общая интернальность	Уровень депрессии	-0.52*
	Личностная тревожность	0.53*
Интернальность в неудачах	Личностная тревожность	0.67**
Интернальность в семейных отношениях		0.49*
Интернальность в производственных отношениях	Уровень депрессии	-0.57*
Интернальность в вопросах здоровья		-0.72 ***

* – $p \leq 0.05$; ** – $p \leq 0.01$; *** – $p \leq 0.001$

Возможно, лично тревожные мужчины сами склонны искать поддержку у близких, что может отвлекать их жен от задач беременности, приводить к конфликту ролей и ожиданий.

Интернальность будущих отцов также имеет сложные связи с особен-

ностями организации поведения будущих матерей. Данные приведены в табл. 2 и 3.

Результаты показывают, что жены ответственных мужей во время беременности лично тревожны, но не депрессивны. И напротив, низкому уровню ответственности мужчин

Табл. 3

Коэффициенты корреляции показателей интернальности будущих отцов и показателей когнитивного и волевого контроля будущих матерей

Показатели будущего отца	Показатели будущей матери	Коэффициент корреляции
Общая интернальность	Контроль за действием при планировании	-0.64**
Интернальность в неудачах	Контроль за действием при планировании	-0.54*
	Гибкость	-0.50*
Интернальность в достижениях	Планирование	0.52*
	Программирование	0.50*
Интернальность в семейных отношениях	Программирование	0.49*
Интернальность в межличностных отношениях	Самостоятельность	-0.67**
Интернальность в вопросах здоровья	Программирование	0.55*
	Моделирование	0.56*

* – $p \leq 0.05$; ** – $p \leq 0.01$

соответствует повышенный уровень депрессии и низкий уровень личностной тревожности жены. Возможно, подобное соотношение показателей соответствует двум различным стилям семейной организации. Первый из них является патриархальным: супруг — главасемьи, принимающий основные решения. В этом случае жена с удовольствием посвящает себя дому, детям, но чувствует себя неуверенно в социальных вопросах. Второй стиль распространен в условиях эмансипации, когда более активную роль в семье играет жена, уверенная в себе, но неизменно расплачивающаяся за подобный статус депрессивным настроением, свидетельствующим об утрате поддержки.

Корреляционные связи, обнаруженные между показателями интернальности будущих отцов и показателями когнитивного и волевого контроля их беременных жен, могут свидетельствовать о том, что ответственная позиция мужей в различных областях жизни в период ожидания ребенка может помочь женщинам лучше видеть цели этого периода и организовывать поведение с максимальным учетом всех необходимых условий. Естественная зависимость женщин в период вынашивания ребенка и трудности переключения в условиях доминантной деятельности при подобном согласовании в поведении супругов получают необходимую поддержку.

Данные о соотношении представлений о раннем семейном опыте будущих родителей приведены в табл. 4 и 5.

Полученные данные показывают, что ответственность мужчин за негативные жизненные события, их низкая тревожность и уверенная личностная позиция связаны с представлениями женщин об авторитарном родительском отношении, не соот-

ветствующем возможностям ребенка. Если осторожно предположить, что эти показатели могут оказывать влияние друг на друга, то полученные корреляции могут получить следующее объяснение. Если женщина в детстве действительно испытывала авторитарно-социализирующее родительское отношение, то, возможно, при образовании собственной семьи

Табл. 4

Коэффициенты корреляции показателей будущих отцов и представлений о раннем семейном опыте будущих матерей

Показатели будущего отца	Показатели будущей матери	Коэффициент корреляции
Реактивная тревожность Личностная тревожность Интернальность в неудачах	Авторитарная гиперсоциализация	-0.45* -0.45* 0.56*
Интернальность в семейных отношениях	Отвержение Симбиоз	-0.51* -0.66**

* – $p \leq 0.05$; ** – $p \leq 0.01$

Табл. 5

Коэффициенты корреляции представлений о раннем семейном опыте будущих отцов и показателей будущих матерей

Показатели будущего отца	Показатели будущей матери	Коэффициент корреляции
Отвержение	Реактивная тревожность Общий уровень саморегуляции	0.45* -0.55*
Авторитарная гиперсоциализация	Реактивная тревожность Интернальность на производстве Контроль за действием при реализации	0.55* -0.46* -0.55*
Симбиоз	Программирование	0.52*
Маленький неудачник	Реактивная тревожность Оценка результата действия	0.51* -0.62**

* – $p \leq 0.05$; ** – $p \leq 0.01$

она остановила свой выбор на социально активном, уверенном в себе партнере. Достаточно вероятным также представляется следующее. Во время беременности ответственность и эмоциональная устойчивость мужа может усиливать переживание собственной пассивности, зависимости и инфантильности беременной, а это, в свою очередь, актуализирует представление о компетентном и социально активном родителе. Одновременно с этим для женщин в период вынашивания особое значение может иметь внимание и ответственность мужчин по отношению к событиям семейной жизни. Мы видим, что интернальность в семейных отношениях не связывается в представлениях женщин с отвержением и чрезмерной опекой. Ответственность за события семейной жизни будущих отцов и представления беременных о принятии и поддержке в прародительской семье и достаточной мере уважения к их личностным границам, возможно, отражают организацию в семейной системе прародительственного и безопасного пространства на последних этапах вынашивания.

Анализ раннего семейного опыта будущих отцов позволяет предположить, что их негативный детский опыт накладывает отпечаток на организацию их поведения во взрослой жизни. Такие стили родительского отношения как «Отвержение» и «Маленький неудачник» создают основу для негативной самооценки ребенка, которая во взрослой жизни проявляется как неуверенность в собственных силах, недостаточная компетентность, зависимость. Мужчинам с

такими качествами трудно оказать поддержку своей жене в ситуации беременности, что может сказаться на ее тревожности и общей регуляции поведения. Родительское отношение, соответствующее «Авторитарной гиперсоциализации», является по своей сути противоречивым. Оно не несет однозначного отвержения и неприятия, напротив, родитель много времени уделяет ребенку, по своему заботится о нем, как и при симбиотическом отношении к ребенку. Отцы, пережившие такие стили родительского отношения в детстве, с одной стороны, могут, согласно собственному детскому опыту, излишне контролировать поведение собственных жен, повышая их тревожность. С другой стороны, при достаточном понимании задач беременности они могут уделять им достаточно внимания, направлять их активность, настаивать на соблюдении правильного режима, тем самым способствуя организации поведения жены во время беременности.

Выявленные соотношения между показателями могут свидетельствовать о том, что в супружеской паре на этапе беременности происходит согласование характеристик, психологически понятное с точки зрения этого периода. Особенности этого согласования являются его компенсирующий и поддерживающий характер, а также отражение в нем раннего семейного опыта членов родительской пары.

Эти выводы, несомненно, требуют дополнительной проверки, например, изучения связей между показателями на других этапах развития семьи.

Литература

- Абульханова К.А.* Рубинштейновская категория субъекта и ее различные методологические значения // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: ПЕР СЭ, 2002.
- Анциферова Л.И.* Личность в трудных жизненных ситуациях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15, № 1. С. 3–19.
- Брушлинский А.В.* Психология субъекта и его деятельности // Современная психология: Справочное руководство. М.: ИНФРА М, 1999.
- Бутовская М.Л.* Тайны пола. Мужчины и женщины в зеркале эволюции. Фрязино: Век 2, 2004.
- Варга А.Я.* Системная семейная терапия. СПб.: Речь, 2001.
- Журавлев А.Л.* Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: ПЕР СЭ, 2002.
- Захаров А.И.* Ребенок до рождения. СПб.: Союз, 1998.
- Ковалева Ю.В., Сергиенко Е.А.* Контроль поведения при различном течении беременности // Ежегодник РПО. Специальный выпуск. Т. 1. М.: Эслан, 2005.
- Ковалева Ю.В.* Контроль поведения при различном течении беременности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2004.
- Крайг Г.* Психология развития. СПб.: Питер, 2000.
- Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы в психологии. М., 1984.
- Моросанова В.И., Коноз Е.М.* Диагностика и психологическая характеристика саморегуляции при экстраверсии и нейротизме. Набережные елны: Институт управления, 2001.
- Мухамедрахимов Р.Ж.* Мать и младенец. СПб.: Речь, 2003.
- Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Самара: Бахрах, 1998.
- Сергиенко Е.А.* Природа субъекта: онтогенетический аспект // Проблема субъекта в психологической науке: Сб. ст. / Под ред. А.В. Брушлинского и др. М.: ИП РАН, 2000.
- Сергиенко Е.А.* Ранние этапы развития субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: ПЕР СЭ, 2002.
- Сергиенко Е.А.* Контроль поведения как психологический механизм саморегуляции субъекта // Ежегодник РПО. Специальный выпуск. М.: Эслан, 2005. Т. 1.
- Черников А.* Системная семейная терапия: интегративная модель диагностики. М.: Класс, 2001.
- Шапкин Е.А.* Экспериментальное изучение волевых процессов. М., 1997.
- Pulkkinen L.* Self-control in Childhood and Adult Personality Styles // XXIX Kongress der Deutschen Gesellschaft für Psychologie. Hamburg, 1994.
- Rieder C., Cicchetti D.* Organizational Perspective on Cognitive Control Functioning and Cognitive-Affective Balance in Maltreated Children // Developmental Psychology. 1989. Vol. 25, № 3. P. 382–393.
- Brown G.* Short-Term Impact of Fetal Imaging on Paternal Stress and Anxiety // Journal of Prenatal and Perinatal Psychology and Health. 1988. Vol. 3 (1). P. 25–40.

Ковалева Юлия Валерьевна, Институт психологии РАН, кандидат психологических наук

Контакты: julkov@inbox.ru

Научная жизнь

**ИССЛЕДОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА:
ДВА ОБЛИКА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ
(РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ИТОГАМ
МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА ПО
КРЕАТИВНОСТИ И ПСИХОЛОГИИ ИСКУССТВА,
ПЕРМЬ, 2005, ИЮНЬ)**

В.М. ПЕТРОВ

Вот уже более двух десятилетий в науках о человеке (прежде всего в социологии, затем в психологии, а теперь уже и в культурологии — и «далее везде») идут напряженные споры между сторонниками традиционно гуманитарных подходов и подходов междисциплинарных, ориентированных на естественнонаучное знание. Эти споры иногда принимают форму так называемых ку-ку-дискуссий (противопоставление количественного и качественного аспектов: *quantitative vs. qualitative*), и в них проявляется гораздо более широкое противоречие — противостояние «двух культур» (см.: Сноу, 1973): естественнонаучной и гуманитарной. Это противостояние пронизывает все сферы нашей жизни, равно как и научных исследований. А в последние десятилетия оно проникло и в такую, казалось бы, «альпийскую крепость» традиционного гуманитарного знания, как психология искусства.

Целый спектр попыток «поверить алгеброй гармонию» (равно как и приложить к изучению «гармонии» самые разные естественные науки) был достаточно четко представлен на состоявшемся в июне 2005 г. Международном конгрессе по креативности и психологии искусства, который был организован Пермским государственным институтом искусства и культуры совместно с Международной ассоциацией эмпирической эстетики, Американской психологической ассоциацией, Институтом психологии РАН и рядом других организаций (президент конгресса — проф. Колин Мартиндейл, Университет штата Мэн, США). Конгрессу была оказана серьезная поддержка со стороны администрации Пермской области.

Пермь отнюдь не случайно стала местом проведения конгресса: как известно, здесь накоплен большой психологический потенциал; в частности,

известны достижения школы интегральной индивидуальности, прежде возглавлявшейся В.С. Мерлиным, а в настоящее время Б.А. Вяткиным. Получили известность и пермские работы в области психологии искусства, прежде всего достижения научного направления, главой которой является Л.Я. Дорфман. Наконец, у Пермского государственного института искусства и культуры имеется большой опыт участия в международных проектах по эмпирической эстетике, а также проведения международных конференций по этой тематике (за период с 1991 по 2002 г. было проведено четыре таких конференции, не считая обмена лекторами и аспирантами), издания международных сборников статей (в общей сложности — 9 выпусков, см., например: Dorfman et al., 1997; Малянов и др., 2002). В институте читали лекции (посвященные новейшим направлениям в изучении искусства) виднейшие представители мировой психологии, эстетики и культурологии.

К открытию конгресса был издан сборник материалов на русском и английском языках (см.: Малянов и др., 2005); одновременно были подготовлены два сборника статей на английском языке (Locher et al., 2005; Martindale et al., 2005), а в настоящее время готовится издание итогового сборника по материалам конгресса. Всего на конгресс поступили доклады из 26 стран; помимо пленарных заседаний по общим проблемам психологии искусства, состоялись заседания специальных симпозиумов «Креативность», «Художественные феномены с позиций эстетики, искусствознания, психологии», «Психология и музыка»,

«Визуальные искусства», «Психология и литература».

Конечно, проблемами междисциплинарных исследований вовсе не исчерпывалось содержание конгресса, и они не были главными в ходе развернувшихся дискуссий. Целый ряд работ был посвящен общим проблемам психологии творчества, т. е. гораздо более широкому кругу вопросов. Тем не менее именно в междисциплинарных проблемах была своеобразная «изюминка» данного конгресса, равно как и его значимость для будущих исследований как в области психологии искусства, так и гораздо шире — во всем комплексе наук о человеке.

Психология искусства долгое время если и не была периферийной ветвью науки о человеке, то уж во всяком случае не принадлежала к числу ее магистральных направлений. Сейчас, однако, внимание к этой ветви быстро возрастает, и она становится все более и более перспективной. Тут на ум приходит параллель с историей физики: еще менее столетия назад ядерная физика считалась «захолустной» областью физической науки, а уже к середине XX в. именно эта область превратилась в центральную, притом, пожалуй, для всего комплекса естественных наук. Одним из проявлений растущего интереса к психологии искусства стало основание в 1965 г. Международной ассоциации эмпирической эстетики, объединившей усилия исследователей, принадлежащих к различным наукам (прежде всего к психологии) и занимающихся изучением создания

и функционирования конкретных произведений искусства. С тех пор эта ассоциация стала центром — координатором работ по всем «нетрадиционным» исследованиям искусства.

Сегодняшний интерес к психологии искусства обусловлен по меньшей мере тремя причинами. Во-первых, явления, связанные с художественным творчеством и восприятием искусства, несомненно, относятся к числу *сложнейших*, в которых переплетается множество самых различных феноменов. А ведь давно уже ушли в прошлое представления о целесообразности начала исследования сложных явлений с простых (скажем, с психофизики). Сейчас все более зреет понимание того, что иногда в сложных явлениях, в переплетении различных феноменов (или в их «синергическом» взаимодействии) можно найти ключ к явлениям более простым. Во-вторых, художественные произведения, несомненно, представляют собой состоявшийся «инструмент воздействия» на духовный мир личности (а порой даже «инструмент манипулирования» личностью), и, зная «секреты» воздействия искусства, можно получить доступ к решению многих сугубо практических проблем в области психологии (в том числе социальной). Наконец, в-третьих, именно в изучении искусства можно прийти к *интеграции* самых далеких друг от друга областей знания — точного и гуманитарного. И тут отечественной наукой накоплен большой опыт, во многом обусловленный «синтетическим» характером русского менталитета, а во многом — конкретно-историческими условиями, в которых жила русская интеллигенция на про-

тяжении последних десятилетий (см., например: Грибков, 1999; Петров, 2001). А ведь многие направления современной методологии научного знания (например: Martindale, 1990) исходят из того, что принципиально новых достижений следует ждать как раз на «сочленении» элементов, принадлежащих далеким областям!

Какой же облик принимают междисциплинарные исследования в интересующей нас области? Естественно, таких *обликов* может быть *два*. Один — с *ориентацией на традиционные гуманитарные исследования*, когда междисциплинарность заключается в использовании инструментария других наук (например, соответствующих методов математической статистики для проверки неких содержательных, сугубо традиционных гипотез; тут математика трактуется по А. Пуанкаре — как «искусство заменять идеи вычислениями»). Другой же облик — *заимствование основополагающих принципов* у этих самых «других» наук, включение интересующей нас области в широкий контекст складывающейся единой системы естественнонаучного и гуманитарного знания.

Разумеется, подавляющее большинство междисциплинарных исследований, появляющихся в этой достаточно традиционной области, связано все же с *традиционными* психологическими и/или искусствоведческими *концепциями*, хотя порой существенно «модернизированными» за счет связей с методами естественных и точных наук, но главным

образом благодаря использованию надлежащего инструментария прикладной математики (математической статистики). Впрочем, это уже становится привычным для многих дисциплин гуманитарной сферы (однако, увы, не для исследований, посвященных художественному творчеству). Тем не менее новым является то, что некоторые из подобных вроде бы почти традиционных исследований оказались бы невозможными без соответствующего *математического обеспечения*.

Пожалуй, наиболее ярким примером таких «модернизированных» (хотя отчасти и традиционных) исследований стали работы Р. Хогенрада (Католический университет г. Лувена, Бельгия), посвященные компьютерному *контент-анализу* текстов, как художественных, так и политических. Благодаря применению так называемого «регрессивно-образного словаря» (RID — Regressive Imagery Dictionary создан К. Мартиндейлом в 1975 г., а теперь уже разработан для пяти европейских языков) стало возможным за считанные секунды измерять соотношение между «конкретно-чувственным» и «символическим» компонентами любого текста, равно как и динамику этого соотношения, если текст обладает достаточной протяженностью («Божественная комедия» Данте, «Война и мир» Л. Толстого и др.). Более того, имеется положительный опыт применения такого инструментария (в сочетании с теорией мотивации Д. Макклелланда) при анализе материалов текущей периодической печати — для прогнозирования рисков военных конфликтов. В частности, ввод войск США в

Ирак (2003) был предсказан с точностью до нескольких дней.

Междисциплинарный анализ процессов, в которых формируется творческая личность, проводится исследователями в Пермском государственном институте искусства и культуры. Е. Малянов предпринял интересную попытку интеграции различных методологических подходов к творчеству — от синергетического до программно-проектного. Примерами междисциплинарных исследований с эффективным использованием количественных методов являются работы школы Л. Дорфмана, посвященные «метаиндивидуальному миру» личности (подробнее см.: Дорфман, 2004; Дорфман, Малянов и Березина, 2004). Этот мир представляется состоящим из *четырех областей*, взаимодействующих друг с другом и находящихся под управлением латентных факторов: «Авторство» (в оппозиции к Другому), «Обладание» (Другим), «Принятие» (Другого) и «Зависимость» (от Другого). Латентные факторы, в свою очередь, формируются во взаимодействиях с различными видами деятельности, включая контакты с разными видами искусства. Складывающаяся в результате всех этих процессов сложную систему невозможно изучать без применения специальных методов статистического анализа. Здесь нельзя не упомянуть измерения «личностных потенциалов», характеризующих освоение различных видов искусства (эти измерения базируются на концепции «неполного знания» и гиперболических ранговых распределениях). В целом модель метаиндивидуального мира личности следует, несомненно, отнести к числу наиболее

перспективных направлений не только в психологии, но и во всем комплексе наук о человеке.

О многообразии развиваемых междисциплинарных подходов можно судить хотя бы по тематике некоторых докладов. Тут и работа Ю. Бабаевой, О. Митиной и С. Яголковского (МГУ им. М.В. Ломоносова) о «структурном моделировании» — новой мощной технике многомерного анализа, использованной при изучении процесса совместного творчества (в качестве методического инструментария выступал модифицированный вариант разработанного Дж. Гилфордом вербального теста творческого мышления). Тут и историко-теоретическое исследование Ф. Мунца (Карл-Франценс Университет, г. Грац, Австрия) посвященное эмпирическим основаниям «гештальтной концепции красоты» Кристиана фон Эренфельса (развивавшего теорию «элементов» Э. Маха). Тут и исследования Р. Вебера, Б. Вольтер и Т. Якобсена (Дрезденский и Лейпцигский университеты, Германия) по восприятию архитектурной структуры городского пространства и т. д.

Во многих работах математико-статистический инструментарий используется для «визуализации» результатов психологических (либо социально-психологических) экспериментов. Так, В. Петренко (МГУ им. М.В. Ломоносова) «вытаскивает на свет» те обобщения (категории), которыми неосознанно пользуются испытуемые в своей деятельности. Системы этих категорий при геометрическом представлении *семантических пространств* выступают как некие «оси», а анализируемые объекты (например, произведения искус-

ства) — как «координатные точки» внутри этих семантических пространств. Такой подход показал свою продуктивность не только в исследованиях по психологии искусства (где он применяется уже давно; см., например: Лотман и Петров, 1972), но и при анализе гораздо более широкого круга проблем вплоть до политической психологии (Петренко, 1997). Тем не менее совершенно не очевидно, что получаемые семантические пространства являются реальностью, существенной для субъекта (его «картиной мира»); об альтернативе этому подходу речь пойдет ниже.

Много работ было посвящено *педагогическим проблемам* — от анализа детской одаренности и способностей учителей начальной школы (Б. Вяткин, Пермский гос. педагогический университет) до разработки методов развития творческого восприятия и воображения у детей (О. Блох и Е. Пономарева, Московский гос. университет культуры и искусств).

Отдельно следовало бы остановиться на использовании современной аппаратуры при анализе процессов творчества и его результатов — явлений искусства. Так, в работах О. Разумниковой (НИИ физиологии, Новосибирск) использовалось сочетание *электроэнцефалографических исследований* и психологических тестов при изучении творческого процесса. Т. Князева (Институт психологии РАН, Москва) поставила задачу найти наборы параметров ЭЭГ, выявляющие креативность, и обнаружила для некоторых из них высокие корреляции в уравнениях множественной регрессии для индивидуального прогноза показателей «Продуктивность», «Гибкость»

и «Оригинальность». Д. Мьяль (Университет шт. Альберта, г. Эдмонтон, Канада) посвятил свое исследование *нейропсихологическим индикаторам* литературного восприятия — своеобразной «нейропсихологической архитектуре», которая обслуживает процесс чтения. К. Сапожникова, Р. Тайманов и В. Элькин (ВНИИ метрологии им. Д.И. Менделеева, Санкт-Петербург) изучали эмоциональные реакции, порождаемые *восприятием различных цветов в сочетании с музыкальными звуками*. Р. Цур (Университет Тель-Авива, Израиль) исследовал осциллограммы, отражающие *звучание поэтических произведений* в исполнении известных актеров (чтецов). Аналогичные осциллографические исследования *характеристик вибрато* в академическом пении провел А. Харуто (Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского).

Что касается междисциплинарных исследований, тяготеющих к *естественным и точным наукам*, то применительно к художественному творчеству они еще только начинают свой путь, а точнее, свои пути (ибо таковых много, и все они, как правило, совершенно разные). Однако даже на начальной стадии некоторые из этих путей уже демонстрируют свою продуктивность. Проблеме плодотворности *«гибридизации»* естественных наук и комплекса наук об искусстве посвятил свое исследование В. Кошкин (Харьковский политехнический университет, Украина).

Разнообразие этих подходов, пожалуй, столь же велико, как и много-

образии мира естественных и точных наук. Так, К. Мартиндейл (Университет штата Мэн, США) предлагает *«волновую» модель инноваций* и их распространения, основанную на аналогии с продольными и поперечными волнами в физике (т. е. акустическими и электромагнитными колебаниями, с феноменом поляризации и т. п.). Дж. Кэрролл (Миссурийский университет, г. Сент-Луис, США) обращается к *«адаптивной функции»* художественной литературы. Эту функцию он трактует в свете *дарвиновской модели* естественного отбора. (Впрочем, такого рода «биологоцентристские» построения все чаще встречаются в работах по эволюции художественной культуры.) И к еще более конкретным биологическим «материям» — *генам, обуславливающим «новационно-поисковую» активность*, — обращается С. Швейцер (Свободный университет Амстердама, Голландия). Она, по сути дела, продолжает «генетический анализ» Г. Айзенка (развивавшийся им в последних работах; см., например: Eysenck, 1995), но в сопряжении с идеями и эмпирическими данными К. Мартиндейла, относящимися к «потенциалу возбуждения» (arousal potential), который несут в себе произведения искусства (Martindale, 1990). На несколько иных позициях стоит Х. Ледер (Венский университет, Австрия), анализирующий *информационные процессы*, которые протекают на различных уровнях психической деятельности при восприятии произведений искусства, например стилевых характеристик живописи.

Комплексные исследования, основанные на *теоретико-информационном подходе*, уже давно проводятся в

Государственном институте искусствознания (Москва). Более двадцати лет назад Г. Голицын совместно с автором этих строк предложил «*принцип максимума информации*», развитию которого был посвящен пленарный доклад на конгрессе. Этот принцип имеет достаточно общий характер и приложим к системам самой различной природы; его сущность заключается в стремлении любой системы достичь максимальной адаптации к окружающей среде (увеличивая так называемую «взаимную информацию» между системой и средой; см.: Фано, 1965; подробнее об этом принципе в приложении к наукам о человеке см.: Голицын, 1997; Голицын и Петров, 1991, 2005; Golitsyn & Petrov, 1995). Приложение этого подхода к процессам *восприятия* позволяет теоретически дедуцировать разнообразные *приемы*, используемые искусством (и подтвердить эмпирически соответствующие параметры этих приемов). А в сфере *творчества* удается дедуцировать (и также подтвердить эмпирически) основные законы *эволюции искусства*, включая его *периодическую стилевую изменчивость* (с 50-летними циклами), обусловленную попеременным преобладанием «аналитических» либо «синтетических» информационных процессов (или лево- либо правополушарного доминирования; см.: Маслов, 1983; Лотман и Николаенко, 1983; Петров, 2004; Petrov, 2001).

В рамках того же подхода Л. Мажуль разработала *модель «ветвления»* системы видов и жанров искусства в эпоху модернизма и постмодернизма, а также совокупность количественных оценок *роли личных*

творческих инноваций в эволюции искусства, равно как и всей *социально-психологической сферы*. Наконец, П. Куличкин, исходя из теоретико-информационной модели изменчивости художественной жизни, количественно измерил ее «*интенсивность*» на материале русского, французского, итальянского, австрийского и немецкого искусства, главным образом *музыки и живописи XV–XX вв.* На базе этих измерений ему удалось получить социально-психологические закономерности, объясняющие появление «*эволюционных гениев*» — творческих личностей, коренным образом преобразующих художественную жизнь национальной культуры. Аналогичные результаты были получены Т. Коваленко (Краснодарский государственный университет культуры и искусств), который изучал изменчивость *интенсивности театральной жизни* России на протяжении XVIII–XX вв.

Заметим, что теоретико-информационный подход включает в себе, среди прочих выводов, *альтернативу семантическим пространствам* как реальности, существенной для субъекта (его «картины мира», см. выше). Ведь вовсе не обязательно эта реальность должна быть образно-чувственной; она вполне может заключаться в «абстрактных» нейронных связях, притом даже между весьма топологически отдаленными нейронами (соответствующие «нейронные модели», правда, имеющие пока в основном гипотетический, метафорический характер, сейчас разрабатываются), так что ни о каком «пространстве» говорить не приходится. (Это становится особенно существенным в ситуациях речевой

коммуникации, а здесь, к сожалению, многие исследователи еще придерживаются «пространственных» взглядов, восходящих к «глубинным структурам» Н. Хомского.) В общем виде теоретико-информационный подход имеет дело с формированием некоей корреляционной «сети связей», которая может функционировать независимо от образно-чувственной реальности («картины мира»), хотя иногда и может быть связана с таковой, что было подтверждено несколькими экспериментами. Целый ряд иных нетривиальных выводов, полученных в рамках данного подхода (и относящихся как к психологии, так и ко всему комплексу наук о человеке), несомненно, найдет свою «стыковку» с результатами исследований, носящих более традиционный характер.

Разумеется, междисциплинарными исследованиями отнюдь не исчерпывался весь спектр докладов на конгрессе в Перми; было много интересного и полезного и в докладах, следующих по традиционному руслу. Равным образом и на последовавшем вскоре Международном симпозиуме по эмпирической эстетике (Тайвань, октябрь 2005 г.) лишь часть докладов имела междисциплинарный характер (см.: Chen & Liang, 2005). Но в этой части звучали примерно те же мотивы, что и в Перми (хотя состав участников был иным — в основном за счет представительства исследователей из дальневосточного и тихоокеанского регионов).

Возникает резонный вопрос: не приближается ли пора «кристалли-

зации» междисциплинарных исследований — прихода некоей новой, *единой парадигмы*? В таковой, как свидетельствует методологический науковедческий анализ (см., например: Петров, 1999), сейчас остро нуждаются все науки о человеке. Они нуждаются в этом объективно, хотя сами представители этих наук зачастую не ощущают потребности ни в единой парадигме, ни вообще в смене действующей парадигмы. В настоящее время науки о человеке находятся в стадии «цветущей сложности» (если воспользоваться термином К. Леонтьева), которая напоминает закатную эру средневековой алхимии: сосуществование самых разных парадигм с очень малыми шансами каждой из них на реальный успех. И подобно тому, как в алхимии эта стадия в конце концов сменилась в начале XVIII в. научной химической парадигмой, основанной на элементах (и эта парадигма успешно функционирует до сих пор), можно надеяться на предстоящий в ближайшем будущем переход большинства наук о человеке к новой, единой парадигме, общей для всех естественных наук. Разумеется, при этом каждая из наук сможет сохранить свои специфические, особые черты, однако при общности некоего «ядра» — «корневой парадигмы». Подобное «единообразие» (хотя и могущее напомнить скептикам о проекте «введения единомыслия в России», по К. Пруткову) помогло бы устранить или, по крайней мере, ослабить то противостояние «двух культур», о котором говорил Ч.П. Сноу.

В качестве наиболее реального «претендента» на роль ядра этой корневой парадигмы следует назвать

теоретико-информационный подход в уже упоминавшейся его новой версии, основанной на «принципе максимума информации». Ранние версии информационного подхода к наукам о человеке (см., например: Моль, 1966) могли лишь временно дискредитировать его основную идею. Почему эти попытки оказались неудачными? Главная причина состояла в ограниченности исходных положений, которые сводили взаимодей-

ствие человека со средой к простой передаче сведений по информационному каналу. Есть серьезные основания полагать, что данный подход окажется способным не только привести к интересным и важным результатам в области психологии искусства, но и способствовать интеграции всей системы современного научного знания. И в эту сторону обращены оба проанализированных нами «лика» междисциплинарных исследований.

Литература

Голицын Г.А. Информация и творчество: на пути к интегральной культуре. М.: Русский мир, 1997.

Голицын Г.А., Петров В.М. Информация — поведение — творчество. М.: Наука, 1991.

Голицын Г.А., Петров В.М. Социальная и культурная динамика: долговременные тенденции (информационный подход). М.: Комкнига, 2005.

Интегральная индивидуальность, Я-концепция, личность / Под ред. Л.Я. Дорфмана. М.: Смысл, 2004.

Метаиндивидуальный мир и полимодальное Я: креативность, искусство, этнос / Под ред. Л.Я. Дорфмана, Е.А. Малянова, Е.М. Березиной. Пермь: Пермский гос. институт искусства и культуры, 2004.

Лотман Ю.М., Николаенко Н.Н. «Золотое сечение» и проблемы внутримозгового диалога // Декоративное искусство СССР. 1983. № 9. С. 31–34.

Семиотика и искусствометрия (современные зарубежные исследования) / Под ред. Ю.М. Лотмана, В.М. Петрова. М.: Мир, 1972.

Личность, креативность, искусство / Под ред. Е. Малянова, Н. Захарова, Е. Березиной, К. Мартиндейла. Пермь: Пермский гос. институт искусства и культуры; Прикамский социальный институт, 2002.

Материалы Международного конгресса по креативности и психологии искусства / Под ред. Е. Малянова, К. Мартиндейла, Е. Березиной, Л. Дорфмана, Д. Леонтьева, В. Петрова, П. Лочера. Пермь: Пермский государственный институт искусства и культуры, 2005.

Маслов С.Ю. Асимметрия познавательных механизмов и ее следствия // Семиотика и информатика. 1983. Вып. 20. С. 3–31.

Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. М.: Мир, 1966.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. Смоленск: Изд-во Смоленского гуманитарного университета, 1997.

Петров В.М. Научное мировоззрение XXI века // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. 1999. № 2 (16). С. 62–70.

Петров В.М. Субкультура российского андеграунда 1960–1980-х: системные черты // Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое / Под ред. Н.М. Зоркой. СПб: Алетейя, 2001. С. 264–297.

Петров В.М. Количественные методы в искусствоведении: Учеб. пособие для высшей школы. М.: Академический проект, 2004.

Сноу Ч.П. Две культуры. М.: Прогресс, 1973.

Фано Р. Передача информации. Статистическая теория связи. М.: Мир, 1965.

Emotion, Creativity, and Art. Vol. 1–2 / L. Dorfman, C. Martindale, D. Leontiev, G. Cupchik, V. Petrov, P. Machotka (eds.). Perm: Perm State Institute of Arts and Culture, 1997.

Chen J.C.H., Liang K.C. Proceedings of 2005 International Symposium on Empirical Aesthetics: Culture, Arts, and Education. Taipei (Taiwan): National Taiwan Normal University, 2005.

Eysenck H.J. Genius. The Natural History of Creativity. N.Y.; Melbourne: Cambridge University Press, 1995.

Golitsyn G.A., Petrov V.M. Information and Creation: Integrating the «Two Cultures». Basel; Boston; Berlin: Birkhauser Verlag, 1995.

New Directions in Aesthetics, Creativity, and the Arts / P. Locher, C. Martindale, L. Dorfman (eds.). Amityville (N.Y.): Baywood Publishing Co., 2005.

Martindale C. The Clockwork Muse: The Predictability of Artistic Change. N.Y.: Basic Books, 1990.

Martindale C., Locher P., Petrov V. Evolutionary and Neurocognitive Approaches to Aesthetics, Creativity, and the Arts. Amityville (N.Y.): Baywood Publishing Co., 2005.

Petrov V.M. Creativity in art: Stylistic waves and monotonous evolutionary trends (Information approach) // Bulletin of Psychology and the Arts. 2001. Vol. 2. № 1. P. 30–33.

Петров Владимир Михайлович, Государственный институт искусствоведения, доктор философских наук, профессор

Контакты: vmpetr@vmpetr.msk.ru

SUMMARY OF THE ISSUE

Theory and Philosophy of Psychology

I.T. Kasavin. Discourse and Chaos: the Problem of the Titular Councillor Golyadkin

The author makes use of Dostoevsky's novella, «The Double», in order to analyse the relationship between two popular concepts, «discourse» and «chaos». Many postmodern interpretations burden the former term, discourse, which impedes its efficient use in philosophy and the human sciences. The latter term — chaos — is heavily overused and made into yet another absolute category by contemporary proponents of synergetic. A bizarre conceptual mixture of these terms is a product of contemporary theoretical mentality, which itself is a combination of more stable elements of human thought and actual fashion. Every time when the world appears incomprehensible and the language is awkward to handle, it can be useful to remind about an acute and permanent confrontation between the language and the world.

Theoretical and Empirical Research

N. Almaev, G.Iu. Malkova. The Content Analysis of Personality: a Study

The article describes several studies in which respondents were asked to write autobiographical stories and were given personality questionnaires. The authors developed scales of content analysis maximally close to Cloninger's TCI- questionnaire. They show that correlation between test results and content-analysis data does exist, yet it is mediated by a large number of para-

meters such as the subject's bias, his or her self-image and readiness to share information with the psychologist. These factors go far beyond the usual social expectations. They authors argue for reforming the practice of questionnaire making and including new «provocation-scales» and «trap-scales» in the tests.

Special Theme of the Issue. Psychotherapy as a Research Field

A.I. Sosland. Psychotherapy in the Circuit of Contradictions

The author discusses psychotherapy's state of the art in the year of Freud's 150th anniversary. He raises the issues of legitimacy, efficacy and institutionalization of therapeutic practice and analyses a number of problems in psychotherapy studies. The author reviews critically some attempts at constructing a «general theory» of therapy. He discusses a new approach, interactive-analysis, and describes particular features of therapeutic community using the notion of «ideoballic community». He exposes many contradictions in both therapeutic knowledge and professional community.

A.F. Bondarenko. Psychotherapy: Type of Sociality and Network Marketing

After a brief historical introduction to psychotherapy, the author examines its relationship with types of sociality and characterises the role of the therapist and the place of therapy in mass consumption society. The author also questions some points and ambitions of

contemporary psychotherapy, discusses its state of the arts, and emphasises that the trouble with Russian therapy lies in unawareness of its own sources and prospects.

E.L. Mikhailova. The Tension in the Circuit is High: Some Aspects of Psychotherapy as a Cultural Practice

The aim of the article is to discuss psychotherapy with the specialists. The author considers the contradiction that determines the status of contemporary psychotherapy as a specific socio-cultural practice. She refers to the factors linked to the dynamics of cultural contexts. In particular, the author suggests her own view of the contradiction between the lack of legitimisation and the tendency towards the formalisation of psychotherapeutic practices.

A.B. Orlov. The Nascent Psychotherapy

The author treats contradictions of contemporary psychotherapy as natural for the nascent discipline. Analysing the main contradictions within the area, the author comes to a conclusion that the stage when different therapy schools coexisted with each other, is being replaced by the stage when psychotherapeutic community formulates «trans-school» universal principles that will give a basis to a new unified practice.

V.P. Rudnev. The Myth of Psychotherapy

The article treats psychotherapy as a language game. The therapist and the client are both collaborators and rivals. The author shares the hypothesis proposed by the contemporary British psychiatrist Timothy Crow that schi-

zophrenia is an inherent illness of Homo Sapiens, so that everybody is schizophrenic to a certain degree. The language is the cause of the problem. From this point of view, psychotherapy appears an absurd business – a game between two schizophrenic persons speaking a language of schizophrenic origin.

A.Sh. Tkhostov. The Psychotherapist and His/Her Magic

The author joins the discussion of A.I. Sosland's article, «Psychotherapy entangled in contradictions». He argues that any therapeutic process must have a semiotic component, which contributes to its efficiency. The author analyses the issues of psychotherapy's legitimisation and the danger of becoming an ideology.

Key words: psychotherapy, evaluation of its efficiency, the problem of its legitimacy.

A.I. Sosland. The Client Will Save Us

This is a discussion of various replies to A. Sosland's article, «Psychotherapy in the nets of contradictions». The author considers each colleague's point of view and examines methodological basis of their criticism as well as some of their concrete remarks. Thus, he points out discrepancies in the text of one of his opponents. He finally comments on the ways psychotherapy may develop in the future.

Work in Progress

A.F. Anufriev. Psychodiagnostics as a Scientific Basis of Psychological Practice

The author analyses the theory and methodology of psychodiagnostics and

differentiates between psychodiagnostics as a kind of practice and as an academic discipline which underlines it. He distinguishes four components in the structure of the discipline and mentions main categories on which a practitioner draws while making a diagnosis. The author describes perspectives that the discipline of psychodiagnostics opens for psychological research and practice.

V.A. Barabnshchikov, A.O. Boldyrev. Reading Individual Psychological Features on a Partly Exposed Face

The authors have experimentally demonstrated that the occlusion of the orthogonal parts of the face (right/left, up/down) changes the way it is perceived. These ways depend on the gender and facial structure of the model, on the position of the occlusion and the gen-

der differences among observers. In comparison with the fully exposed face, the expression of the partly exposed face can be perceived either more or less adequately.

Iu.V. Kovaleva. Behaviour Management of a Married Couple During Expectancy Period

The author tests her hypothesis that the behaviour of expectant women differs depending on their husbands' individuality. She analyses such variables as behavioural control, internality and attitudes towards the early family experience and observes their correlation in future parents. She demonstrates that during the pregnancy period the spouses mutually adapt their behaviour and that each of them tends to reproduce his or her parental style.